

ISSN 2076-2577 (Print)
ISSN 2541-982X (Online)

FU Финно-угорский мир
Finno-Ugric World
Том 13, № 2. 2021

Журнал основан в 2008 г.
Выходит ежеквартально

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Свидетельство ПИ № ФС77–70644 от 3 августа 2017 г.

Территория распространения журнала – Российская Федерация, зарубежные страны

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 42059

Учредитель и издатель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».
430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68

Адрес редакции:

430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68
Телефон: +7 8342 474423, +7 8342 478220
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: journal@csfu.mrsu.ru

Главный редактор Н. П. Макаркин

Дата выхода 12.07.2021.
Формат 70 x 108 1/16. Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 1000 экз. (1-й завод – 150 экз.).
Цена свободная. Заказ № 789

Отпечатано в типографии
Издательства Мордовского университета
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Советская, 24

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2021

The journal was founded in 2008.
Published quarterly

Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media Certificate ПИ № ФС77–70644 August 3, 2017

Distributed In Russian Federation and foreign countries

Subscribe index: 42059,
Catalog “The Press of Russia”

Founder and Publisher:

Federal State
Budgetary Educational
Institution of Higher Education
“National Research
Ogarev Mordovia
State University”
68 Bolshevistskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

Editorial board:

68 Bolshevistskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia
Phone: +7 8342 474423, +7 8342 478220
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: journal@csfu.mrsu.ru

Editor in Chief N. P. Makarkin

Released on July 12, 2021.
Format 70 x 108 1/16. Press sheets 12.0.
Circulation 1000 copies (1st – 150 copies).
Free price. Order No. 789

Printed in the Publishing House of National
Research Ogarev Mordovia State University
24 Sovetskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

© National Research Mordovia State University, 2021

Редакция журнала «Финно-угорский мир Finno-Ugric World» строит политику издания на общепринятых этических принципах научных публикаций. Редакция поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, а также руководствуется Декларацией Ассоциации научных редакторов и издателей «Этические принципы научных публикаций».

Редакционная политика формулируется с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала (Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors), разработанном Комитетом по публикационной этике (Committee on Publication Ethics).

Редакция открыта для взаимодействия с профессиональными научными ассоциациями и отраслевыми сообществами с целью обеспечения высокого качества работы ученых.

Редакция не оказывает платных или агентских услуг. Публикация в Журнале бесплатная. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Редакция не навязывает авторам цитирование статей, ранее опубликованных в Журнале, с целью искусственного улучшения его наукометрических показателей, а также принципиально не оказывает такую «помощь» другим изданиям или конкретным авторам.

«Финно-угорский мир Finno-Ugric World» – журнал открытого доступа (Open Access): все пользователи могут абсолютно свободно и бесплатно читать, загружать, копировать, передавать, а также ссылаться на публикуемые материалы в соответствии с принципами Будапештской инициативы открытого доступа (BOAI).

Авторы сохраняют за собой авторские права и предоставляют Журналу право публикации работы. Неисключительные права на использование материалов Журнала принадлежат ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» как учредителю и издателю.

В Журнале может быть опубликован любой автор, представивший ранее не опубликованный материал.

Журнал считает своей миссией распространение на территории Российской Федерации и за рубежом научных знаний о финно-угорских народах, популяризацию их языков, народной культуры и искусств, истории. Исходя из понимания данной миссии, редакция Журнала публикует материалы, посвященные результатам исследований лингвистических, исторических и этнографических, культурологических проблем финно-угорских народов. Также публикуются информационные сообщения о важных научных событиях, семинарах, симпозиумах и конференциях, связанных с тематикой издания.

Материалы Журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

Допускается свободное воспроизведение материалов Журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. При цитировании ссылка на Журнал обязательна. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

The editorial board of the journal "Finno-Ugric World" is committed to generally accepted ethical principles of Journal publications. The editors support Code of Ethics of Journal Publications, developed by Committee on Ethics of Journal Publications (Moscow, Russia), and Declaration of the Association of Journal Editors and Publishers "Ethical Principles of Journal Publications".

The editorial policy is based on ethical norms of the work of editors and publishers written in Code of Conduct and Guidelines for Best Practice for the Editor of the Journal, developed by the Committee on Publication Ethics.

The Editors shall be open for cooperation with professional scientific associations and industry-specific communities to ensure high quality work of scientists.

The editorial board does not provide paid services. All publications in the Journal are free. The editorial board does not charge the authors for the preparation, download and printing of materials.

The editors shall never impose citing papers, which were previously published in the Journal, on the authors, for the purpose of improving its scientometric indicators, as well as shall not provide other journals or specific authors with such "help".

The "Finno-Ugric World" is an open access Journal which means that all content is freely available without charge to the user or his/her institution. Users are allowed to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of the articles, or use them for any other lawful purpose, without asking prior permission from the publisher or the author. This is in accordance with the BOAI definition of open access.

The authors retain copyright holder exclusive rights over their articles and assign copyright to the Journal. Non-exclusive rights to use the papers of the Journal belong to National Research Mordovia State University as a founder and publisher.

The Journal publishes any author, if he presents a material not released before and not supposed to be published simultaneously in other journals. Receipt of articles for publication is effected permanently.

The Journal seeks to develop Finno-Ugric Studies, dissemination of their languages, folk culture and arts, and the history in the territory of the Russian Federation and abroad. In order to fulfil these aims the Journal welcomes the articles on the various aspects in linguistics, literature, culture, history and ethnography of the Finno-Ugric peoples. It also regularly includes the information about important sciences events, seminars, symposiums and conferences relevant to the Journal.

All the materials of the "Finno-Ugric World" journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Free reproduction of the Journal's materials is allowed for personal, information, research, academic or cultural purposes in accordance with the Civil Code of the Russian Federation. When quoting, a link to the Journal is required. Other types of reproduction are only possible following the written agreement of the copyright holder.

- Макаркин Николай Петрович** – председатель совета, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения (г. Саранск, Россия), makarkin@mrsu.ru
- Бахлова Ольга Владимировна** – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), olga.bahlova@gmail.com
- Бояркин Николай Иванович** – доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), bojarkin_ni@mail.ru
- Братчикова Надежда Станиславовна** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова» (г. Москва, Россия), n.bratchikova@mail.ru
- Вдовин Сергей Михайлович** – кандидат экономических наук, ректор ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), rector@adm.mrsu.ru
- Вичинене Дайва** – доктор гуманитарных наук, профессор, заведующий кафедрой этномузыкологии Литовской академии музыки и театра (г. Вильнюс, Литва), daivaster@gmail.com
- Глухова Наталья Николаевна** – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и лингвистики Центра гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gluhnatalia@mail.ru
- Жеребцов Игорь Любомирович** – доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
- Илюха Ольга Павловна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), iljuha@krc.karelia.ru
- Кауппала Пекка** – доктор философии, доцент Центра изучения России и Восточной Европы Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Кондратьева Наталья Владимировна** – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск, Россия), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Корнишина Галина Альбертовна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), kornishina@ Rambler.ru
- Лууттонен Иорма** – доктор философии, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Туркского университета (г. Турку, Финляндия), luutonen@utu.fi
- Матичак Шандор** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорского языкознания Дебреценского университета (г. Дебрецен, Венгрия), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Мишанин Юрий Александрович** – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по межэтническим отношениям Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, председатель Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского) и эрзянского народа (г. Саранск, Россия), mordvarf@mail.ru
- Мосина Наталья Михайловна** – доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), natamish@ Rambler.ru
- Муллонен Ирма Ивановна** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), mullonen@krc.karelia.ru
- Нуриева Ирина Муртазовна** – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Россия), nurieva-59@mail.ru
- Попов Александр Александрович** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), doctor_porov@mail.ru
- Пустаи Янош** – доктор филологии, профессор, директор НН «Collegium Fenno-Ugricum» (г. Бадачоньтомай, Венгрия), janos_pusztay@hotmail.com
- Ракин Анатолий Николаевич** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), anatolij.rakin@mail.ru
- Родняков Алексей Викторович** – секретарь совета, заместитель руководителя Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), aleviro@mail.ru
- Сеиленталь Тыну** – доктор филологии, заведующий финно-угорским отделением Тартуского университета, председатель Программы родственных народов (г. Тарту, Эстония), seilu@ut.ee
- Тултаев Петр Николаевич** – председатель президиума Совета ООД «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» (г. Саранск, Россия), afunf@yandex.ru
- Тулуз Ева** – доктор философии, профессор Центра исследований Европы и Евразии Национального института восточных языков и цивилизаций (г. Париж, Франция), evatoulouze@gmail.com
- Шаланки Жужанна** – доктор филологии, доцент кафедры финно-угроведения Университета им. Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Шилев Николай Владимирович** – доктор исторических наук, профессор кафедры юридических дисциплин ОЧУ ВО «Еврейский Университет» (г. Москва, Россия), n_shilov@uni21.org
- Шкалина Галина Евгеньевна** – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культуры и искусств ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gshkalina@mail.ru

- Nikolay P. Makarkin** – Chairman of the Board, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies (Saransk, Russia), makarkin@mrsu.ru
- Olga V. Bahlova** – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), olga.bahlova@gmail.com
- Nikolay I. Boyarkin** – Doctor of Arts, Professor, Lead Research Fellow, Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), bojarkin_ni@mail.ru
- Nadezhda S. Bratchikova** – Doctor of Philology, Head of the Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), n.bratchikova@mail.ru
- Sergey M. Vdovin** – Cand. Sc. {Economics}, Rector of National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), rector@adm.mrsu.ru
- Daiva Vyčiniėnė** – Doctor of Arts, Professor, Head of the Department of Ethnomusicology, Lithuanian Academy of Music and Theater (Vilnius, Lithuania), daivarster@gmail.com
- Natalia N. Glukhova** – Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages and Linguistics, Center for Humanitarian Education, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia), gluhatalia@mail.ru
- Igor L. Zherebtsov** – Doctor of History, Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History of Komi, Research Center of Ural Branch of Russian Academy of Science (Syktyvkar, Russia), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
- Olga P. Ilukha** – Doctor of History, Lead Research Fellow, History Section, Institute of Language, Literature and History, Karelia Scientific Center of Russian Academy of Science (Petrozavodsk, Russia), iljuha@krc.karelia.ru
- Pekka Kauppala** – Ph. D., Associate Professor, Center for the Study of Russia and Eastern Europe, Helsinki University (Helsinki, Finland), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Natalia V. Kondratieva** – Doctor of Philology, Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (Izhevsk, Russia), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Galina A. Kornishina** – Doctor of History, Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), kornishina@rambler.ru
- Jorma Luutonen** – Ph. D., Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, University of Turku (Turku, Finland), luutonen@utu.fi
- Sándor Maticsák** – Ph. D. {Philology}, Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Linguistics, University of Debrecen (Debrecen, Hungary), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Yuri A. Mishanin** – Doctor of Philology, Professor, Deputy Director for Interethnic Relations of the Scientific Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, Chairperson of Interregional Public Organization of Mordovian (Moksha and Erzya) People (Saransk, Russia), mordvarf@mail.ru
- Natalya M. Mosina** – Doctor of Philology, Professor, Department of Finno-Ugric Philology, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), natamish@rambler.ru
- Irma I. Mullonen** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Institute of Language, Literature and History, Karelia Research Center of Russian Academy of Science (Petrozavodsk, Russia), mullonen@krc.karelia.ru
- Irina M. Nurieva** – Doctor of Arts, Lead Research Fellow, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of Russian Academy of Science (Izhevsk, Russia), nurieva-59@mail.ru
- Alexander A. Popov** – Doctor of History, Professor, Senior Research Fellow, Sector of Domestic History, Institute of Language, Literature and History of the Komi Research Center, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), doctor_popov@mail.ru
- János Pusztay** – Ph. D. {Philology}, Professor, Director of the Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary), janos_pusztay@hotmail.com
- Anatoly N. Rakin** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of Russian Academy of Science (Syktyvkar, Russia), anatoij.rakin@mail.ru
- Aleksei V. Rodniakov** – Secretary of the Board, Deputy Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), aleviro@mail.ru
- Tõnu Seilenthal** – Ph. D. {Philology}, Head of the Finno-Ugric Branch of the University of Tartu, Chairperson of the Kindred Peoples Programme (Tartu, Estonia), seilu@ut.ee
- Pyotr N. Tultaev** – Chairperson of the Presidium of the Council of Association of Finno-Ugric Peoples of the Russian Federation (Saransk, Russia), afunrf@yandex.ru
- Eve Toulouse** – Ph. D. {Philosophy}, Professor, Center for European and Eurasian Studies, National Institute of Oriental Languages and Civilizations (Paris, France), evatoulouse@gmail.com
- Zsuzsanna Salánki** – Ph. D. {Philology}, Associate Professor, Department of Finno-Ugric Studies, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Nikolai V. Shilov** – Doctor of History, Professor, Department of Legal Disciplines, PHEO “Jewish University” (Moscow, Russia), n_shilov@uni21.org
- Galina E. Shkalina** – Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Culture and Arts, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russia), gshkalina@mail.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Ф. М. Лельхова. Принципы номинации растений в хантыйском языке 116
- Н. Н. Тимерханова. Синтаксическая структура абсолютных конструкций и связь между ее главными компонентами в удмуртском языке 124

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Е. В. Каракин, Т. В. Пашкова. Энтомологические образы в верованиях карел 136
- А. А. Антипова, Е. Н. Касаркина. Механизмы поддержки неполных семей в условиях социокультуры города и села в Мордовии 143
- Г. Л. Поносов, П. С. Дмитриев, Т. Н. Лысакова, А. М. Носонов, Я. А. Вендт. Финно-угорские народы Республики Казахстан: динамика численности, размещение, миграционные процессы ... 158

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- М. В. Логинова. Этноэстетика в системе этнокультуры: теоретико-методологический аспект 169
- И. А. Сазыкина, И. Л. Сиротина. Актуализация традиционных этнических символов в дизайне современного финно-угорского костюма 180

СОБЫТИЯ, ЛЮДИ, КНИГИ

- В. Н. Максимов. Зинаиде Филипповне Барцевой – 110 193
- Н. И. Бояркин. Николай Мокшин – грани творчества. К 85-летию со дня рождения 195
- А. М. Шаронов. Андрей Гагаев: финно-угорский и русский космо-психо-логос 201
- Л. В. Калачина. Творческие поиски художника-педагога П. Д. Миничкина: «Женщина: эхо аллюзий» 204
- А. Б. Танасейчук. Заполняя лакуны 206
- С. К. Свечников. Подарок к 100-летию Республики Марий Эл 208
- Р. И. Чузаев. Марийская учебная книга как феномен национальной культуры 211

PHILOLOGY

- F. M. Lelkhova. Principles of plant nomination in the Khanty language 116
- N. N. Timerkhanova. Syntactic structure of absolute construction and the connection between its main components in the Udmurt language 124

HISTORICAL STUDIES

- Ye. V. Karakin, T. V. Pashkova. Entomological images in Karelian beliefs 136
- A. A. Antipova, E. N. Kasarkina. Mechanisms of support for single-parent families in the sociocultural conditions in cities and villages in Mordovia 143
- G. L. Ponosov, P. S. Dmitriyev, T. N. Lyssakova, A. M. Nosonov, J. A. Wendt. Finno-Ugric peoples of the Republic of Kazakhstan: dynamics of the population, distribution, migration processes 158

CULTURAL STUDIES

- M. V. Loginova. Ethno-aesthetics in the system ethnic culture: theoretical and methodological aspect ... 169
- I. A. Sazykina, I. L. Sirotina. Updating traditional ethnic symbols in the design of a modern Finno-Ugric costume 180

EVENTS, PEOPLE, BOOKS

- V. N. Maksimov. Zinaida Filippovna Bartzeva – 110 193
- N. I. Boyarkin. Nikolay Mokshin. The edges of creativity. To the 85th birthday anniversary 195
- A. M. Sharonov. Andrey Gagaev: Finno-Ugric and Russian cosmo-psycho-logos 201
- L. V. Kalachina. Creative search of P. D. Minichkin, an artist and a teacher: “Woman: the echo of allusions” 204
- A. B. Tanaseichuk. Filling the gaps 206
- S. K. Svechnikov. Gift for the 100th anniversary of the Republic of Mary El 208
- R. I. Chuzaev. Mari course book as a phenomenon of national culture 211

Принципы номинации растений в хантыйском языке

Федосья Макаровна Лельхова

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск, Россия*

Введение. Статья посвящена способам наименования растений в диалектах хантыйского языка. Целью исследования является классификация принципов номинации флоры в хантыйском языке с учетом диалектных особенностей. Объектом исследования послужила лексика растительного мира, дающая богатый материал в синхроническом и диахроническом аспектах, поскольку относится к наиболее архаичным пластам лексики. Актуальность работы обусловлена тем, что до настоящего времени принципы номинации растений в этом языке не подвергались исследованию.

Материалы и методы. Основным материалом для исследования стала флористическая лексика говоров хантыйского языка. Языковой материал был собран в ходе полевых работ и непосредственного общения с носителями говоров. В работе использовался комплекс исследовательских методов: описательный, включая выявление и классификацию материала, метод компонентного анализа, а также отдельные элементы этимологического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. В процессе анализа выявлены разнообразные и многочисленные принципы номинации растений в хантыйском языке и его диалектах, такие как «потребление животными и птицами растений в качестве корма», «место произрастания», «цвет», «функция», «пригодность/съедобность для человека» и т. д.

Заключение. Процесс наименования растений строится с учетом определенных признаков, отражающих как характеристики самих растений, так и специфику культуры народа. В хантыйском языке наиболее репрезентативными мотивировочными признаками при номинации растений являются соотнесенность с объектами животного мира, место произрастания, цвет, специфика хозяйственного использования.

Ключевые слова: диалект, лексика, хантыйский язык, финно-угорские языки, способ номинации, фитоним, мотивация

Благодарности: Автор благодарит проект Pohjoishantin Šuryškarin kirjakielen kielioopin ja muiden aruneuvojen laatiminen, а также фонд Koneen Säätiö, с помощью которых были организованы экспедиции к северным хантам (2017–2018 гг.) и собран лексический материал по теме.

Для цитирования: Лельхова Ф. М. Принципы номинации растений в хантыйском языке // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 2. С. 116–123. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.02.116-123.

Введение

Одной из значимых задач современной лингвистики является всестороннее изучение лексики. Целенаправленное системное исследование различных групп лексики составляет важное направление хантыйского языкознания, которое в последние десятилетия характеризуется динамичным развитием. Актуальность темы исследования определяется тем, что в лингвистике возрастает интерес к изучению компонентов лексической системы, которые отражают специфику духовной и материальной жизни народов. Обращение к данной теме своевременно и по причине того, что диалектные фитонимы находятся на отдаленной периферии лексической

системы и выходят из сферы активного употребления. В финно-угорском языкознании проведены детальные сопоставительные исследования флористической лексики в прибалтийско-финских, мордовских, коми-зырянском, марийском языках, аналогичные им на материале хантыйского языка отсутствуют. Все это определяет необходимость комплексного исследования лексики растительного мира и выявления мотивационных признаков, лежащих в основе номинации растений в языке народа ханты.

Как отмечает З. Е. Каскарова, любое растение характеризуется особенными признаками, которые объективны, кон-

кретны и могут служить основанием его номинации. Номинация – это закрепление за словом понятия, отражающего определенные признаки предмета, или, другими словами, свойство словесного знака называть что-либо. Принципом номинации принято считать путь осуществления связи слова с называемым предметом. О принципе номинации по форме можно говорить в том случае, когда наименование растений осуществляется на основе обобщения мотивировочных признаков, связанных с формой и величиной растений, их сходством с какими-либо предметами. Принцип номинации по свойству выделяется в случае обобщения мотивировочных признаков, соотносимых с цветом, запахом, вкусом и др. Принцип номинации по функции фиксируется, когда мотивировочные признаки связаны с использованием растений в производстве, быту, медицине и т. д. Под способом номинации понимается прием реализации принципа номинации. Различаются прямой способ, когда мотивировочный признак выражается словом с прямым значением, т. е. непосредственно, и непрямой (опосредствованный или косвенный) способ, когда номинация осуществляется через переносные значения слова [6].

Народные наименования сложились в ходе многовековой жизнедеятельности человеческих общин и стали результатом многочисленных представлений о растительном мире, связанных с ним ассоциаций, эмоций, попыток практического применения. В статье рассматриваются различные подходы, применяемые при назывании растений в диалектах хантыйского языка. Язык играет важную роль в познании и отражении действительности в сознании человека. Посредством тех или иных названий человек передает свое отношение к явлению, предмету, его значимости в жизни, тем самым определяя место данного явления, предмета в общей «картине мира». Наименования растений в диалектах составляют значительный пласт исконной лексики, также необходимо отметить огромную роль флоры в жизни народа.

До последнего времени лексика растительного мира народа ханты оставалась недостаточно изученной, а применительно к диалектным вариантам – не изученной вообще. Диалектная лексика хантыйского языка играет важную познавательную роль при исследовании истории, материальной и духовной культуры этого народа. Названиям растений в финно-угорских и уральских языках посвящены многочисленные труды языковедов [5; 9–11 и др.]. В работах исследователей анализируются способы номинации растений, семантическая и словообразовательная структура фитонимической лексики, находят отражение проблемы сравнительного и исторического исследования лексики данной группы, выявляются типологические соответствия в финно-угорских и самодийских языках.

В исследовании Ю. Э. Коппалевой, выполненного на материале ингерманландских говоров финского языка, рассматриваются два способа номинации: наименование по признаку и заимствование. Автором выделены 13 принципов наименования растений в соответствии с признаком объекта номинации: цвет, особенности отдельных морфологических частей, место произрастания, время произрастания (цветения), вкусовые свойства (съедобность/несъедобность), способность выделять какой-либо сок, характер поверхности, издаваемый звук от механического воздействия, запах, лекарственные свойства и использование в народной медицине, связанные с растениями народные поверья и обычаи, некоторые специфические свойства растений, несколько признаков [9]. Сходные по принципам номинации классификации разработаны и для других финно-угорских языков [1; 2; 4; 14].

Номинация растений тесно связана с мировоззрением конкретного народа. Люди подмечали характерные свойства и качества того или иного представителя флоры, осмыслили их, отражали в его названиях, которые передавали из поколения в поколение. Эти признаки, объективные и конкретные, легли в основу прямого

способа номинации, тогда как суеверные представления людей, народные поверья рассматриваются в рамках непрямого способа номинации. По свидетельству О. В. Сахаровой, метафорический способ номинации растений в самобытной ботанической терминологии селькупского языка отличается абсолютным преобладанием, что раскрывает особенности мышления селькупского этноса, в частности образные ассоциации между растениями и предметами или явлениями объективной действительности [13, 96].

А. М. Гребнева рассматривает эрзянские и мокшанские фитонимы с точки зрения семантического поля. В диалектной лексике подвижность значения наименования определяется в первую очередь многообразием признаков, присущих каждому явлению или предмету окружающего мира. Ряды наименований одного и того же растения образуют междиалектные семантические поля. Автор отмечает, что некоторые растения в пределах распространения мордовских языков (как и многих других) имеют ряды наименований. В противоположном случае одним и тем же словом обозначаются целые группы растений [3, 101].

На материале финно-угорских языков проводятся исследования фитонимов в лингвогеографическом аспекте, т. е. с позиций диалектных различий на уровне лексики и словообразования, семантической структуры слова, мотивационных, номинационных различий [8; 12].

Материалы и методы

Основным материалом для исследования послужила флористическая лексика говоров хантыйского языка. Языковой материал был собран в ходе полевых работ и непосредственного общения с носителями говоров – северных хантов, проживающих по р. Сыне. Сбор материала по восточным диалектам производился из словарных источников. В работе использовался комплекс исследовательских методов: описательный, включая выявление и классификацию материала, метод компонентного анализа, а также отдельные элементы этимологического анализа, что позволило выявить основные закономерности номи-

нации растений. Применялись также анализ и обобщение научной литературы по теме исследования, обработка и интерпретация полученной информации, метод системного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

В процессе номинации человек выделяет какой-либо предмет или явление среди других предметов или явлений, наименование происходит путем указания на его признаки. Признаки растений отражаются в диалектных фитонимах по-разному. В. Б. Колосова классифицирует названия растений по трем мотивационным моделям. Первая из них – ‘признак’ → ‘название растения’, т. е. признак прямо назван в фитониме, например: *желтоголовик* ‘одуванчик’. Вторая модель метафорическая, когда признак передается при помощи сравнения с предметом, обладающим таким же признаком, – ‘предмет определенного цвета (формы, вкуса и т. д.)’ → ‘название растения’, например: *мьечьяк* ‘одуванчик’, *колтачки* ‘аконит’. Третья мотивационная модель – ‘мифологический мотив’ → ‘название растения’, например: *иван-да-марья*, *кукушкины слезы* [7].

Основным принципом номинации растений является номинация по признаку. В народной фитонимии отражено практическое и культурное (включая мифопоэтическое) освоение растительного мира. Наименования растений, как правило, отражают наиболее существенные их признаки, так как носитель языка пытается наиболее точно передать в названиях характеристики, значимые для узнавания и практического использования растения. В хантыйском языке представлены группы фитонимов, выделенных на основании принципов «потребление животными и птицами в качестве корма», «место произрастания», «цвет», «функция», «пригодность/съедобность для человека» и т. д.

1. Фитонимы, мотивированные названиями животных, птиц, выделенные по принципу «потребление животными и птицами в качестве корма»: *лов тёрэн* ‘овес (букв.: трава лошади)’, *мис*

төрэн ‘растения, которыми питаются коровы’, *ош төрэн* ‘травы, которые едят овцы’, сын. *лунт лэты төрн* ‘хвощ приречный (букв.: трава, которую едят гуси)’, *ньюль вой пухрац* ‘хвощ птицы *ньюль вой*’, сын. *амп рых* ‘водяника (букв.: собаки ягода)’, в. *ньёхусул* ‘водяника, ежевика (букв.: соболя ягода)’, в. *мёнкәм ики ул* ‘водяника (букв.: медведя ягода)’, в. *тархул* ‘журавлиная ягода’, *тохтау, тохтау рых*, в. *тэхтау ул* ‘голубика (букв.: гагары ягода)’, сын. *щицки рых*, к. *щицки вөл* ‘полянника, княженика (букв.: птички ягода)’ (ошибочно эту ягоду называют земляничкой), в. вас. *путьки морэж* ‘ежевика, земляника (букв.: птичек морошка)’, в. *ньёхэс морэж* ‘малина (букв.: морошка соболя)’, сын. *ин икен воцты от* ‘поленика, княженика (букв.: медведем собираемое)’, *лүк рых* ‘толокнянка, медвежья ягода (букв.: глухарь ягода)’ (священная ягода, ею питаются глухари, медведи и другие животные, ее также называют *ин икев воцтот* ‘собираемое стариком (медведем)’), *моми рых* ‘медведя ягода’, *лөх лэвэс йуу* ‘вереск (букв.: глухарь хвоя куст)’, *лүк төхрән йуу* ‘можжевельник (букв.: глухаря кустарник с хвоей)’, *лүк тухэр йуу* ‘глухарь хвоя дерево (букв.: корм глухаря)’, с. *йәтәрүи литөт* ‘почка (букв.: терки пища)’ (почками питаются птицы).

Зоонимные компоненты могут не только указывать на пищевые пристрастия животных и птиц, но и отражать несъедобность растения, в частности ягод, для человека, их плохой вкус. К этой группе относятся следующие названия: *лүк рых* ‘толокнянка, медвежья ягода’, *моми рых* ‘ягоды можжевельника, волчьи ягоды’. Наименования, в которых есть зоосема, могут быть мотивированы и формой растений: *кәти күни* ‘кошачья лапка двудомная (букв.: кота когти)’ (название является калькой с русского языка), в., вас. *әмп ньәләм* ‘черемша, полевой лук (букв.: собаки язык)’ (форма листьев напоминает язык собаки). Другие номинационные признаки могут быть неясны, например: вас. *әмпәл пәхрынть* ‘репейник’ (*әмп* ‘собака’, *әл*?, *пәхрынть* ‘полынь’), вас. *әмпйом* ‘кустарниковая ягода, похожая на черешню (букв.: собака черемуха)’ (растение не идентифициро-

вано), в. *зотәу морэж* (растение не идентифицировано, название какой-то ягоды, возможно малины) ‘букв.: серая речная чайка, халей, ягода’.

2. Фитонимы, мотивированные местом произрастания. Их можно разделить на несколько групп:

а) названия растений, произрастающих на поверхности земли (в лесу, на островах): *унт шай* ‘иван-чай (букв.: лес чай)’, в. *вонт валь* ‘багульник (букв.: лес кустарник)’, сын. *йохәм рых*, *йохәм воьцәмөт* ‘брусника (букв.: боровая ягода)’, *мүв шәниш йүх* ‘вереск – стелющийся по земле низкорослый кустарник (букв.: земли поверхность дерево)’, *пухрац* ‘хвощ лесной (букв.: остров лесной, хвощ)’, *пан лүк* ‘дикий лук (букв.: берег лук)’;

б) наименования болотных растений: *йкәр униш* ‘сосна, растущая на лесном болоте (букв.: заросшее деревьями болото сосна)’, *калән энәмты рәц* ‘хвощ болотный’, ш. *нурәм рых* ‘клюква (букв.: лесотундра ягода)’, пр. *лөпта рэх* ‘клюква (букв.: низинное, влажное место ягода)’, *кал рых* ‘клюква (букв.: болото ягода)’, ш. *сота рых* ‘клюква (букв.: болотная ягода)’;

в) названия водных растений: в. *музыламәть* ‘кувшинка – озерный цветок (букв.: карась кувшинка)’, *йишк мурәх* ‘кубышка (букв.: вода морошка)’;

г) наименования по месту произрастания, привязанному к какому-либо иному растению или месту: *нарсув рых* ‘клюква (букв.: ягода сфагнума)’, сын. *хөмәс рых* ‘клюква (букв.: кочка ягода)’.

3. Фитонимы, мотивированные цветом растений: сын. *үрты хәш* ‘кустарник с коричневатой корой’ (растение не идентифицировано), в. *вәр н’әрәм йүх* ‘краснотал (букв.: красный тальниковый куст)’, *вәртә пәрн’ац* ‘краснотал’, сын. *үрты рых*, *үрты воьцәм от* ‘букв.: красная ягода’, в. *вәртул* ‘брусника (букв.: красная ягода)’, сын. *вөсты рых* ‘голубика (букв.: синяя ягода)’, сын. *үры-мөьи* ‘красная смородина (букв.: (цвета) крови хруст)’ (ягоды красные, цвета крови, хрустящие), в. *вәртә цовчәж* ‘красная смородина’, *нөви төлэх* ‘белый гриб’, *үрты төлэх* ‘подосиновик (букв.: красный гриб)’, сын. *нөви нәрсүв*, *хөй тәхайәл* *үртышәк* ‘мох сфаг-

нум (букв.: светлый мох, местами красно-ватый)’, к. *нуви ньань лант турэн* ‘пшеница (букв.: белой хлебной муки трава)’, *питы ньань лант турэн* ‘рожь (букв.: темной хлебной муки трава)’ и т. д. Два последних названия, возможно, являются кальками с русских слов. В хантыйском языке для обозначения цвета растения наиболее употребительными выступают прилагательные *ўрты*, *вэртэ* ‘красный’, ‘коричневый’, ‘бурый’, *восты* ‘синий’, *новы* ‘белый’.

4. Фитонимы, мотивированные функцией применения растений в быту и хозяйстве: ш., к. *хон йўх* ‘осина (букв.: лодка дерево)’ (дерево используется для изготовления лодок), *нохэр йўх* ‘кедр (букв.: шишка дерево)’ (кедровая шишка – любимое лакомство и для людей, и для животных, птиц), *лунт лэты тёрэн* ‘хвощ приречный (букв.: трава, которую едят гуси)’ (хвощом питаются птицы: гуси, утки и др.), *норы тёрэн* ‘трава, из которой делают циновки для постели’, *вай илэм тёрэн* ‘трава, используемая в качестве стельки’ (эту траву кладут в обувь для тепла, держания формы обуви), *пусэн йўх* ‘бурая гниль (букв.: дерево для дымокура)’ (используется для разведения дымокура), *полт йўх* ‘труха’ (букв.: труха дерево)’ (подготовленную труху кладут в качестве впитывающего средства в колыбель ребенка, в обувь) и т. д.

5. Фитонимы, мотивированные пригодностью/съедобностью растений, можно разделить на хорошие / пригодные для еды и плохие / непригодные для еды. К первым относятся *йём тёрэн* ‘щавель (букв.: хорошая трава)’, *йём сан* ‘хороший феллинос’, *лэты тёрэн* ‘травы, которые едят животные’, ко вторым – *атэм торэн* ‘ядовитая (плохая) трава’. Съедобные грибы (подосиновик, красный гриб, белый гриб) называются *йём тёлэх* ‘хороший гриб’ или *лэты тёлхэн* ‘гриб, который едят’, несъедобные – *атэм толхэт* ‘плохие грибы’, ядовитые – *кака тёлхэт* ‘букв.: гадкие грибы’.

6. Фитонимы, мотивированные формой растений: *рэйц* ‘хвощ лесной (букв.: зазубрина)’, *кэти кўни* ‘кошачья лапка двудомная (букв.: кота когти)’, *пўнэн ох* ‘пушица (букв.: пушистая

голова)’, сын. *хўв кўрни тёрэн* ‘пырей (букв.: длинноногая трава)’, в. *муулэн нам* ‘пырей (букв.: узловатая трава)’ (в названии указывается на узловатость корней), в., вас. *амп ньалэм* ‘черемша, полевой лук (букв.: собаки язык)’ и т. д. Номинацию растений по сходству с чем-либо можно объяснить стремлением носителя языка выделить у растения какие-то внешние особенности.

7. Фитонимы, мотивированные характерным свойством растения: *песлау*, *песлау тёрэн* ‘осока’, ‘осока трава (букв.: режущая (трава)’, *пелысэты йўх* ‘крапива, шиповник (букв.: колющийся куст)’, с. *ан чэу пўнк йўх* ‘шиповника куст (букв.: шиповник зуб дерево)’ и др.

8. Фитонимы, мотивированные издаваемым звуком при внешнем механическом воздействии на растение: сын. *мурах* в. *морэу*, ‘морощка’ (от глагола *мёрнэлтты* ‘издавать хруст при поедании, есть с хрустом’), сын. *ўры-мёлы* красная смородина (букв.: (цвета) крови хруст)’ (от глагола *мёлийэл* ‘хрустеть на зубах’). По этой семантической модели образовано небольшое количество фитонимов.

9. Фитонимы, мотивированные возрастными и половыми характеристиками человека: в. *куйтам* ‘пырей (мужская трава)’. К данной группе относится одно наименование.

Заключение

Процесс наименования растений строится с учетом вполне определенных признаков, отражающих как характеристики самих растений, так и специфику культуры народа в широком ее понимании. Представленный материал свидетельствует о богатстве хантыйской фитонимической лексики. Выявлено девять мотивировочных признаков, которые лежат в основе номинации растений, из них наиболее репрезентативными являются следующие: соотнесенность с объектами животного мира, место произрастания, цвет, специфика хозяйственного использования.

Данный лексический пласт хантыйского языка изучен недостаточно и требует более глубокого, детального исследования.

Полученные результаты могут быть использованы при изучении диалектологии, лексикологии, лингвокультурологии, ономастики, а также при составлении словарей различных типов, в типологических описаниях.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования, собранный практический материал могут быть применены при изучении и преподавании хантыйского языка, а также при чтении курсов по языкознанию в об-

разовательной практике средних школ, педагогических колледжей и высших учебных заведений.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>в.</i> –	ваховский диалект
<i>вас.</i> –	васюганский диалект
<i>к.</i> –	казымский диалект
<i>пр.</i> –	приуральский диалект
<i>с.</i> –	сургутский диалект
<i>сын.</i> –	сынский диалект
<i>тр.-юг.</i> –	тром-юганский говор сургутского диалекта
<i>юг.</i> –	юганский говор сургутского диалекта
<i>ш.</i> –	шурышкарский диалект

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бродский И. В. Варианты названий некоторых дикорастущих растений в вепском языке (лингвогеографический аспект) // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования). СПб., 2005. С. 192–195.
2. Бродский И. В. Отражение коми-прибалтийско-финских связей в фитонимии // Вопросы урало-алтайской лингвистики. СПб., 2004. С. 53–56.
3. Гребнева А. М. Мордовские фитонимы в системе семантического поля // Интеграция образования. 2015. Т. 19, № 4. С. 100–106.
4. Ефремов А. С. Принципы номинации травянистой и ягодной флоры в марийском языке // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1990. Вып. 7. С. 113–139.
5. Ефремов А. С. Структура, историческое развитие некоторых марийских названий растений // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1987. Вып. 6. С. 62–71.
6. Каскарова З. Е. К вопросу о номинации растений в хакасском языке // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2011. № 2. С. 29–32.
7. Колосова В. Б. Номинация растений в славянских языках по признаку их применения в народной медицине // Диалектная лексика – 2009. СПб., 2009. С. 124–133.
8. Коппалева Ю. Э. Лингвогеографический анализ финских народных названий некоторых дикорастущих травянистых растений (на материале ингерманландских говоров) // Acta linguistica Petropolitana – Труды Института лингвистических исследований. 2010. Т. 6, № 1. С. 40–50.
9. Коппалева Ю. Э. Финская народная лексика флоры (становление и функционирование). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007. 287 с.
10. Пермякова О. С. Принципы номинации растений в марийском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 2. С. 159–161.
11. Ракин А. Н. Основные принципы номинации трав и ягод в коми языке и народная этимология. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1977. 53 с.
12. Рябова Г. В. Лингвогеографический анализ фитонимов эрзянских говоров Самарской области // Филологический аспект: междунар. науч.-практ. журн. 2020. № 7. С. 27–33.
13. Сахарова О. В. Непрямой способ номинации растений как отражение мировосприятия селькупского этноса // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 10. С. 94–97.
14. Сахарова О. В. Принципы номинации флористической лексики селькупского языка // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур: материалы Междунар. науч. конф. Томск, 2008. С. 168–173.

Поступила 11.03.2021; одобрена 22.03.2021; принята 30.03.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ф. М. Лельхова – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, lelhovafm@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2879-0628>

Principles of plant nomination in the Khanty language

Fedosia M. Leikhova

*Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development,
Khanty-Mansiysk, Russia*

Introduction. The article considers the identification of the ways of plant nomination in the dialects of the Khanty language. The aim of the research is to classify the principles of flora nomination in the Khanty language, taking into account dialectal features. The object is the vocabulary of the plant world, which provides rich material in synchronic and diachronic aspects, since it belongs to the most archaic layers of vocabulary. The relevance of the work is due to the fact that until now the principles of plant nomination in this language have not been studied.

Materials and Methods. The material for the article was the floristic vocabulary of the Khanty dialects. The linguistic material was collected during the field work and direct communication with the speakers of the dialects. The work employs a complex of research methods such as: descriptive, including the identification and classification of material, the method of component analysis, as well as individual elements of etymological analysis.

Results and Discussion. As a result of the analysis, it identifies various and numerous principles of plant nomination in the Khanty language and its dialects, such as “consumption of plants by animals and birds as food”, “place of growth”, “color”, “function”, “edibility for humans”, etc.

Conclusions. The process of naming plants is based on certain characteristics that reflect both the characteristics of the plants themselves and the specifics of the culture of the people. In the Khanty language, the most representative motivational features for the nomination of plants are the correlation with objects of the animal world, place of growth, color, specificity of economic use.

Keywords: dialect, vocabulary, language, Khanty, Finno-Ugric, method of nomination, phytonymy, motivation

Acknowledgments: The author thanks the Pohjoishantin Šuryškarin kirjakielen kieliopin ja muiden apuneuvojen laatiminen project, and Koneen Säätiö foundation for the help in organizing the expeditions to the northern Khanty for collecting the lexical material on the topic.

For citation: Leikhova FM. Principles of plant nomination in the Khanty language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;2:116–123. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.02.116-123.

REFERENCES

1. Brodsky IV. Variants of the names of some wild-growing plants in the Vepsian language (linguo-geographical aspect). *Leksicheskiĭ atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniia)* = Lexical atlas of Russian folk dialects (materials and research). Saint-Petersburg; 2005:192–195. (In Russ.)
2. Brodsky IV. Reflection of the Komi-Baltic-Finnish relations in phytonymy. *Voprosy uralo-altaiskoi lingvistikii* = Questions of the Ural-Altai linguistics. Saint-Petersburg; 2004:53–56. (In Russ.)
3. Grebneva AM. Mordovian phytonyms in the system of the semantic field. *Integratsiia obrazovaniia* = Integration of education. 2015;19;4:100–106. (In Russ.)
4. Efremov AS. Principles of nomination of herbaceous and berry flora in the Mari language. *Voprosy mariiskoi onomastiki* = Questions of the Mari onomastics. Yoshkar-Ola;1990;7; 113–139. (In Russ.)
5. Efremov AS. Structure, historical development of some Mari plant names. *Voprosy mariiskoi onomastiki* = Questions of Mari onomastics. Yoshkar-Ola;1987;6:62–71. (In Russ.)
6. Kaskarova ZE. On the question of the nomination of plants in the Khakass language. *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altai* = Scientific Review of Sayano-Altai. 2011;2:29–32. (In Russ.)
7. Kolosova VB. Nomination of plants in Slavic languages based on their use in folk medicine. *Dialektnaia leksika – 2009* = Dialect vocabulary – 2009. Saint-Petersburg; 2009:124–133. (In Russ.)
8. Koppaleva YuE. Linguo-geographical analysis of the Finnish folk names of some wild-growing herbaceous plants (based on the

- Ingermanland dialects). *Acta linguistica Petropolitana – Trudy Instituta lingvističeskikh issledovanii* = *Acta linguistica Petropolitana – Proceedings of the Institute of Linguistic Research*. 2010;6;1:40–50. (In Russ.)
9. Koppaleva YuE. Finnish folk vocabulary of flora (formation and functioning). Petrozavodsk; 2007. (In Russ.)
 10. Permyakova OS. Principles of plant nomination in the Mari language. *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2013;2;159–161. (In Russ.)
 11. Rakin AN. Basic principles of the nomination of herbs and berries in the Komi language and folk etymology. Syktyvkar; 1977. (In Russ.)
 12. Ryabova GV. Linguo-geographical analysis of phytonyms of Erzyan dialects of the Samara region. *Filologičeskii aspekt* = *Philological aspect*. 2020;7:27–33. (In Russ.)
 13. Sakharova OV. An indirect way of nominating plants as a reflection of the world perception of the Selkup ethnoses. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta* = *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*. 2012;10:94–97. (In Russ.)
 14. Sakharova OV. Principles of nomination of the floristic vocabulary of the Selkup language. *Sravnitel'no-istoričeskoe i tipologičeskoe izučenie jazykov i kul'tur: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* = *Comparative-historical and typological study of languages and cultures. Materials of the International scientific conference*. Tomsk;2008:168–173. (In Russ.)

Submitted 11.03.2021; reviewing 22.03.2021; accepted 30.03.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

F. M. Lelkhova – Candidate Sc. {Philology}, Senior Research Fellow, Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development, lelhovafm@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2879-0628>

Синтаксическая структура абсолютных конструкций и связь между ее главными компонентами в удмуртском языке

Надежда Николаевна Тимерханова

*Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия*

Введение. В удмуртском языке весьма продуктивными являются бисубъектные предложения с абсолютными полупредикативными оборотами. Главные компоненты таких конструкций выражены существительным в именительном падеже и деепричастием либо отглагольным существительным, которые связаны специфической связью. Целью данной работы является установление синтаксических особенностей полупредикативных оборотов. Задачи исследования: описать синтаксическую структуру подобных конструкций, установить тип синтаксической связи между главными компонентами внутри абсолютного оборота и показать его отличие от традиционно выделяемых в предложении типов синтаксической связи.

Материалы и методы. Основным источником исследования послужили материалы из удмуртской художественной литературы и разговорной речи. Автором использовался комплекс исследовательских методов: описательный, сплошной выборки, контекстуального анализа, лингвистического моделирования и трансформации. Применение указанных методов позволило рассмотреть на конкретном языковом материале специфику изучаемых единиц.

Результаты исследования и их обсуждение. Рассмотрены широко представленные в системе удмуртского языка абсолютные полупредикативные обороты: деепричастные и отглагольные, имеющие субъект действия, отличный от субъекта действия основной части предложения – субъекта, связанного со сказуемым. Установлено, что синтаксическая связь между субъектом и деепричастием (отглагольным существительным) является специфической – не предикативной и не подчинительной; в удмуртском языкознании она до сих пор не обозначена при помощи лингвистического термина. Такие конструкции имеют фиксированный порядок слов. В оборотах с деепричастием на суффикс *-са* не может быть автономного субъекта действия, субъект всегда единый для глагола-сказуемого и деепричастия.

Заключение. В удмуртском языке имеются так называемые абсолютные обороты – бисубъектные конструкции со вторым субъектом действия в именительном падеже, который претендует на роль подлежащего в полупредикативном обороте с главным словом деепричастием или отглагольным существительным. Синтаксическая связь между главными компонентами внутри абсолютного оборота отличается от традиционно выделяемых в предложении типов синтаксической связи и может быть обозначена как полупредикативная координация либо субпредикативная координация.

Ключевые слова: удмуртский язык, бисубъектная конструкция, полупредикативная связь, абсолютный оборот, структурная схема полупредикативного оборота, полупредикативная/субпредикативная координация

Для цитирования: Тимерханова Н. Н. Синтаксическая структура абсолютных конструкций и связь между ее главными компонентами в удмуртском языке // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 2. С. 124–135. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.02.124-135.

Введение

Бисубъектные предложения с абсолютными полупредикативными оборотами являются продуктивными конструкциями в удмуртском языке, они широко используются и в художественном, и в разговорном, и в публицистическом стилях речи. В научном и официально-деловом стилях сложноподчиненные предложения (как правило, с придаточными цели, причины,

условия, времени и уступки) оказываются предпочтительнее, так как более четко обозначают логические связи мысли-высказывания. Структура и семантика абсолютных полупредикативных оборотов весьма интересны, поскольку определить тип связи между главными компонентами оборота довольно сложно. Данный тип синтаксической связи в удмуртском языке

ке до сих пор не описан, соответственно нет и термина для его обозначения. Какую структуру имеют полупредикативные конструкции с собственным субъектом действия в именительном падеже и какой термин можно применить по отношению к грамматической связи в рассматриваемых сочетаниях – поиску ответов на эти вопросы и посвящена данная статья.

Основной целью статьи является установление синтаксических особенностей полупредикативных оборотов. Для ее достижения решались следующие задачи: 1) описать синтаксическую структуру подобных конструкций; 2) установить тип синтаксической связи между главными компонентами внутри абсолютного оборота; 3) показать ее отличие от традиционно выделяемых в предложении типов синтаксической связи.

В удмуртском языке можно выделить простые предложения с неспрягаемой формой глагола – деепричастием и отглагольным существительным, которые являются осложненными предложениями с полупредикативными оборотами. Такие конструкции относительно полно изучены и в синхроническом, и в диахроническом аспектах. В то же время нет описания типа связи, возникающей между субъектом полупредикативного оборота и его действием, выраженным деепричастием или отглагольным существительным, и нет научных источников, говорящих об отличиях данной связи от традиционно выделяемых в удмуртском языкознании. Это обуславливает актуальность исследования.

С учетом вышесказанного объектом исследования стали бисуъектные предложения с абсолютными полупредикативными оборотами, предметом – синтаксическая связь между главными компонентами в абсолютном полупредикативном обороте и синтаксическая структура таких конструкций.

Обзор литературы

Интересующий нас вид связи не описан в научных работах удмуртоведов и финно-угроведов, хотя сами конструкции в удмуртском языке, их связь с основной частью предложения, а именно с

Бисуъектные предложения с абсолютными полупредикативными оборотами являются продуктивными конструкциями в удмуртском языке, они широко используются и в художественном, и в разговорном, и в публицистическом стилях речи. В научном и официально-деловом стилях сложноподчиненные предложения (как правило, с придаточными цели, причины, условия, времени и уступки) оказываются предпочтительнее, так как более четко обозначают логические связи мысли-высказывания.

глаголом-сказуемым, достаточно подробно рассмотрены в работах А. Ф. Шутова, Д. Р. Фокоша-Фукса и других ученых [5, 103; 11; 12, 306–307; 13; 16; 17, 203–204]. В русском языкознании также отсутствует описание подобной связи, что вполне обоснованно: в русском языке нет таких конструкций (за редким исключением деепричастных оборотов с отраженным местоимением).

Образование и функционирование деепричастных и отглагольных конструкций исследуют зарубежные ученые Ф. Й. Видеманн, Х. Винклер, А. Клемм, Г. Стипа, Д. Р. Фокош-Фукс и др. Одним из первых на существование в удмуртском языке подобных конструкций указал Ф. Й. Видеманн в «Грамматике вотяцкого языка» [19], назвав их сокращенными придаточными, образованными с помощью деепричастий и отглагольных имен. Ученый также говорил о возможности зырянского и удмуртского языков сокращать сложное предложение в простое за счет образования деривата предложения в виде оборота [18, 230].

Х. Винклер, исследуя деепричастные, причастные и инфинитивные конструкции в разделе, посвященном синтаксису удмуртского языка, обозначает их как «побочное определение» [20, 97–100]. А. Клемм, изучавший синтаксис удмуртского языка в сопоставлении с венгерским и другими языками, сложноподчи-

ненные предложения и синонимичные с ними деепричастные и отглагольные обороты рассматривал на материале текстов Б. Мункачи и Ю. Вихманна. Он выявил древние синтаксические конструкции, к которым отнес и абсолютные обороты [14; 15].

Д. Р. Фокош-Фукс, занимаясь исследованием отглагольных наречий в пермских языках, выделяет деепричастия с суффиксами *-са, -тэк, -ку, -тозь* и отглагольные существительные, куда ошибочно относит формы с суффиксом *-мон*, также являющиеся деепричастиями. Ученый говорит и о субъектных деепричастных конструкциях, считая, что они имеют транспозитивный характер, а именно выступают синтаксическими дериватами обычных предложений [12, 306–307].

Г. Стипа предполагает, что отглагольные обороты восходят к самостоятельным предложениям [17, 203–204].

Из отечественных ученых исследования в этой области вели В. И. Алатырев, Л. И. Калинина, П. Н. Перевощиков и др. [1; 4; 6]. В частности, П. Н. Перевощиков изучению деепричастных оборотов посвятил монографию «Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке» [6].

Большое значение имеют труды А. Ф. Шутова «Гипотаксис в удмуртском языке» и «Пути развития гипотаксических отношений в удмуртском языке», в которых подробно описываются этапы изучения абсолютных конструкций и их структурно-семантические особенности¹.

Как можно заметить, все вышеперечисленные работы посвящены либо истории образования рассматриваемых языковых единиц, либо структурным особенностям конструкции и морфемной специфике стержневого слова – деепричастия, отглагольного существительного или инфинитива, но ни в одной из указанных работ не говорится о типе синтаксической связи между главными компонентами в абсолютных оборотах бисубъектных предложений.

Материалы и методы

Основным источником исследования послужили материалы из удмуртской художественной литературы и разговорной речи, а также немоносубъектные конструкции, приведенные в работе А. Ф. Шутова «Гипотаксис в удмуртском языке». При этом использовался комплекс исследовательских методов: описательный, метод сплошной выборки и др. При помощи метода контекстуального анализа в некоторых случаях выявлялось отличие субъектов, формально совпадающих по форме лица (местоимение *со* в обороте и подлежащее-существительное в основной части). Сопоставительный анализ был применен при определении особенностей подчинительного и неподчинительного типов связи в абсолютных конструкциях. Метод лингвистического моделирования и трансформации использовался для демонстрации наличия полной парадигмы лица и числа у полупредикативного оборота и фиксированного порядка слов в данных конструкциях. Применение указанных методов позволяет рассмотреть на конкретном материале языковую специфику исследуемых единиц.

Результаты исследования и их обсуждение

В системе удмуртского языка широко представлены абсолютные полупредикативные обороты: деепричастные и отглагольные, имеющие свой субъект действия, отличный от субъекта действия основной части предложения – субъекта, связанного с глаголом-сказуемым. По отношению к рассматриваемым конструкциям мы используем термины «абсолютная конструкция» и «абсолютный оборот», которые в финно-угроведении применяются с XIX в. Термин «абсолютная конструкция» встречается, например, в научной работе П. И. Савваитова «Грамматика зырянского языка», вышедшей в 1850 г. [7, 116]. О подобных языковых единицах в других финно-угорских язы-

¹ См.: Шутов А. Ф. Гипотаксис в удмуртском языке: пособие для студентов по синтаксису. Ижевск, 1999; Его же. Пути развития гипотаксических отношений в удмуртском языке: дис. ... д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 2002.

ках пишут зарубежные и отечественные исследователи: в марийском – Н. И. Исанбаев [3, 96], финском – З. М. Дубровина, Г. Стипа, Л. Хакулинен [2, 135–136; 9; 17, 203], в самодийских – Н. М. Терещенко [8, 305–311]. Большое внимание абсолютным конструкциям уделено и в работе К. Е. Майтинской [5].

Отметим основные признаки абсолютной конструкции: 1) бинарная структура, т. е. наличие двух пар компонентов, претендующих на роль предикативной основы (двух пропозиций), первичная и вторичная предикация (необходимо отметить, что в полупредикативном обороте субъект действия может быть выражен лексически и грамматически, а словесно не выраженный субъект может обнаруживаться в грамматической форме посредством суффикса личного либо лично-притяжательного); 2) разнотематность действий; 3) равноправие и взаимозависимость компонентов в каждой части; 4) невхождение в структурную основу предложения, но структурно-семантическая соотнесенность, зависимость абсолютной конструкции от основного состава предложения; 5) определенный способ выражения главных компонентов: первый компонент – существительное или местоимение, второй – нефинитная форма глагола или отглагольное существительное; 6) фиксированный порядок следования компонентов: субъект – его действие; 7) особая интонационная структура; 8) возможность трансформации в сложноподчиненное предложение с обстоятельственной придаточной частью.

Так как цель нашей работы – выявление типа синтаксической связи внутри абсолютного полупредикативного оборота, прежде всего рассмотрим виды синтаксических связей, которые традиционно выделяются в удмуртском языке. Основная связь в предложении предикативная – связь между субъектом и его действием/состоянием – подлежащим и сказуемым; это связь взаимозависимости: *Пинальёс шудо* ‘Дети играют’; *Веросьёс тунсыкоесь* ‘Рассказы интересные’; *Корка утялтэмын* ‘Дом прибран’. На структурном уровне данная связь чаще всего выражается при

В удмуртском языке можно выделить простые предложения с неспрягаемой формой глагола – деепричастием и отглагольным существительным, которые являются осложненными предложениями с полупредикативными оборотами.

помощи конструкций $N_{\text{nom}} - V_{\text{f3}}$ либо $N_{\text{nom}} - \text{Adj}$; $N_{\text{nom}} - \text{Part}$.

На второстепенном уровне выделяются четыре вида подчинительной связи в словосочетаниях:

1) управление: *книгаез учкыны* ‘смотреть книгу’, *тон сярсысь вераськыны* ‘говорить о тебе’, *гуртысь калык* ‘население деревни’ (самые частотные схемы подобных словосочетаний: $N_{\text{acc...}} - V_{\text{f}}$; $\text{Pron}_{\text{nom/inst}} - \text{Postp} - V_{\text{f}}$; $N_{\text{ell}} - N$, а также $N_{\text{nom/inst}} - \text{Postp} - V_{\text{f}}$; $\text{Pron}_{\text{acc...}} - V_{\text{f}}$ и др.);

2) примыкание: *юрттыны тыршись-ко* ‘стараюсь помочь’, *пу корка* ‘дом из дерева’, *чаляк ветлэ* ‘быстро ходит’ (схемы: $V_{\text{inf}} - V_{\text{f}}$; $N_{\text{nom}} - N$; $\text{Adv} - V_{\text{f}}$; $\text{Praed} - V_{\text{f}}$ и т. д.);

3) согласование: *вылезлэн коркалэн* ‘(у) нового дома’, *пинальсь пужымьёс* ‘молодые сосны’ (схемы: $\text{Adj}_{\text{deixis}} - N$; $\text{Adj}_{\text{pl}} - N_{\text{pl}}$; $\text{Pron}_{\text{deixis}} - N$; $\text{Part}_{\text{deixis}} - N$);

4) изафет: *тынад эшед* ‘твой друг’, *пуньлэн быжыз* ‘хвост собаки’, *коркалэсь кузёзэ* ‘хозяина дома’ (схемы: $\text{Pron}_{\text{pos}} - N$; $N_{\text{gen}} - N_{\text{pos3}}$; $N_{\text{abl}} - N_{\text{acc-pos3}}$ и т. д.).

На уровне предложения имеется сочинительная связь между однородными (однофункциональными) членами, например: *лыз но возж кагаз* ‘синяя и зеленая бумага’, *уяны но бызьбылыны яратисько* ‘люблю плавать и бегать’, также можно выделить сочинительную связь между неоднородными (разнофункциональными) членами: *Вераськымы, ку но кытын ортчоз кенеш* ‘Обговорили, где и когда пройдет совещание’; пояснительную связь: *Кырскал – мукет сямен койык – гурт пуме вуылэ* ‘букв.: Дикая корова – иначе лосиха – приходит на окраину деревни’; присоединительную связь: *Туж зол кымизы пинальёс, тужгес но пичи-ос* ‘Очень сильно замерзли дети, особенно малыши’.

В системе удмуртского языка широко представлены абсолютные полупредикативные обороты: деепричастные и отглагольные, имеющие свой субъект действия, отличный от субъекта действия основной части предложения – субъекта, связанного с глаголом-сказуемым.

В нашей работе речь пойдет о синтаксической связи деепричастия / отглагольного существительного с субъектом в абсолютных конструкциях и их грамматической структуре. Например, в предложении *Эше вуытозь, мон уг кошкы* ‘Пока не придет (мой) друг, я не уйду’ в данной конструкции имеются субъект *эше* ‘(мой) друг’ и псевдопредикат – деепричастие *вуытозь* ‘пока не придет’; структурная схема: $N_{\text{nom-pos}} - Ger_{\text{adv}}$. В предложении *Мон бертыку, тон дорын ой вал ни* ‘Когда я вернулся (домой), тебя дома уже не было’ – субъект *мон* ‘я’ и псевдопредикат – деепричастие *бертыку* ‘когда вернулся (домой)’; структурная схема $Pron_{\text{nom}} - Ger_{\text{adv}}$. В предложении *Оля лыктымтээн, Саня туж кайгыриз* ‘Из-за того что не приехала Оля, Саня очень сильно расстроился’ – субъект *Оля* и псевдопредикат – деепричастие *лыктымтээн* ‘из-за того что не приехала’; структурная схема $N_{\text{nom}} - Ger_{\text{adv-neg}}$.

Рассмотрим также связь отглагольного существительного с его субъектом в отглагольных оборотах. В предложении *Куазь зорем бере, гуждор вож-вож луиз* ‘После того как прошел дождь, трава стала зеленая-зеленая’ – субъект *куазь* ‘дождь’, псевдопредикат – отглагольное существительное *зорем* ‘прошел дождь (букв.: выпадение дождя)’ и послелог *бере* ‘после того как’; структурная схема $N_{\text{nom}} - Ger_{\text{N}} Postp$. В предложении *Богатырёв кабинетэ вамыштэм бере ик, Анатолий Михайлович жок съорысь султис но пумитаз мынйиз* (И. Гаврилов) ‘Сразу же после того как Богатырёв вошел

в кабинет, Анатолий Михайлович встал из-за стола и шагнул навстречу (ему)’ – субъект *Богатырёв*, псевдопредикат – отглагольное существительное *вамыштэм* ‘вошел (букв.: вхождение)’ и послелог *бере* ‘после того как’; структурная схема $N_{\text{nom}} - Ger_{\text{N}} Postp$ (на месте существительного может быть местоимение, тогда схема будет такова: $Pron_{\text{nom}} - Ger_{\text{N}} Postp$). И деепричастие, и отглагольное существительное нами обозначены как псевдопредикат, в связи с тем что подобные слова ведут себя как предикат, но на его роль претендовать не могут, поскольку, во-первых, не являются глаголом-сказуемым, во-вторых, зависят от сказуемого как второстепенный член предложения. Говоря о структуре абсолютной полупредикативной конструкции, необходимо также отметить, что в исследуемых конструкциях фиксированный порядок компонентов: субъект всегда находится перед деепричастием или отглагольным существительным, выражающим его действие. Нельзя сказать: *Вуытозь эше...*; *Бертыку мон...*; *Лыктымтээн Оля...*; *Вамыштэм бере ик Богатырёв...*

В связи с особенностью абсолютных полупредикативных конструкций, а именно из-за того, что в них два субъекта, один из которых связан со сказуемым, а другой – с деепричастием или отглагольным существительным, эквивалентный дословный перевод деепричастных конструкций на русский литературный язык невозможен. Поскольку по правилам русского языка сказуемое и относящееся к нему деепричастие должны иметь один и тот же субъект действия, рассматриваемые конструкции, составляющие в языке-источнике осложненное простое предложение, переводятся как сложноподчиненное предложение. Бисубъектные² предложения с отглагольными оборотами также лучше переводить как сложноподчиненные предложения, хотя иногда возможно перевести и как предложно-падежную

² Бисубъектными будем называть и полисубъектные конструкции. В рассматриваемых нами языковых единицах чаще бывает два субъекта действия, полисубъектные конструкции встречаются реже. Это предложения типа: *Оля но Коля вуытозь, мон дорам луо* ‘До прихода Оли и Коли (пока не придут Оля и Коля), я буду дома’; *Мон лыктыкум, анай но атай капка дорын возымало вал ни* ‘Когда я пришел (букв.: приходя, подходя), мать и отец ждали уже у ворот’.

конструкцию, – подобных отглагольных оборотов в русском языке нет.

Итак, в удмуртском языке субъекты действия в основной части высказывания и деепричастном обороте могут различаться. В связи с этим нас интересует, какой тип грамматической связи представлен в сочетании деепричастия / отглагольного существительного и его субъекта.

Субъект действия в абсолютном полу-предикативном обороте удмуртского языка имеет форму именительного падежа и функционально равнозначен подлежащему в основной части высказывания, но, как уже было сказано выше, деепричастие / отглагольное существительное не может быть полноценным предикатом высказывания, так как является формой, подчиняющейся глаголу-сказуемому. В целом деепричастные/отглагольные обороты и в моносубъектных, и в бисубъектных конструкциях имеют обстоятельство-характеризующее значение, но внутри оборота в бисубъектных предложениях появляется дополнительный предикативный оттенок.

Возникает вопрос, как обозначать связь между деепричастием / отглагольным существительным и его субъектом, находящимся в обороте, – при анализе словосочетаний в предложении определить данный тип связи через традиционные термины невозможно, поскольку нет подходящего термина. Если предложение является моносубъектной конструкцией, проблем не возникает, например: *Туруханской ссылкаысь бертыкум, мон сое алыылам вози* (И. Гаврилов) ‘Возвращаясь из Туруханской ссылки, я ее на коленках держал’. В деепричастном обороте *Туруханской ссылкаысь бертыкум* имеются только такие словосочетания, которые можно обозначить через традиционные термины: *ссылкаысь бертыкум* ‘возвращаясь из ссылки’ – словосочетание с грамматической связью «управление»; *Туруханской ссылкаысь* ‘из Туруханской ссылки’ – словосочетание со связью «примыкание». Другой пример: *Кион пытьыос кузя кӧня ке мынэмез бере, со лйял вылэ пуксиз но тамак арапӧз* (И. Гаврилов) ‘После того как

И деепричастие, и отглагольное существительное нами обозначены как псевдопредикат, в связи с тем что подобные слова ведут себя как предикат, но на его роль претендовать не могут, поскольку, во-первых, не являются глаголом-сказуемым, во-вторых, зависят от сказуемого как второстепенный член предложения.

немного прошел по волчьим следам, он сел на пенек и закурил табак’. Здесь *кӧня ке мынэмез бере* ‘после того как немного прошел’ – примыкание, *пытъыос кузя мынэмез бере* ‘после того как прошел по следам’ – управление, *кион пытьыос кузя* ‘по волчьим следам’ – примыкание.

Также при анализе сочетаний слов не появляются проблемы, если бисубъектные конструкции используются без одного словесно выраженного субъекта: *Воложкаысь бертэм бераз, общежитиысь сторожиха пичи гинэ бумага сётӧз* (И. Гаврилов) ‘После того как вернулся с Воложки, сторожиха из общежития дала малюсенькую бумажку’. В отглагольном обороте *Воложкаысь бертэм бераз* субъект скрыт в личном суффиксе -з, соответствующем 3-му лицу – по контексту *он* (в основной части высказывания субъект *сторожиха – она*). Попутно заметим, что в отличие от русского в удмуртском языке во всех формах времени имеется соотносительность в плане лица (рода нет вообще). Словосочетания в таких конструкциях также можно легко вычленить и проанализировать тип грамматической связи: *Воложкаысь бертэм бераз* ‘после того как вернулся с Воложки’ – управление.

Рассмотрим конструкции с двумя словесно выраженными субъектами, например в предложении с деепричастным оборотом: *Ачим но валатэк, чукински мон* ‘И сам не понял, как завалился (упал) я (букв.: И сам не понимая (поняв), завалился я)’. В сочетании *Ачим но валатэк* равноправная взаимная связь: *Ачим но мар карытэк? кызы?* ‘И сам что не делаю? как?’ – *Кин валатэк?* ‘букв.: Кто не понимая?’. Но в данном предложении субъект по контексту один – *мон ачим* ‘я сам’.

Подобные конструкции с определительными местоимениями есть и в русском языке: *Лева, сам того не замечая, быстрыми шагами пересек комнату...* (А. Битов). *С полчаса они сидели молча, каждый думая о своем* (В. Каверин). Как отмечает О. М. Чупашева, семантика местоимения в этих случаях зависит от его связи с тем или иным главным членом. В сочетании с подлежащим реализуется значение «кто-то лично производит действие или испытывает его», в сочетании со сказуемым – значение «самостоятельно», «своими силами, без помощи или требования со стороны». Перемещаясь в деепричастный оборот, определительные местоимения отрываются от подлежащего – личного местоимения (существительного), «выходят из состава» синтаксически нечленимого сочетания, разрушая его, становясь самостоятельными. Однако они сохраняют смысловую связь с подлежащим, дублируя форму его рода и числа. «Безусловно, субъект-местоимение в именительном падеже в составе деепричастного оборота отличается от субъекта-подлежащего, так как является отраженным, анафорическим: деепричастие и в этом случае сохраняет свои связи с субъектом-подлежащим предложения, тем более что особый субъект, отличный от подлежащего, у деепричастия в двусоставном предложении объективно невозможен» [10, 65, 66, 67].

В отличие от русского языка в удмуртском встречаются и бисубъектные конструкции с определительным местоимением: *Ачид ужатэк, куазь уз сёт* (посл.) ‘Если сам не будешь работать, от погоды не жди (букв.: погода не даст)’. В предложении два субъекта: *ачид* ‘сам/сама’ и *куазь* ‘погода’.

Итак, в удмуртском языке в абсолютном полупредикативном обороте наряду с субъектом-подлежащим основной части предложения возможен и иной субъект, например: *Феня солы гожтэт мычыку, огшоры гинэ юаз [Камаев]...* (Р. Валишин) ‘Когда Феня протянула ему письмо, так просто спросил [Камаев]...; *Юся вал гидэ вуыку, Оникей отын вал уни* (Р. Валишин) ‘Когда Юся подходила к хлеву, Аникей был уже там’. В первом пред-

ложении субъект деепричастия *мычыку* ‘протянув’ – *Феня*, во втором – субъект деепричастия *вуыку* ‘подходя’ – *Юся*. В обеих конструкциях равноправная взаимная связь: *Феня ма карыку? ку?* ‘Когда Феня что делала? (букв.: что делая?)’ – *Кин мычыку?* ‘Кто протянул? (букв.: протянув?)’; *Юся ма карыку? ку?* ‘Когда Юся что делала? (букв.: что делая?)’ – *Кин вуыку?* ‘Кто подходил? (букв.: подходя?)’.

Рассмотрим предложение с отглагольным оборотом: *Бакин кошкем бере, Варен Сергей кона ке чалмыт пукизы* (И. Гаврилов) ‘После того как ушел Бакин, Варя с Сергеем какое-то время посидели молча’. В сочетании *Бакин кошкем бере* также равноправная взаимная связь: *Бакин мар карем бере? ку?* ‘После того как Бакин что сделал? (букв.: что сделал?)’ – *Кин кошкем бере?* ‘После того как кто ушел?’. Следовательно, сочетание слов ведет себя точно так же, как подлежащее и сказуемое.

В предложении может быть одновременно и деепричастный, и отглагольный оборот каждый со своим субъектом (лексически и грамматически выраженным либо не выраженным): *Кузёзы тазы кенешылэмысь, лэся, Фроловлы повестка сётэм бере...* *Шабалинлэн сюлэмаз висён кадь маке каръяськиз* (Р. Валишин) ‘Оттого что председатель так советовался, видимо, после вручения повестки Фролову... в сердце Шабалина поселилось что-то вроде болезни’. В деепричастном обороте *кузёзы кенешылэмысь* ‘оттого что председатель советовался (букв.: советуясь)’ равноправная взаимная связь: *кузёзы кенешылэмысь* ‘оттого что председатель советовался (букв.: советуясь)’, в отглагольном обороте *Фроловлы повестка сётэм бере* ‘после вручения повестки Фролову’ субъект лексически и грамматически не выражен, но подразумевает неопределенное лицо (аналог односоставного неопределенно-личного предложения): *(соос) сётэм бере* ‘после (их) вручения’.

Приведем другие примеры с лексически не выраженным вторым субъектом, который обозначен лишь грамматически – при помощи личного суффикса: *Уно калык келяз Микиез, гурт пуме потытояз* (Н. Васильев) ‘Много народа провожало Мишу,

пока [он] не вышел за окраину деревни'. Субъект *Миша* выражен через суффикс -з 3-го лица и нулевой суффикс единственного числа. *Нюлэскы мыныкузы, анай-атай-ёссы котьку ик верало...* (Н. Васильев) 'Когда [дети] идут в лес, (их) родители всегда говорят...'. Субъект *дети* (по контексту) выражен через суффикс -з 3-го лица и суффикс **-ы** множественного числа.

Необходимо отметить деепричастные обороты, в которых не бывает своего субъекта, – это конструкции с суффиксом **-са**: *Мунчое пырыса, чылкыт дйсь дйяса, Мики кёлыны выдйз* (Н. Васильев) 'Сходя в баню, надев чистую одежду, Миша лег спать'. *Микиез адзёса, со, юг тдды тушэ маятыса, шуньт пальпотйз* (Н. Васильев) 'Увидев Мишу, он, поглажив (свою) белоснежную бороду, ласково улыбнулся'. Из абсолютных конструкций нужно исключить и предложения со спаренными глаголами (деепричастие + глагол как нечленимое сочетание слов с одним общим значением), так как из-за синтаксической нечленности они не могут иметь разные субъекты: *Нош дз келькты сыче мурт, верамме пиедлэн пиезлы вераса кельты* (Н. Васильев) 'А если не придет такой человек, сказанное мной передай сыну (своего) сына' (*вераса* 'сказав', *кельты* 'оставь').

Что касается терминологии, то имеющийся в науке для обозначения связи деепричастных и причастных оборотов с глаголом-сказуемым термин «полупредикативная связь» считаем возможным использовать и для обозначения связи внутри оборота между деепричастием / отглагольным существительным и его субъектом. Рассматриваемые компоненты ведут себя как подлежащее и сказуемое (субъект и его действие), но все же их связь нельзя назвать предикативной – лишь полупредикативной. При этом связь между деепричастным/отглагольным оборотом и глаголом-сказуемым является полупредикативной подчинительного типа, а между нефинитными формами и субъектом

внутри оборота – неподчинительного типа. Налицо контаминация двух типов связей: непредикативной (полупредикативной) и предикативной. На наш взгляд, для анализа подобных сочетаний в вузе целесообразно ввести термин «полупредикативная координация» либо «субпредикативная координация»³, а в школьной практике не предлагать для анализа такие сочетания.

Обосновывая логичность использования термина «полупредикативная координация» либо «субпредикативная координация», приведем еще один языковой факт – нередкое использование личных суффиксов при некоторых деепричастиях, а именно при формах с суффиксом **-ку** (при суффиксах **-тозь**, **-(э)мен**, **-мтэен**, **-(э)мысь(ты)**, **-мтэысь(ты)** также могут быть личные суффиксы). Трансформировав пример *Юся вал гидэ вуыку, Оникей отын вал ини*, получим такие варианты форм: *Мон вал гидэ вуыкум, Оникей отын вал ини* 'Когда я подходил(а) к хлеву, Аникей был уже там'; *Тон вал гидэ вуыкуд...* 'Когда ты подходил(а) к хлеву...'; *Юся вал гидэ вуыкуз...* 'Когда Юся подошла к хлеву...'; *Ми вал гидэ вуыкумы...* 'Когда мы подошли к хлеву...'; *Тй вал гидэ вуыкуды...* 'Когда вы подходили к хлеву...'; *Соос вал гидэ вуыкузы...* 'Когда они подходили к хлеву...'. Как видим, деепричастие и субъект координируют форму по лицу и числу, образуя парадигму, подобно глаголу-сказуемому. Так же ведет себя и отглагольное существительное: *Воложкаысь бертэм бераз, общежитиысь сторожыха пичи гинэ бумага сётйз. (Мон) Воложкаысь бертэм берам...; (Тон) Воложкаысь бертэм берад...; (Со) Воложкаысь бертэм бераз...; (Ми) Воложкаысь бертэм берамы...; (Тй) Воложкаысь бертэм бераны...*

Приведем пример синтаксического анализа в вузе. *Тон Тузьмое вуытозь, куазед но зардон пала кариськоз* (Р. Валишин) 'Пока ты доедешь до Тузьмо, рассвет при-

³ Субпредикативная координация – синтаксическая связь, находящаяся (по значению приставки суб-) на языковом ярусе ниже предикативной координации (предикативной связи) между подлежащим и сказуемым, но выше подчинительной связи, так как подобные конструкции по формально-смысловым показателям близки к предикативным.

близится'. *Тон Тузьмое вуытозь* – сложное сочетание слов: 1) *Тузьмое вуытозь* ‘пока доедешь до Тузьмо’ – словосочетание простое, подчинительное, модель: N + Ger_{adv}; с главным словом деепричастием, отношения обстоятельственные (места, вопрос *кытчюзь вуытозь?* ‘докуда доезжая?’); грамматическая связь – управление, часть обстоятельства (выраженного деепричастным оборотом); 2) *тон вуытозь* ‘пока ты доедешь’ – сочетание слов простое, полупредикативное; модель: Pron_{nom} + Ger_{adv}; грамматическая связь (*кин вуытозь?* ‘пока кто не приехал?’; *тон ма карытозь?* ‘пока что не сделал ты?’) – полупредикативная/субпредикативная координация, в предложении часть обстоятельства (выраженного деепричастным оборотом). Или: *Гужем каникул вуэм бере ик, Сергей Ижевске кошкыз* (И. Гаврилов) ‘Сразу после наступления летних каникул Сергей уехал в Ижевск’. *Гужем каникул вуэм бере ик* – сложное сочетание слов: 1) *гужем каникул* ‘летних каникул’ – словосочетание простое, подчинительное; модель: N_{nom} + N_{nom}; с главным словом существительным (*каникул*), отношения атрибутивные (*кыче каникул?* ‘какие каникулы?’); грамматическая связь – примыкание, часть обстоятельства времени (выраженного отглагольным оборотом); 2) *каникул вуэм бере* ‘после наступления каникул’ – сочетание слов простое, полупредикативное; модель: N_{nom} + Ger_N Postp; грамматическая связь (*мар вуэм бере?* ‘сразу после наступления чего?’; *каникул ма луэм бере ик?* ‘после того как что произошло с каникулами? букв.: что сделали каникулы?’) – полупредикативная/субпредикативная координация, часть обстоятельства времени (выраженного отглагольным оборотом).

Заключение

В удмуртском языке имеются бисубъектные конструкции со вторым субъектом действия в именительном падеже, который претендует на роль подлежащего в полупредикативном обороте с главным словом деепричастием или отглагольным существительным. Такие синтаксические

единицы принято называть абсолютными оборотами либо абсолютными конструкциями, в сравнении с предикативными и подчинительными сочетаниями слов они имеют специфические признаки, в частности разнособъектность, равноправие и взаимозависимость компонентов и др. Из абсолютных конструкций нужно исключить деепричастные обороты с суффиксом *-са*, так как в них не бывает своего субъекта; кроме того, всегда монособъектны предложения со спаренными глаголами. Синтаксическая структура рассматриваемых языковых единиц имеет следующие модели: 1) в конструкциях с лексически и грамматически выраженным субъектом действия: N_{nom} – Ger_{adv}; N_{nom-pos} – Ger_{adv}; N_{nom} – Ger_{adv-neg}; Pron_{nom} – Ger_{adv}; N_{nom} – Ger_N Postp; Pron_{nom} – Ger_N Postp; 2) в оборотах с лексически не выраженным субъектом действия: Ger_{adv1...}; Ger_{adv-neg1...}; Ger_{N1...}. Синтаксическая связь между главными компонентами внутри абсолютной конструкции отличается от традиционно выделяемых в предложении типов синтаксической связи, ее можно обозначить как полупредикативная координация либо субпредикативная координация.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1... –	1-е лицо и т. д. (2-е, 3-е)
3 –	3-е лицо
abl –	ablative – разделительный падеж
acc... –	accusative – винительный и другие косвенные падежи
Adj –	adjectivum – имя прилагательное
Adv –	adverbium – наречие
deixis –	выделительный
f –	finitum – спрягаемый глагол
gen –	genetive – родительный падеж
Ger _{adv} –	gerundium adverbium – деепричастие
Ger _N –	gerundium nomen – отглагольное существительное
ell –	ellativ – исходный падеж
inf –	infinitivus – неопределенная форма глагола
inst –	instrumental – творительный падеж
N –	nomen substantivum – имя существительное
neg –	negation – отрицательный
nom –	nominative – именительный падеж
Part –	participium – причастие
pl –	pluralia – множественное число
pos –	possessive – притяжательный
Postp –	postposition – послелог
Praed –	status praedicamento – слово категории состояния
Pron –	pronomen – местоимение
V –	verbum – глагол

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алатырев В. И. Синтетический тип сложноподчиненных предложений в удмуртском языке // Всесоюзная конференция по финно-угроведению: тез. докл. и сообщ. Йошкар-Ола, 1969. С. 151–157.
2. Дубровина З. М. Инфинитивы в финском языке. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. 208 с.
3. Исанбаев Н. И. Деепричастия в марийском языке. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1961. 150 с.
4. Калинина Л. И. Субъектные причастные и отглагольно-именные конструкции в удмуртском языке // Вопросы советского финно-угроведения. Саранск, 1972. С. 92–93.
5. Майтинская К. Е. Венгерский язык. Ч. 3: Синтаксис. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 375 с.
6. Перевощиков П. Н. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1959. 328 с.
7. Савваитов П. И. Грамматика зырянского языка. СПб.: Тип. Импер. акад. наук, 1850. 169 с.
8. Терещенко Н. М. Синтаксис самодийских языков: Простое предложение. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 323 с.
9. Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. Ч. 2: Лексикология и синтаксис. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 292 с.
10. Чупашева О. М. Именительный падеж в составе деепричастного оборота // Русский язык в школе. 2007. № 8. С. 64–69.
11. Шутов А. Ф. Выражение агенса разносубъектных конструкций в удмуртском языке // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Ижевск, 2001. С. 171–172.
12. Fokos-Fuchs D. R. Die Verbaladverbien der permischen Sprachen // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1958. Köt. 8. Old. 273–342.
13. Fokos-Fuchs D. R. Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachverwandtschaft. Mit besonderer Rücksicht auf das Problem der ural-altäischen Sprachverwandtschaft. Wiesbaden: Harrassowitz, 1962. 137 S. (Ural-Altäische Bibliothek; 11).
14. Klemm A. A mellérendelő és alárendelő viszony kifejezése az északi osztjak és votják nyelvben // A Pannonhalmi Főapátság Főiskola Évkönyve. Pannonhalmi, 1912. Old. 219–284.
15. Klemm A. Magyar történeti mondattan. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia. 1928–1942. Köt. 1–3.
16. Pröhle W. Vergleichende Syntas der ural-altäischen (turánischen) Sprachen. Wiesbaden: Kommissionsverlag, 1978. 270 S.
17. Stipa G. Funktionen der Nominalformen des Verbs in den permischen Sprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1960. 290 S.
18. Widemann F. J. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. Saint-Petersburg, 1884. 255 S.
19. Widemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einen kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851. 390 S.
20. Winkler H. Der Uralaltäische Sprachstamm das Finnische und das Japanische. Berlin, 1909. 316 S.

Поступила 09.03.2021; одобрена 22.03.2021; принята 30.03.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Н. Н. Тимерханова – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой лингвистической типологии и лингводидактики Удмуртского государственного университета, timer-nadezhda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2331-9239>

Syntactic structure of absolute construction and the connection between its main components in the Udmurt language

Nadezhda N. Timerkhanova

Udmurt State University,
Izhevsk, Russia

Introduction. In the Udmurt language, bisubjective sentences with absolute polypredicative constructions are very productive. The main components of such constructions are expressed by the noun in the nominative case and the gerundium adverbial or gerundium noun, which are connected by a specific connection. The purpose of this article is to establish the syntactic features of polypredicative constructions. Research objectives are to describe the syntactic structure of such constructions, to establish the type of syntactic connection between the main components within the absolute constructions and to show its difference from the types of syntactic connection traditionally distinguished in the sentence.

Materials and Methods. The main source of the research was the materials from the Udmurt literature and colloquial speech. The author used a set of such research methods as: descriptive method, continuous sampling, contextual analysis, linguistic modeling and transformation. The use of these methods allowed considering the specifics of the units under consideration on a specific language material.

Results and Discussion. In the system of the Udmurt language, absolute polypredicative constructions are widely represented. Namely, gerundium adverbial constructions and gerundium noun constructions that have their own subject of action, which are different from the subject of action of the main part of the sentence – the subject, which is associated with the predicate. The syntactic connection between the subject and the gerundium adverbial part (gerundium noun) is specific, not predicative and not subordinate; it has not yet been designated with the help of a linguistic term in Udmurt linguistics. Such constructions have a fixed word order. In verbs with the gerundium adverbial part on the suffix **-sa**, there can be no autonomous subject of action, the subject is always the same for the verb-predicate and the gerundium adverbial part.

Conclusion. In the Udmurt language, there are bisubjective constructions with the second subject of action in the nominative case, which claims to be the subject in a polypredicative construction with the main word being a gerundium adverbial or gerundium noun. The syntactic connection between the main components within an absolute construction differs from the types of syntactic relationship traditionally distinguished in a sentence. This connection can be described as “semi-predicative coordination” or “subpredicative coordination”.

Keywords: the Udmurt language, besubject construction, polypredicative connection, the absolute construction, structural scheme polypredicative construction, semi-predicative/subpredicative coordination

For citation: Timerkhanova NN. Syntactic structure of absolute construction and the connection between its main components in the Udmurt language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;2:124–135. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.02.124-135.

REFERENCES

1. Alatyrev VI. Synthetic type of compound sentences in the Udmurt language. *Vsesoiuznaia konferentsiia po finno-ugrovedeniiu: tez. dokl. i soobshch.* = All-Union Conference on Finno-Ugric Studies. Abstracts of reports. Yoshkar-Ola; 1969:151–157. (In Russ.)
2. Dubrovina ZM. The infinitives in the Finnish language. Leningrad; 1972. (In Russ.)
3. Isanbayev NI. Adverbs in the Mari language. Yoshkar-Ola; 1961. (In Russ.)
4. Kalinina LI. Subjective participial and verbal-nominal constructions in the Udmurt language. *Voprosy sovetskogo finno-ugrovedeniia* = Questions of Soviet Finno-Ugric studies. Saransk; 1972:92–93. (In Russ.)
5. Maitinskaya KE. Hungarian language. Moscow; 1960;3. (In Russ.)
6. Perevoshchikov PN. Adverbial participles and adverbial constructions in the Udmurt language. Izhevsk; 1959. (In Russ.)
7. Savvaitov PI. Grammar of the Zyryansk language. Saint-Petersburg; 1850. (In Russ.)
8. Tereshchenko NM. Syntax of Samoyedic languages: A simple sentence. Leningrad; 1973. (In Russ.)
9. Hakulinen L. Development and structure of the Finnish language. Moscow; 1955;2. (In Russ.)
10. Chupasheva OM. Nominative case as part of the adverbial construction. *Russkii ia-*

- zyk v shkole* = Russian language in school. 2007;8:64–69. (In Russ.)
11. Shutov AF. Expression of the agent of different-subject constructions in the Udmurt language. *Mezhdunarodnyi simpozium po deikticheskim sistemam i kvantifikatsii v iazykakh Evropy i Severnoi i Tsentral'noi Azii* = International Symposium on Deictic Systems and Quantification in the Languages of Europe and North and Central Asia. Izhevsk; 2001:171–172. (In Russ.)
 12. Fokos-Fuchs DR. Die Verbaladverbien der permischen Sprachen. *ALH*. 1958;8:273–342.
 13. Fokos-Fuchs DR. Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachverwandtschaft. Mit besonderer Rücksicht auf das Problem der uralaltaischen Sprachverwandtschaft. Wiesbaden, 1962. (Ural-Altäische Bibliothek; 11).
 14. Klemm A. A mellérendelő és alárendelő viszony kifezése az északi osztjak és votják nyelvben. *A Pannonhalmi Főapatsági Főiskola Évkönyve*. Pannonhalmi, 1912:219–284.
 15. Klemm A. Magyar történeti mondattan. Budapest, 1928–1942;1–3.
 16. Pröhle W. Vergleichende Syntas der uralaltaischen (turanischen) Sprachen. Wiesbaden; 1978.
 17. Stipa G. Funktionen der Nominalformen des Verbs in den permischen Sprachen. Helsinki; 1960.
 18. Widemann FJ. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. Saint-Petersburg, 1884.
 19. Widemann FJ. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einen kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval; 1851.
 20. Winkler H. Der Uralaltaische Sprachstamm das Finnische und das Japanische. Berlin; 1909.

Submitted 09.03.2021; reviewing 22.03.2021; accepted 30.03.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

N. N. Timerkhanova – Candidate Sc. {Philology}, Head of the Department of Linguistic Typology and Linguodidactics, Udmurt State University, timer-nadezhda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2331-9239>

Энтомологические образы в верованиях карел

Евгений Валентинович Каракин
Татьяна Владимировна Пашкова

*Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия*

Введение. Насекомые как элемент мифологической системы карел, наделенный разнообразными функциями, занимали особое место в их ритуалах, верованиях и лечебной практике. Среди домашних насекомых-паразитов наиболее широко в карельском языке и ритуалах представлена вошь. Научную новизну исследования определяет то, что к вопросу функционирования насекомых в мифологических воззрениях и обрядовой традиции карел ученые до сих пор не обращались. Между тем исследования такого плана необходимы для воссоздания целостной мифологической картины мира карел, что обуславливает актуальность статьи.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили энтомологические образы в верованиях и народной медицине карел, рассмотренные с применением сравнительно-исторического, сравнительно-сопоставительного и этнолингвистического методов.

Результаты исследования и их обсуждение. Авторы обращаются к проблеме мифологических воззрений карел о домашних насекомых-паразитах и раскрывают ее на примере вши. Эти воззрения запечатлены в понимании причин появления заболеваний, способов лечения, а также в мифологических рассказах и фольклоре.

Заключение. Собранные и проанализированные языковые и этнографические данные позволяют прийти к выводу, что вошь является ярким представителем энтомофауны, с которым у карел связано множество поверий, отраженных в языковой картине мира и традиционной культуре.

Ключевые слова: карелы, верования, традиции, лечебная магия, насекомые-паразиты, вошь

Для цитирования: Каракин Е. В., Пашкова Т. В. Энтомологические образы в верованиях карел // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 2. С. 136–142. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.02.136-142.

Введение

Согласно верованиям карел, животные, птицы и насекомые могли являться причиной различных неприятностей у человека, например служить носителями многих заболеваний. Эти верования отражены в представлениях о причинах появления заболеваний, способах лечения, а также в мифологических рассказах. По карельским этиологическим рассказам, изначально в мире были две противоборствующие силы: добро и зло, Создатель (Luojä) и Черт (Piru), или Сюоятар (Šyöjätär). Бог создал мир полностью хорошим, а Сюоятар населила его животными и растениями, причиняющими вред человеку [15, 335]. Одним из источников недугов карелы считали вошь.

Обзор литературы

В качестве теоретико-методологической базы исследования использованы научные труды отечественных и финских ученых.

Источниковая база содержит словари карельского языка, образцы карельской речи и полевые материалы авторов, собранные в Калевальском, Пряжинском и Олонецком районах Республики Карелия.

Теоретической и методологической основой для статьи стали научные труды этнографов, исследующих мифологическую картину мира прибалтийско-финских народов [1; 2; 9; 15; 16]. И. Ю. Винокурова в монографии «Животные в традиционном мировоззрении вепсов: (опыт реконструкции)» обращается к вепсской народной классификации животного мира, выделяя

в группе «Насекомые» домашних паразитов, в том числе вошь [2, 30–41]. В работе «Мифология вепсов» автор приводит этнолингвистические, этнографические и фольклорные данные относительно различных насекомых¹.

Необходимо отметить, что на карельском материале рассматриваемая проблема не становилась объектом научного интереса. Эпизодично мифологические представления о насекомых (верования, способы лечения педикулеза и др.) затрагиваются в трудах финских ученых, таких как И. К. Инха [4], Ю. Пенттикяйнен [15], Х. и П. Виртаранта [16], Й. Хаутала [11].

Кроме того, авторы обращались к работам по народной медицине финно-угорских, прибалтийско-финских народов, а также русских [8–10; 12]. Сопоставительный анализ позволяет выявить взаимовлияние языков и культур.

В качестве лингвистических источников послужили словари карельского языка и образцы карельской речи², сборники карельских фразеологизмов и пословиц³.

Материалы и методы

В работе использовались сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный и этнолингвистический методы. Сравнительно-исторический метод применялся при исследовании обрядов, традиций и верований, сравнительно-сопоставительный и этнолингвистический – при анализе языкового материала, а также культурных аспектов.

Результаты исследования и их обсуждение

Домашние насекомые-паразиты досаждали человеку с незапамятных времен, принося ему дискомфорт и болезни, в связи с чем сформировалось и негативное от-

ношение к ним. Об этом говорят образные карельские выражения и инвективы: *ažie jäi prusakoi!*; *dielo jeäy prusakoi!* ‘дело кончилось, провалилось (букв.: дело осталось тараканам)’⁴; *oho šie vituntäi!* ‘ну ты и сволочь! (букв.: ну ты и вошь лобковая!)’ [ПМА]. Одним из источников недугов карелы считали вошь – *täi*⁵. Ее наименование является исконно прибалтийско-финским⁶ (ср.: вепс., эст., фин., вод. *täi*⁷).

Возникновение вшей карелы объясняли иррациональными причинами. Например, у них бытовали поверья, согласно которым птицы могли быть источниками заболеваний. Одно из поверий было связано с первым весенним кукованием кукушки (у тверских карел – с криком журавля [16, 115]): если человек, не поев, выйдет на улицу и услышит кукушку (журавля), то, по поверью, птица сглазит его (*šittuu* ‘букв.: испражнится на него’), наслав этим на человека болезнь. Олонецкие и паданские карелы указывали на конкретную болезнь – вшивость. Предположительно это верование связано с представлениями финно-угров о перелетных птицах как «птицах душ», которые улетают на зиму в царство мертвых, а весной возвращаются оттуда похудевшими и вшивыми. Вши пагубно влияют на здоровье и птиц, и людей, неся энергетику загробного мира [11, 128]. Демоническая природа лобковых вшей проследживается и в карельских поговорках: *Piru otti täity kopran da viškai ne akan niškah* ‘Взял черт горсть вшей и бросил на лобок женщине’; *Piruhäi se viškai perzien niškäl kobran täyven täidy* ‘И бросил черт на лобок целую горсть вшей’⁸.

В наречиях карельского языка зафиксированы различные наименования насекомых-паразитов, которые указывают на место их обитания:

¹ См.: Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энцикл. Петрозаводск, 2015.

² См.: Образцы карельской речи: (тихвинский говор собственно карельского диалекта) / сост. В. Д. Рягоев. Л., 1980; Kalkkinen A. Tälleh siel eletti. Joensuu, 1987; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, 1968–2005. Osat 1–6; Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu; Petroskoi, 1994; Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Helsinki, 1963. Osa 2.

³ См.: Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск, 2000; Leino P., Miettinen L. Karjalaisia sananpolvia. Helsinki, 1971.

⁴ Karjalan kielen sanakirja. Osa 4. S. 466.

⁵ Ibid. Osa 6. S. 361.

⁶ См.: Suomen sanojen alkuperä: etymologinen sanakirja. Helsinki, 2000. Osa 3. S. 353.

⁷ См.: Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1975. Osa 5. S. 1474.

⁸ Leino P., Miettinen L. Op. cit. S. 387.

– головная вошь *täi*, паразитирует только на голове человека;

– платяная, или нательная, вошь *vua-tetäi* ('одежда' + 'вошь'), *turkkitäi* ('шуба' + 'вошь'), *hibjutäi* ('кожный покров; тело' + 'вошь'), *sobatäi* ('одежда' + 'вошь'), обитает на одежде человека;

– лобковая вошь *vituntäi* ('женский половой орган' + 'вошь'), живет преимущественно в лобковой зоне человека.

Примечательно, что для обозначения паразитов в карельском языке использовались и различные названия-эвфемизмы: *hännikäs* 'вошь (букв.: хвостатая)' (отображает форму паразита), *seizokas* 'вошь (букв.: постоялец)' (отображает место обитания), *pedrani* 'вошь (букв.: олененок)' (отображает прыгучесть). В детской речи в качестве эвфемизмов употреблялись слова *köykkö*, *mörgö*, *pöpöi*, *böböi*, *köyköni*, *buka*, *bukki*, *buboi*, *mörkö*, *böbö*. Они в большинстве своем выполняли функцию слов-страшилок и служили для запугивания детей: *Šuvinna köykös (täis), muitein avantoh (järveh) viijäh* 'Вычесем вшей твоих, иначе в прорубь (озеро) тебя утащат' [ПМА]. Появление таких слов в детской речи в прибалтийско-финских языках [13, 38–39], как и у славянских народов [6, 42], стало результатом табуирования.

Платяная, головная и лобковая вши, являясь синантропами, сопровождают человека на протяжении веков, о чем свидетельствует и карельская поговорка: *Täi eläväsšä, mato kuollehešša* 'Вошь на живом, червь в мертвом'⁹. В карельской культуре это насекомое предстает как символ медлительности: *kuin täi* 'как черепаха (букв.: как вошь)', *kuin täi tervašša* 'медлить, копать (букв.: как вошь в смоле)', *älä täijy sinne* 'не застрянь там (букв.: не завшивей там)'; лениности: *lašku täi on korvajuurel* 'лодырь (букв.: ленивая вошь сидит у виска)¹⁰'; любопытства: *lišoah gu täi rubeh* 'лезть не в свое дело (букв.: лезть, как вошь в оспину)¹¹'; небольшого

размера: *pieni kuin vituntäi* 'маленький, как лобковая вошь' [ПМА].

Карелы верили, что вши вылезают из-под кожи, если человеку угрожают болезнь и неприятности [8, 90]. Считалось, что зуд кожи был признаком появления вшей: *hibju vai hiestyskendelöy, sit hibjas nouzou täidy* 'как кожа вспотеет, потом из кожи поднимаются вши' (д. Сямозеро); *vikse on täidy pääs gu nenga suvit* 'скорее всего вши у тебя, ты так чесался' (с. Видлица). После укуса насекомого кожа начинала краснеть: *täim purtu kohtu ruskenou* 'место укуса от вшей становится красным' (д. Неккула, Рыпушкалица)¹².

Вши у карел, как и у русских [7, 631], воспринимались предвестниками смерти. Существовала такая примета: если после обмывания покойника встречаются вошь, которая движется к ногам, то скоро в доме умрет еще один человек, а если вошь движется к голове, то смерть не так близко [14, 97]. Со скорой смертью было связано и понятие *hipietäi* 'подкожная вошь', проявляющееся как тик, пульсирующее ощущение под кожей, подергивание века¹³ [5, 196].

Педикулез был обыденным делом, хотя с ним и пытались бороться всеми известными способами. Насекомых находили в голове и убивали, раздавливая тупым ножом, или вычесывали волосы частым гребнем на светлую ткань. Этот процесс описывают следующие выражения: *eššie piätä* 'искать вшей в голове (букв.: искать голову)', *piytä täišotua* 'искать вшей в голове (букв.: вести войну со вшами)'. Примечательно, что для обозначения пробора на волосах в карельском языке существует образное выражение *täirata* 'пробор' ('вошь' + 'дорога, путь').

Несмотря на то что вши были довольно привычным явлением, их наличие высмеивалось и порицалось. Зараженного человека вне зависимости от пола пренебрежительно называли *täi-Man'ka* ('вошь' + 'Манька'), *täiturkki* ('вошь' + 'шуба'), *täipešä* ('вошь' + 'гнездо'), *täiharakka*

⁹ Karjalan kielen sanakirja. Osa 2. S. 449.

¹⁰ Образцы карельской речи. С. 226.

¹¹ Karjalan kielen sanakirja. Osa 6. S. 361.

¹² Ibid. S. 353.

¹³ См.: Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo; Helsinki, 1958. S. 744–745.

(‘вошь’ + ‘сорока’), *täibukkari* (‘вошь’ + ‘пузырь’), *täibukki* (‘вошь’ + ‘бука’), *täipešši* (‘вошь’ + ‘мережа’), *täibokki* (‘вошь’ + ‘баран’), *täibošši* (‘вошь’ + ‘баран’), *täikuadii* (‘вошь’ + ‘штанина’). При виде чешущего голову человека в шутку ему советовали: “*Kiännä šelälläh, ni ei pure*” – «Переверни на спину, не укусит (вошь)» [ПМА].

Для выведения вшей карелы применяли разнообразные рациональные средства: лечебные травы, минеральные средства и др. Карелы д. Оуланка, например, с этой целью выкидывали несколько пойманных насекомых в навозную кучу (избавление от болезни «выбрасыванием») во время ущербной луны после захода солнца. Считалось, что именно в данный период можно излечиться от любого недуга [15, 245].

Курная баня – место, в котором с помощью дыма и жара избавлялись от вшей, развешивая одежду [3, 161]. Вши, как известно, плохо переносят высокую температуру. Отсюда и выражение, которое используется в критической и безысходной ситуации: “*No nyt*” – *šano täi löylyššä*. «Пора», – сказала вошь в паре [ПМА].

Ртуть (*elohopie*) являлась одним из действенных средств при выведении головных вшей. Волосы намыливались, наматывались вокруг головы, на них выливалось немного ртутных шариков. Голова туго обвязывалась платком, и человек несколько часов ходил с этой повязкой, после чего волосы мылись и сушились [ПМА]. Позднее самым распространенным и доступным способом выведения насекомых стало применение дустового мыла *tustamuila*. Голову намыливали, завязывали платком, а через некоторое время тщательно промывали [ПМА].

Тем не менее, согласно поверью, нельзя было убивать вшей у маленьких детей, считалось, что в противном случае дети не научатся говорить, останутся немыми [14, 39].

Во вшах видели причину такого кожного заболевания, как лишай. Об этом свиде-

тельствует в первую очередь само карельское наименование заболевания *täin/tarha* ‘букв.: вшивый сад’. Не только терминология, но и обряды лечения и тексты заговоров указывают на вошь как причину возникновения недуга. Людиковские карелы при лечении лишая вылавливали вошь и протыкали ее иглой, затем иглой с нанизанным насекомым обводили больное место, произнося заговор¹⁴. Этот способ считался самым эффективным; мази и отвары приводили только к усугублению болезни: краснота и прыщи распространялись по всему телу.

У ливвиковских и тверских карел известны различные рациональные способы лечения лишая и педикулеза. Например, больного смазывали кислым тестом (д. Корбинаволоок, Лахта) [ПМА] или пенкой от молока¹⁵. Тверские карелы обмывали больные места настойкой из табака, отваром из корня репейника [16, 115]. В д. Сямозеро образовавшиеся болячки обрачивали березовой корой несколько дней подряд, затем использованную кору, симболизовавшую болезнь, выкидывали на сарай или в дырку в хлеву¹⁶. Верили, что пестрый, частично покрасневший лист березы имеет целебную силу и помогает при лечении кожного заболевания¹⁷. Лишай смазывали клюквой, собранной на Воздвижение¹⁸, или конденсатом *ikkunhigi* (‘букв.: оконный пот’), скопившимся на окнах¹⁹.

Тихвинские карелы очерчивали ножом больное место крест-накрест, т. е. «резали» лишай, и трижды произносили: *‘Midä leikkuat? – Bol’ie. – Leikkua hand enämmäldi, štob ei kivistäis’* – «Что режешь? – Боль. – Режь ее сильнее, чтобы не болело». Эффективным считалось и прижигание лишая: брали медную пуговицу, терли сильно о сучок дерева, пока пуговица не станет горячей, затем прикладывали ее к больному месту. Иногда использовали сразу оба предмета: «Я пуговицей потерла, да ножом провела круговую черту, поправилась»²⁰.

¹⁴ См.: Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. S. 300.

¹⁵ Karjalan kielen sanakirja. Osa 6. S. 362.

¹⁶ Näytteitä karjalan kielestä. S. 152.

¹⁷ Karjalan kielen sanakirja. Osa 2. S. 212.

¹⁸ Ibid. Osa 5. S. 597.

¹⁹ Ibid. Osa 1. S. 428.

²⁰ Образцы карельской речи. С. 316.

Заключение

Итак, согласно верованиям карел, домашние насекомые-паразиты имеют демоническую природу, в связи с чем наделяются отрицательной коннотацией. Вошь среди домашних насекомых-паразитов наиболее широко отражена в карельской обрядовой традиции. Именно этот представитель энтомофауны, по мнению карел, служил источником кожных заболеваний, что подтверждается как языковым, так и этнографическим материалом. Кро-

ме того, большое количество карельских фразеологизмов и богатая фольклорная традиция, касающаяся рассматриваемого насекомого, указывают на то, что вошь являлась частым «спутником» человека в различные периоды его жизни.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>вепс.</i>	вепсский язык
<i>вод.</i>	водский язык
<i>ПМА</i>	полевой материал автора
<i>фин.</i>	финский язык
<i>эст.</i>	эстонский язык

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокурова И. Ю. Вепсская мифология // Народы Карелии: ист.-этногр. очерки. Петрозаводск, 2019. С. 461–478.
2. Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов: (опыт реконструкции). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 448 с.
3. Иванова Л. И. Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 408 с.
4. Инха И. К. В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии; Очерк о земле Беломорской Карелии. Петрозаводск: Периодика: Юминкеко, 2019. 461 с.
5. Конкка А. П. Похоронно-поминальная обрядность // Народы Карелии: ист.-этногр. очерки. Петрозаводск, 2019. С. 194–209.
6. Кривошапова Ю. А. Домашние насекомые-паразиты в языке и фольклоре // Живая старина. 2005. № 4. С. 40–43.
7. Логинов К. К. Похоронно-поминальная обрядность // Народы Карелии: ист.-этногр. очерки. Петрозаводск, 2019. С. 630–636.
8. Никонова Л. И., Кандрина И. А. Как лечились народы Поволжья и Приуралья. Саранск: Ковылькинская районная типография, 2005. 213 с.
9. Семакова И. Б., Рогозина В. В. Материалы по традиционной медицине вепсов (мифологический аспект) // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы. Петрозаводск, 2006. С. 302–314.
10. Чернов В. Н. Лекарственные растения Карелии. Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1958. 35 с.
11. Hautala J. “Käiki tuo suven sanoman” (Muuttolintujen ym. pilauksesta) // Kalevalaseuran vuosikirja. Porvoo; Helsinki, 1955. No. 35. S. 123–147.
12. Kansanomainen lääkitätietous / toim. M. Hako. Helsinki: SKS, 1957. 255 s.
13. Nirvi R. E. Sanankieltoja ja niihin liittyviä kielenilmiöitä itämerensuomalaisissa kielissä: riista ja kotieläintalous. Helsinki: SKS, 1944. 343 s.
14. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienen Karjalan tapoja ja uskomuksia. Porvoo: WSOY, 1924. 186 s.
15. Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto (uskontoantropologinen tutkimus). Helsinki: SKS, 1971. 388 s.
16. Virtaranta H., Virtaranta P. Kauas läksit karjalainen: matkamuistelmia tverinkarjalaisista kylistä. Porvoo: WSOY, 1986. 320 s.

Поступила 22.03.2021; одобрена 02.04.2021; принята 06.04.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Е. В. Каракин – старший преподаватель кафедры прибалтийско-финской филологии Петрозаводского государственного университета, karakin.86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3684-0971>

Т. В. Пашкова – доктор исторических наук, заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии Петрозаводского государственного университета, tvpashkova05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0505-4767>

Entomological images in Karelian beliefs

Yevgeniy V. Karakin
Tatyana V. Pashkova

Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia

Introduction. Insects act as an element of the mythological system and rituals, provided by a variety of functions, occupied a certain place in the rituals, beliefs and medical practice of the Karelians. Among domestic insect parasites, the lice are most widely represented in the Karelian language and rituals. The research novelty of the study is determined by the fact that researchers did not turn to the question of the functioning of insects in mythological views and the ritual tradition of Karelians. However, such research is necessary in order to recreate the integrity of the mythological picture of the Karelians, which determines the relevance of this article.

Materials and Methods. The material for the study was entomological images in the beliefs and folk medicine of the Karelians. They were considered using comparative historical, comparative and comparative and ethnolinguistic methods.

Results and Discussion. The authors dwell on the mythological views of Karelians about domestic parasite insects using the example of lice. These beliefs are reflected in the causes of diseases, methods of treatment, as well as in mythological stories and folklore.

Conclusion. The collected and analyzed linguistic and ethnographic data make it possible to come to the conclusion that the lice are the representatives of the entomofauna. Karelians have many beliefs connected with lice, which are reflected in the linguistic picture of the world and traditional culture.

Keywords: Karelians, beliefs, traditions, medicinal magic, parasite insects, lice

For citation: Karakin YeV, Pashkova TV. Entomological images in Karelian beliefs. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;2:136–142. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.02.136-142.

REFERENCES

1. Vinokurova IYu. Vepsian mythology. *Narody Karelii: ist.-etnogr. ocherki* = Peoples of Karelia. Historical and ethnographic essays. Petrozavodsk; 2019:461–478. (In Russ.).
2. Vinokurova IYu. Animals in the traditional worldview of the Vepsians: (reconstruction experience). Petrozavodsk; 2006. (In Russ.).
3. Ivanova LI. Karelian bath: rituals, beliefs, folk medicine and master spirits. Moscow; 2016. (In Russ.).
4. Inkha IK. In the territory of Kalevala songs: the path of Lennrot along White Sea Karelia; An essay on the land of White Sea Karelia. Petrozavodsk; 2019. (In Russ.).
5. Konkka AP. Funeral and memorial rituals. *Narody Karelii: ist.-etnogr. ocherki* = Peoples of Karelia. Historical and ethnographic essays. Petrozavodsk; 2019:194–209. (In Russ.).
6. Krivoshchapova YuA. Domestic insects-parasites in language and folklore. *Zhivaia starina* = Living antiquity. 2005;4: 40–43. (In Russ.).
7. Loginov KK. Funeral and memorial rituals. *Narody Karelii: ist.-etnogr. ocherki* = Peoples of Karelia. Historical and ethnographic essays. Petrozavodsk; 2019:630–636 (In Russ.).
8. Nikonova LI, Kandrina IA. How the peoples of the Volga and Urals were treated. Saransk; 2005. (In Russ.).
9. Semakova IB, Rogozina VV. Materials on traditional medicine of Vepsians (mythological aspect). *Sovremennaia nauka o vepsakh: dostizheniia i perspektivy* = Modern Science of Vepsians: Achievements and Prospects. Petrozavodsk; 2006:302–314 (In Russ.).
10. Chernov VN. Medicinal plants of Karelia. Petrozavodsk; 1958. (In Russ.).
11. Hautala J. “Käiki tuo suven sanoman” (Muuttolintujen ym. pilauksesta). *Kalevalaseuran vuosikirja*. 1955;35:123–147.

12. Hako M, ed. Kansanomainen lääkintätietous. Helsinki; 1957.
13. Nirvi RE. Sanankieltoja ja niihin liittyviä kielenilmiöitä itämerensuomalaisissa kielissä: riista ja kotieläintalous. Helsinki; 1944.
14. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Porvoo; 1924.
15. Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto (uskontoantropologinen tutkimus). Helsinki; 1971.
16. Virtaranta H, Virtaranta P. Kauas läksit karjalainen: matkamuistelmia tverinkarjalaisista kylistä. Porvoo; 1986.

Submitted 22.03.2021; reviewing 02.04.2021; accepted 06.04.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ye. V. Karakin – Senior Lecturer, Department of Baltic-Finnish Philology, Petrozavodsk State University, karakin.86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3684-0971>

T. V. Pashkova – Doctor of History, Head of Department of Baltic-Finnish Philology, Petrozavodsk State University, tvpashkova05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0505-4767>

Механизмы поддержки неполных семей в условиях социокультуры города и села в Мордовии

Алена Александровна Антипова
Елена Николаевна Касаркина

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. В статье представлено эмпирическое исследование по актуальной проблеме поддержки неполных семей в современной социокультуре. Цель работы – провести сравнительный анализ особенностей быта, проблем и механизмов поддержки неполных семей в условиях социокультуры города и села в современной Мордовии.

Материалы и методы. Теоретико-методологическую основу работы составил комплекс концепций и теоретических подходов в соответствии с предметом и проблемой исследования, методологическим инструментарием социологии семьи, культурологии, психологии. Применялись методы анализа, синтеза, обобщения, сравнения, вторичного анализа эмпирических данных, анкетирования.

Результаты исследования и их обсуждение. Проведен анкетный опрос родителей из неполных семей, проживающих в г. о. Саранск и Большеигнатовском районе РМ. Предметом исследования стали быт, семейная культура и механизмы поддержки неполных семей в условиях городской и сельской социокультуры. В результате эмпирически выявлены и представлены в сравнении условия и факторы, влияющие на распространение проблем неполных семей, их бытовые особенности в городе и на селе. Проанализированы механизмы поддержки, которыми могут воспользоваться неполные семьи, с учетом мнения родителей.

Заключение. Эмпирически обосновано, что быт, семейная субкультура и проблемы современных неполных семей во многом обусловлены социокультурой местности проживания. На самочувствие семьи влияют расположение и инфраструктура населенного пункта, трудоустроенность единственного родителя, формы межличностного общения в социокультуре населенного пункта. Выявлено, что в Саранске функционируют государственные, благотворительные организации, куда может обратиться неполная семья, испытывающая проблемы. Научная новизна исследования состоит в том, что на теоретическом и эмпирическом уровнях проведен сравнительный анализ особенностей быта, актуальных проблем и механизмов поддержки неполных семей в городской и сельской социокультуре современной Мордовии.

Ключевые слова: социокультура, субкультура, неполная семья, быт, проблемы, поддержка, Мордовия

Для цитирования: Антипова А. А., Касаркина Е. Н. Механизмы поддержки неполных семей в условиях социокультуры города и села в Мордовии // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 2. С. 143–157. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.02.143-157.

Введение

Неполные семьи – особая категория семей, требующая изучения и внимания. К сожалению, общество практически не интересуется ею.

Важной проблемой современного общества является распад семьи, так как именно семья дает все самое необходимое для развития и благополучия детей. Согласно статистическим

данным за 2018 г., в Республике Мордовия на 3 810 зарегистрированных браков приходится 2 614 (68 %) разводов¹. Другими словами, только треть супружеских пар сохраняет свой брак. Примерно такая же цифра фиксируется и по России в целом. Много разводов приходится на молодые семьи: состоявшие в браке от пяти до девяти лет – 28 %, от двух до четырех лет – 17 %².

¹ См.: Население. Браки и разводы // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия: сайт. URL: <https://mrd.gks.ru/folder/27964> (дата обращения: 05.02.2021).

² См.: Реальная статистика браков и разводов в России до 2019 г. // Правовой эксперт: сайт. URL: <https://pravovoexpert.ru/brak/statistika-brakov-i-razvodov> (дата обращения: 05.02.2021).

Термин «неполная семья» служит для обозначения такой категории семей, в которых одинокий родитель проживает с ребенком (детьми) несовершеннолетнего возраста и несет за него (них) основную ответственность³, т. е. семей с одним родителем (чаще матерью) и ребенком (детьми)⁴. В состав неполной семьи включаются либо женщина с детьми (одним ребенком), либо мужчина с детьми (одним ребенком). Некоторыми исследователями к этой категории причисляются и семьи, состоящие из бабушки (дедушки) и внуков. Например, Д. Ж. Маркович неполной считает семью, где отсутствует один из родителей или родительское поколение не присутствует вообще (дети живут с бабушками и дедушками без родителей)⁵.

Следовательно, неполная семья – это малая группа с частичными, неполными связями, где нет традиционной системы отношений, межпоколенческих взаимоотношений.

В современном мире семья является не только социальным институтом, позволяющим решать жизненно важные проблемы большинства людей, но и правовым институтом. Понятие семьи в правовом смысле распространяется на те семьи, в которых, во-первых, брак зарегистрирован в органах ЗАГС, во-вторых, все члены связаны правами и обязанностями, предусмотренными в Семейном кодексе РФ [13, 102].

Неполные семьи испытывают трудности различного рода, начиная с потери социальных связей между родными и близкими и заканчивая недостатком такой важной психологической составляющей семейной жизни, как поддержка близких родственников. Неполной семье часто остро необходимы помощь и поддержка со стороны государства и общества.

Стоит отметить, что не каждая неполная семья испытывает какие-либо трудности. Многие семьи, являясь неполными, не имеют проблем ни в воспитании детей,

ни в финансовых средствах. В них прекрасный эмоциональный фон, психологический микроклимат, дети, как и другие члены семьи, здоровы, полны энтузиазма и оптимизма. Некоторые исследователи связывают это с социальной адаптированностью женщин в современном обществе. В этом случае причины, побуждающие женщину к рождению ребенка, заключаются в сознательном стремлении к материнству, но не к супружеству, а рождение детей становится благоприятным для ее личностного саморазвития, самоутверждения, достижения ценной социальной идентичности [4]. Современные российские женщины не только трудятся, но и могут выбирать различные жизненные стратегии, обеспечивающие оптимальное, с их точки зрения, сочетание семейного и профессионального участия. Исследователи отмечают, что в настоящее время многих женщин интересует экономический фактор – способность семьи жить и существовать на основе твердого и достаточного для обеспечения необходимых потребностей экономического базиса. Проблемы, относящиеся к сфере воспитания детей, при отсутствии мужа могут взять на себя другие лица (няни или родственники) [3].

С другой стороны, есть неполные семьи, которые подвластны негативному воздействию других социальных факторов, являются носителями ряда проблем, связанных с материальной обеспеченностью, потерей или невозможностью найти работу, с различного рода психологическими проблемами (разводом родителей, смертью одного из супругов, переживанием насильственных действий со стороны члена семьи и т. д.). Таким семьям справиться с проблемами в одиночку, не прибегая к помощи специалистов, очень сложно. При возникновении подобной ситуации государству, обществу необходимо приложить максимум усилий, чтобы каждый член семьи, и прежде всего ребенок, не чувствовал себя нуждающимся в чем-либо.

³ См.: Басов Н. Ф. Социальная работа с различными группами населения. М., 2014. С. 363.

⁴ См.: Поддубная Т. Н. Управление системой социальной защиты детства. Ростов н/Д, 2005. С. 56.

⁵ См.: Маркович Д. Ж. Общая социология. Ростов н/Д, 1993. С. 143.

Таким образом, социокультурные факторы, в числе которых преобладают установки, жизненные ценности, традиции и обычаи, формируют положение неполных семей в обществе, влияют на жизнь, быт, социальные проблемы семьи⁶. Особенно остро это чувствуется, если разделять неполные семьи на городские и сельские.

Жизнь и быт городской и сельской неполной семьи весьма различны. В первую очередь это обусловлено культурными традициями в каждой конкретной семье, культурными ценностями, а также особенностями социокультуры в городе и сельской местности.

Обзор литературы

В последние годы обозначился интерес исследователей к изучению и сравнению городской и сельской семей. Так, Е. В. Камышова отмечает, что сельские семьи в отличие от городских придают большее значение связям с родственниками и соседями, нежели поиску помощи и поддержки в различных учреждениях [9, 115]. А. А. Антипова указывает на то, что сельская семья отстает от городской по большинству показателей, определяющих качество жизни: уровню доходов, уровню образования, возможности развития и практической реализации интересов⁷.

Быт и жизнедеятельность сельских семей подробно исследованы и проанализированы в трудах А. А. Антиповой⁸, С. В. Балтуевой [1], Т. К. Беляевой, А. Г. Пуховой [2], В. В. Дробышева с соавторами [6], Ф. М. Камаловой [8], Н. Б. Ломовцевой⁹, Г. И. Репринцевой [11] и других ученых.

Проблемы неполных семей в городе и на селе рассмотрены, в частности, в работах А. В. Верещагиной с соавторами [3], А. В. Винокуровой [4], Т. А. Гурко¹⁰, С. С. Даниловой¹¹, В. А. Иванченко [7], А. И. Кравченко¹², Н. А. Левоу [10], В. В. Чечета¹³.

В качестве теоретического основания при изучении неполных семей в городской и сельской местности нами были использованы подходы А. В. Верещагиной (изучение роли экономического фактора в трансформации неполной семьи); В. А. Иванченко (выявление различных аспектов воспитания в неполной семье); В. В. Чечета¹⁴ (анализ специфических факторов жизнедеятельности неполных семей, которые негативно влияют на воспитание ребенка); С. В. Балтуевой, Г. И. Репринцевой, Р. В. Соколова¹⁵ (анализ специфики сельской семьи).

Подходы к исследованию психолого-педагогических проблем, порождаемых как разводом, так и распадом семьи, разрабатывали И. Ф. Дементьева [5], Е. С. Пченушай¹⁶.

⁶ См.: Венедиктова А. А., Антипова А. А. Изменение социальной практики отношения к неполным семьям в российской социокультуре // Взаимодействие семьи с другими социальными институтами как возможность преодоления социокультурных угроз в России: материалы межрегион. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Л. И. Савинова. Саранск, 2020. URL: <http://13rusprint.ru/books/2020/Interaction> (дата обращения: 07.02.2021).

⁷ См.: Антипова А. А. Социальные проблемы сельской семьи в современном российском обществе и возможности их разрешения // Концептуальные и прикладные аспекты социальной работы с семьей и детьми в полиэтнической среде: материалы IV заоч. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под общ. ред. Л. И. Савинова. Саранск, 2013. С. 222.

⁸ Там же.

⁹ См.: Ломовцева Н. Б. Модернизация института сельской семьи (1980–1990-е годы) // Актуальные вопросы экономики и современного менеджмента: сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2015. Вып. 2. URL: <http://konf.x-pdf.ru/19ekonomika/212679-1-aktualnie-voprosi-ekonomiki-sovremennogo-menedzhmenta-vipusk-sbornik-nauchnih-trudov-itogam-mezhdunarodnoy-nauchno-pra.php> (дата обращения: 07.02.2021).

¹⁰ См.: Гурко Т. А. Родительство: социологические аспекты. М., 2003.

¹¹ См.: Данилова С. С. Социологический анализ проблем одиноких матерей в малом городе (на примере Ивановской области) // Женщина в российском обществе: сб. науч. тр. М., 2009. С. 49–57.

¹² См.: Кравченко А. И. Социальная работа. М., 2008.

¹³ См.: Чечет В. В. Педагогика семейного воспитания. Мозырь, 2003. URL: <https://www.litmir.net/br/?b=264982&p=10> (дата обращения: 07.02.2021).

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Соколов Р. В. Привлечение населения к организации досуга детей и подростков по месту жительства. М., 2010.

¹⁶ См.: Пченушай Е. С. Психологическое исследование особенностей детско-родительских отношений в неполных семьях // Гражданское общество: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. Симферополь, 2017. С. 77–82.

Зарубежными учеными также отмечают неоднозначность факторов, влияющих на быт и проблемы городских и сельских жителей. Так, С. Jeffrey, L. Mcdowell полагают, что в современной социокультуре молодое поколение сталкивается с более широким диапазоном неопределенности и проблем, чем в любую другую предыдущую эпоху [14, 131–132]. Это касается и ориентаций в построении семейно-бытовой жизни. Одни авторы, например Н. Vinken, считают, что подобная неопределенность связана с более широкими возможностями и желаниями молодого поколения, которое традиционно является продолжателем семейных традиций, быта и образа жизни, построить новую модель жизненного пути, сосредоточенного прежде всего на карьере [17, 10–11]. Другие исследователи, в частности М. Ule, М. Kuhaг, акцентируют внимание на затруднениях молодого поколения при реализации своих стремлений в отношении построения семейной жизни [16, 153].

Тенденция изменения семейных ценностей характерна и для современной российской социокультуры [15].

Несмотря на определенные достижения в раскрытии проблематики неполных семей по месту жительства, обзор литературы показал, что работ по изучению и сравнению городской и сельской неполной семьи немного. Ряд авторов, например С. В. Балтуева [1] и А. А. Полежаева¹⁷, отмечают, что в условиях сельской местности социальных проблем больше, а разрешение этих проблем требует особых затрат.

Рассматривая особенности быта неполной семьи, ученые акцентируют внимание на ее проблемах, наиболее распространенных в городской и сельской среде. Особенно остро как в городе, так и на селе стоят проблемы экономического характера (материальные трудности, испытываемые семьей). Как правило, совокупный бюджет семьи складывается из индивидуального трудового дохода, по-

собий, пенсий, компенсационных выплат и льгот, определяемых государством, алиментов на детей после развода. В настоящее время в науке идет дискуссия относительно материального положения одиноких родителей. Некоторые авторы склонны утверждать, что оно не очень сильно уступает материальному положению полных семей¹⁸. Однако большая часть специалистов склонна к драматизации в своих оценках экономических возможностей неполных семей [10]. В итоге это ведет к утверждению в науке и общественном сознании установки на то, что одинокий родитель не в состоянии эффективно обеспечить экономическую основу для реализации социальных функций семьи.

Положение неполных семей помимо места проживания зависит и от таких показателей, как уровень доходов семьи, количество детей в семье, характер занятости единственного родителя¹⁹. Довольно часто встречается ситуация, когда женщина одна воспитывает ребенка-инвалида после ухода мужа из семьи. Воспитывать, реабилитировать, содержать такого ребенка в условиях села невозможно по ряду причин. Во-первых, этому препятствуют нехватка денежных средств, бытовое неустройство; например отсутствие элементарных пандусов, что характерно не только для городских многоквартирных домов, но и для многих сельских. Во-вторых, скорую медицинскую помощь, в которой часто нуждается семья с ребенком-инвалидом, с учетом географической расположенности села иногда приходится ждать очень долго, либо она вообще не сможет добраться из-за сезонного отсутствия дорожного сообщения. В-третьих, отдаленность от социальных учреждений, в которые приходится обращаться, собирая документы на те или иные выплаты, вынуждает родителя каждый раз оставлять ребенка на довольно длительное время. В-четвертых, штат работников социально-реабилитационного про-

¹⁷ См.: Полежаева А. А. Специфика социализации детей в современной сельской семье (на примере Республики Мордовия); автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2006.

¹⁸ См.: Гурко Т. А. Указ. соч. С. 67.

¹⁹ См.: Данилова С. С. Указ. соч. С. 52.

филя на селе очень ограничен. По этим причинам одинокому родителю с ребенком-инвалидом на селе гораздо сложнее справиться с трудностями, чем в городе. В данном случае городская семья имеет ряд преимуществ.

Обсуждаемой в контексте быта и проблем неполной семьи является проблема безработицы. Трудоустроиться родителю, воспитывающему ребенка в одиночку, очень сложно, причем эта проблема касается как одиноких матерей, так и одиноких отцов. В Трудовом кодексе РФ указаны права женщин, имеющих несовершеннолетних детей, которые предполагают возможность выполнять профессиональные и материнские функции: запрещение их привлечения к ночным и сверхурочным работам; отсутствие командировок; неполный рабочий день; больничные листы, оплачиваемые в размере 100 % от заработной платы; оплачиваемый отпуск два раза в год; запрет увольнения вследствие сокращения, смены собственника и профессионального несоответствия занимаемой должности²⁰. Данный факт часто становится причиной того, что одинокую мать не хотят брать на работу. В сельской местности эта проблема усугубляется тем, что в условиях современного российского села в целом вероятность найти постоянную, хорошо оплачиваемую работу очень мала. У одиноких отцов прав и возможностей в трудовой сфере еще меньше. Недостаточное внимание к проблемам одиноких отцов проявляется и в научной плоскости: проблемы одиноких матерей исследуются гораздо глубже и многоаспектнее.

Довольно много внимания различными авторами уделяется социально-психологическим проблемам неполных семей. К таким проблемам относятся затруднения в полоролевой идентификации и ориентации детей. Как следствие, в будущем, в собственной семье, человек не всегда сможет продемонстрировать адекватное

полоролевое поведение, что, в свою очередь, приведет к дисфункциональности, конфликтам и даже распаду семьи, созданной выходцем из неполной семьи²¹. Например, В. А. Иванченко указывает, что в неполной семье ребенок узнает ограниченный круг основных социальных ролей – ему знакома только одна социальная роль (матери или отца), что не может не сказаться на представлениях о собственной будущей семье [7]. В. В. Чечет отмечает, что в преобладающем большинстве случаев специфичность жизнедеятельности неполных семей негативно влияет на воспитание ребенка²². Состояние неполной семьи в современном селе, считает Г. И. Репринцева, определяют психологический климат семейных отношений и уровень гармонизации детско-родительских взаимоотношений. Исследования показывают, что ощущение многими неполными сельскими семьями изменения социально-экономического положения приводит к разрушению межпоколенных отношений, а это вызывает подавленное состояние, неудовлетворенность, конфликтность общения и, как следствие, нарушения в поведении детей и подростков, противоречие в отношениях детей и родителей [11, 160].

Еще одной проблемой, характерной для неполных семей как в городской, так и в сельской местности, является жилищный вопрос, тесно связанный с другими особенностями быта семьи. В случае расторжения брака между супругами жилищный вопрос чаще всего актуализируется из-за проблематичности или невозможности размена жилплощади. В одних случаях разведенные родители вынуждены проживать совместно, что приводит к обострению конфликтов и нервно-психическому истощению как взрослых, так и детей. В других случаях одинокий родитель (как правило, мать) живет со своими родителями. В сельской местности данная проблема наи-

²⁰ См.: Трудовой кодекс Российской Федерации: 30.12.2001 № 197-ФЗ // СПС Консультант-Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/b3b98c8b54f919c352560aadad5f95df943fd9fe (дата обращения: 07.02.2021).

²¹ См.: Кравченко А. И. Указ. соч. С. 229.

²² См.: Чечет В. В. Указ. соч.

более выражена. Малообеспеченность большинства сельских неполных семей снижает их шансы жить отдельно. В сельской местности достаточно площади, чтобы построить дом, но это связано с большими расходами, которые не всегда может себе позволить даже полная семья. Многочисленные исследования, основанные на анализе быта и проблем сельских семей, показывают, что у неполных семей, проживающих в сельской местности, больше бытовых проблем по сравнению с горожанами и необходима помощь для их решения [1]. Это связано и с географическим расположением, отдаленностью социальных объектов (школы, детского сада, магазинов и центров социального обслуживания), трудностью получения медицинской помощи, лекарственных средств.

Такой важный социокультурный вопрос, как организация досуга, для семьи и детей в сельской местности не менее важен, чем в городской. Социализацией ребенка должны заниматься не только родители и институты образования, но и учреждения культуры и досуга. Важно, чтобы ребенок после школы имел возможность посещать и развивать себя духовно, культурно. Необходимо, чтобы в небольших населенных пунктах досуговая деятельность была направлена на успешную социализацию подрастающего поколения и психологическую разрядку для взрослых членов семьи²³.

Анализируя все вышеизложенное, можно сделать вывод, что в современной науке быт и проблемы неполной семьи как в городе, так и на селе привлекают внимание многих авторов. В сравнительной плоскости учеными чаще всего акцентируется внимание на проблемных моментах жизни и быта неполной семьи в условиях городской и сельской социокультуры. Осуществить более подробный сравнительный анализ, выявить положительные и отрицательные факторы в жизни неполной семьи в городе и на селе можно эмпирическим путем.

Материалы и методы

С целью проведения сравнительного анализа быта, актуальных проблем и особенностей поддержки неполных семей в условиях городской и сельской социокультуры в современной Мордовии на базе кафедры социальной работы МГУ им. Н. П. Огарёва в рамках совместной научно-исследовательской работы со студентами было проведено исследование. Его объектом стали неполные семьи в г. о. Саранск и Большеигнатовском районе РМ, предметом – быт, семейная культура и механизмы поддержки неполных семей в условиях городской и сельской социокультуры. Всего было опрошено 150 родителей из неполных семей, состоящих на учете в ГБУ РМ «Комплексный центр социального обслуживания по г. о. Саранск» и ГКУ «Социальная защита населения по Большеигнатовскому району РМ».

Достижение указанной цели предполагало решение следующих задач:

- выявить особенности семейной субкультуры неполных семей в условиях города и села;
- изучить условия и факторы, влияющие на проблемы неполных семей, и механизмы их поддержки в сравнительном анализе городской и сельской социокультуры;
- рассмотреть мнение самих неполных семей о достаточности и полноте механизмов поддержки;
- обосновать особенности быта неполных семей, обусловленные проживанием семьи в городской или сельской местности.

Основным методом сбора информации послужило анкетирование родителей из неполных семей в г. о. Саранск и Большеигнатовском районе РМ. Для проведения исследования была разработана анкета.

По данным на 1 января 2020 г., на учете в ГБУ РМ «Комплексный центр социального обслуживания по г. о. Саранск» состояла 551 неполная семья, в ГКУ «Социальная защита населения по Больше-

²³ См.: Ярошенко Н. Н. Культурно-антропологический подход в теории социально-культурной деятельности // Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив: материалы. междунар. электрон. науч.-практ. конф. Казань, 2017. С. 12.

игнатовскому району РМ» – 146. Методом случайной выборки были опрошены 150 родителей из таких семей, причем 80 проживали в городе, а 70 – в Большеигнатовском районе.

Исследование проводилось в апреле – мае 2020 г., в городе в связи со сложившейся эпидемиологической ситуацией и введенным режимом повышенной готовности в Республике Мордовия, – дистанционно посредством опроса через социальные сети и электронную почту.

Научная новизна в решении поставленных задач состоит в том, что проведен концептуальный и эмпирический анализ влияния социокультурных факторов на быт, семейную субкультуру и проблемы современных неполных семей в Мордовии. Кроме того, осуществлен сравнительный анализ механизмов поддержки неполных семей в городской и сельской социокультуре современной Мордовии.

Результаты исследования и их обсуждение

При анализе результатов исследования в первую очередь на основании ответов родителей нами был составлен обобщенный портрет неполных семей, который

позволяет описать в целом бытовые и социальные характеристики исследованных семей без разделения их на городские и сельские (табл. 1).

Полученный обобщенный портрет неполных семей позволяет нам констатировать, что большую часть респондентов составляют женщины, живущие в гражданском браке (сожительство) либо находящиеся в разводе; многие семьи не имеют никакого другого статуса в учреждении социальной защиты, кроме неполной, а это значит, что по закону не могут претендовать на дополнительные меры социальной поддержки.

Свыше половины опрошенных родителей из неполных семей трудоустроены, но, как показывает практика, это не решает всех проблем семей, так как, во-первых, часто финансов одного родителя не хватает на ребенка, во-вторых, трудоустройство порождает бытовые проблемы, что выражается в недостатке сил на быт, нехватке времени на воспитание детей и т. п.

Сравнивая по данным параметрам городские и сельские семьи, нужно обратить внимание на то, что довольно большое количество проблем отмечают как городские, так и сельские неполные семьи.

Таблица 1. Обобщенный портрет неполных семей

Table 1. Generalized portrait of single-parent families

Критерий / Criterion	Показатели / Indicators	%
Пол родителя / Parent gender	Женщины / Women	100
Семейное положение / Family status	В разводе / Divorced	23
	Живут в гражданском браке (сожительство) / Partners	47
	Не состояли в браке / Single	15
	Вдовы / Widows	15
Статус семьи в учреждении социальной защиты (дополнительно кроме неполной) / Family status in a social protection institution (additionally except incomplete)	Не имеют никакого статуса, кроме неполной / Have no status other than "single-parent"	52
	Имеют статус «малообеспеченная» / Have the status of "low-income"	31
	Молодые семьи / Young families	10
	Семьи с ребенком-инвалидом / Families with a special needs child	5
Трудоустройство семей / Employment of families	Трудоустроены и работают / Employed	63
	Находятся в декретном отпуске / On maternity leave	18
	Временные безработные / Temporary unemployed	11
	Находятся в поиске работы / Looking for a job	8
Проблематика неполных семей / The problem of single-parent families	Материальные трудности / Financial difficulties	42
	Бытовые проблемы / Everyday problems	21
	Социальные проблемы / Social problems	13
	Жилищные и медицинские проблемы / Housing and health problems	10
	Психологические и педагогические проблемы / Psychological and pedagogical problems	7

В основную цель проведенного исследования помимо сравнительного анализа быта и актуальных проблем неполных семей в условиях городской и сельской социокультуры входило также выявление особенностей поддержки неполных семей в г. о. Саранск и селах Большеигнатовского района. Эти особенности были выявлены нами в соответствии с критериями,

основанными на заданных в ходе анкетирования вопросах (табл. 2).

Все критерии, представленные в табл. 2, необходимы для того, чтобы глубже проанализировать и сравнить уровень достаточности и полноту механизмов поддержки неполных семей в городе и на селе, узнать особенности функционирования этих механизмов.

Таблица 2. Особенности поддержки неполных семей в г. о. Саранск и селах Большеигнатовского района РМ (начало)

Table 2. Support for single-parent families in. Saransk and villages of Bolsheignatovsky region of the Republic of Mordovia (begin)

Критерий / Criterion	Село / Village		Город / City	
	Вариант ответа / Possible answer	%	Вариант ответа / Possible answer	%
Достаточное количество механизмов поддержки в населенном пункте / Sufficient number of support mechanisms in the village	Недостаточно / Not enough	58	Недостаточно / Not enough	58
	Достаточно / Enough	42	Достаточно / Enough	42
Удовлетворенность качеством и полнотой поддержки, оказываемой социальными учреждениями, имеющимися в населенном пункте, неполными семьям / Satisfaction with the quality and completeness of support provided by social institutions in the village to single-parent families	Не удовлетворены / Not satisfied	57	Не удовлетворены / Not satisfied	50
	Удовлетворены / Satisfied	42	Удовлетворены / Satisfied	40
	Сомневаются в своем ответе / Do not know	1	Сомневаются в своем ответе / Do not know	10
Посещение культурно-досуговых учреждений / Visiting cultural and leisure facilities	«Посещали бы, но у нас в населенном пункте нет таких учреждений» / “We would have attended, but we do not have such institutions in our village”	42	«Посещаем регулярно такие учреждения, так как они есть в нашем населенном пункте и их услуги доступны» / “We regularly visit such institutions, because they are in our village and their services are available”	41
	«Посещаем регулярно такие учреждения, так как они есть в нашем населенном пункте и их услуги доступны» / “We regularly visit such institutions, because they are in our village and their services are available”	29		
	«Посещаем такие учреждения, но для этого приходится выезжать в город, так как в нашем населенном пункте нет таких учреждений» / “We visit such institutions, but for this we have to go to the city, because there are no such institutions in our village”	15	«Посещаем, но не регулярно» / “We visit, but not regularly”	22
	«Посещаем такие учреждения, но для этого приходится выезжать в город, так как в нашем населенном пункте нет таких учреждений» / “We visit such institutions, but for this we have to go to the city, because there are no such institutions in our village”	15	«Посещали бы, но финансовые проблемы не дают такой возможности» / “They would have attended, but financial problems do not provide such an opportunity”	12
	«Посещаем такие учреждения, но для этого приходится выезжать» / “We visit such institutions, but for this we have to leave”	15	«Посещаем такие учреждения, но для этого приходится выезжать» / “We visit such institutions, but for this we have to leave”	9
	«Посещаем иногда, так как они есть в нашем населенном пункте, но их услуги платные» / “We visit sometimes, because they are in our village, but their services are paid”	14	«Посещаем иногда, так как они есть в нашем населенном пункте, но их услуги платные» / “We visit sometimes, because they are in our village, but their services are paid”	8
Воздержались от ответа / No answering	14	Воздержались от ответа / No answering	8	

Таблица 2. Особенности поддержки неполных семей в г. о. Саранск и селах Большеигнатовского района РМ (окончание)

Table 2. Support for single-parent families in. Saransk and villages of Bolsheignatovsky region of the Republic of Mordovia (end)

Предоставление органами социальной поддержки возможности посещения культурно-досуговых учреждений (бесплатное или за частичную плату посещение музеев, выставок, городских парков) / Providing social support bodies with the opportunity to visit cultural and leisure institutions (free or for a partial fee, visits to museums, exhibitions, city parks)	Не интересовались этим вопросом / Were not interested in this issue	42	Не интересовались этим вопросом / Were not interested in this issue	41
	Такие услуги не предоставляются / Such services are not provided	36	Такие услуги не предоставляются / Such services are not provided	21
	Такие услуги предоставляются / Such services are provided	22	Такие услуги предоставляются / Such services are provided	12
			Таких услуг вовсе нет / There are no such services at all	12
Организация различными учреждениями населенного пункта массовых мероприятий для привлечения родителей и детей к совместному времяпровождению / Organization of mass events by various institutions of the settlement to attract parents and children to a joint pastime	Никаких мероприятий учреждениями населенного пункта не проводится / No activities are carried out by the institutions of the settlement	57	Не знают / Don't know	50
	Не знают / Don't know	43	Такие мероприятия организуются / Such events are organized	33
			Никаких мероприятий учреждениями населенного пункта не проводится / No activities are carried out by the institutions of the settlement	17

Первым рассматриваемым критерием является количество механизмов поддержки неполных семей в населенном пункте. В качестве таких механизмов прежде всего выступают социальные учреждения, которые есть в каждом районе республики. Больше половины опрошенных сельских семей считают недостаточным количество социальных учреждений, в которые они могут обратиться за социальной поддержкой. Это вполне объяснимо, так как ГКУ «Социальная защита населения по Большеигнатовскому району РМ» является практически единственным подобным учреждением в районе и не в состоянии оперативно помочь всем нуждающимся неполным семьям.

Проблема, обусловленная недостатком социальной инфраструктуры населенного пункта, была выявлена еще в 2006 г. в ходе исследования, проведенного в селах Республики Мордовия²⁴.

Отметим, что деятельность учреждения социальной защиты в первую очередь направлена на прямую государственную денежную помощь семьям в связи с рождением и воспитанием детей; предоставление натуральной помощи, а также различных льгот, субсидий и компенсаций (трудовых, пенсионных, налоговых, жилищных, транспортных и др.) семьям, имеющим детей. Медицинские, педагогические, психологические, бытовые проблемы неполных семей оста-

²⁴ См.: Полежаева А. А. Указ. соч. С. 18.

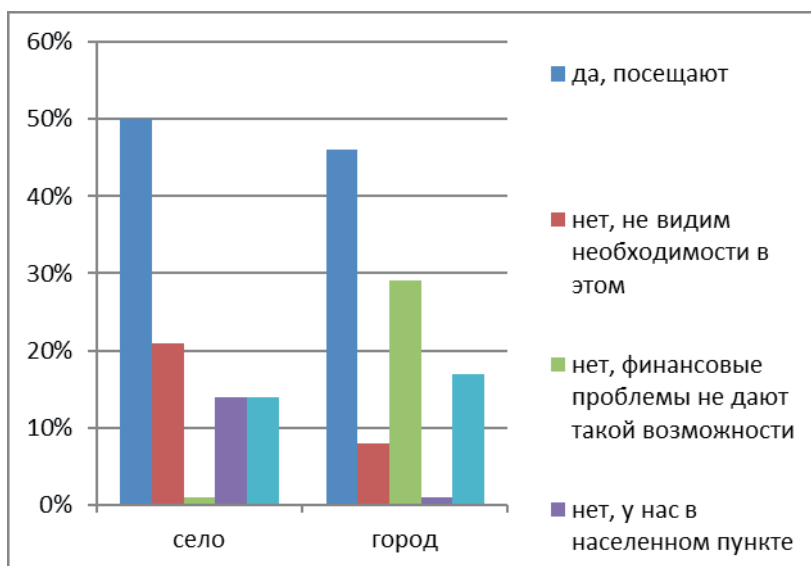

Рисунок. Распределение мнений городских и сельских родителей из неполных семей по вопросу о посещении детьми культурно-досуговых учреждений

Figure. Distribution of opinions of urban and rural parents from single-parent families on the issue of children visiting cultural and leisure institutions

ются за пределами деятельности данного учреждения и нередко оказываются нерешаемыми в условиях сельской инфраструктуры.

Важный критерий бытового и социального положения неполной семьи как в городской, так и в сельской социокультуре составляет наличие у детей возможности удовлетворить основные потребности. Одной из таких потребностей ребенка, необходимой для его успешной социализации, являются занятия в свободное от учебы время в учреждениях культуры и досуга, спортивных секциях, кружках, клубах по интересам. Мнения родителей из городской и сельской местности по поводу посещения детьми подобных учреждений различны (рисунок).

Как можно судить по рисунку, и в городских, и в сельских семьях дети довольно активно посещают культурно-досуговые учреждения – и это положительный факт. Обделенные вниманием одного родителя, такие дети не должны принадлежать сами себе, не должны «воспитываться улицей». Кроме школы им необходимо давать возможность заниматься тем, что нравится. Благодаря этому и в неполных семьях дети будут расти и развиваться

гармонично. Тем не менее часть родителей считают, что в посещении таких учреждений нет необходимости. Чаще всего это родители, которые сами сидят дома с детьми либо их дети находятся в младшем дошкольном возрасте, когда основная деятельность ребенка – пребывание в детском саду.

Отметим, что в сельской местности в силу ограниченности социальной инфраструктуры организацией досуга и свободного времени детей чаще всего занимаются школы или дома культуры, библиотеки (если они имеются в населенном пункте), которые, как правило, осуществляют данную деятельность бесплатно. В городе инфраструктура социальных, культурно-досуговых, образовательных учреждений разнообразнее, поэтому у городских детей и их родителей выбор более широкий. Однако услуги многих учреждений платные, что для неполных семей часто становится решающим фактором. В ходе опроса в городе десятая часть неполных семей указали на нехватку финансовых средств на посещение культурно-досуговых учреждений, в том числе для получения услуг дополнительного образования.

Как свидетельствуют данные табл. 2, в сельской местности имеющимися в населенных пунктах учреждениями не проводится никаких массовых мероприятий, направленных на привлечение родителей и детей к совместному времяпрепровождению, – и это отрицательный факт. Большое количество детей не имеют какого-то определенного хобби, интереса к конкретной деятельности. Родителям из неполных семей из-за нехватки свободного времени, отсутствия культурно-образовательных учреждений в сельской местности очень сложно контролировать ребенка в свободное время, что порождает безнадзорность и девиантное поведение среди несовершеннолетних.

О проблемах детей и подростков в современном российском селе свидетельствуют данные исследователей. Так, О. В. Саламатина выделяет три основные группы причин возникновения безнадзорности: социально-психологические; социально-экономические; психологические [12]. Т. К. Беляева и А. Г. Пухлова акцентируют внимание на том, что проблема алкоголизма определяется местом жительства человека: наиболее остро она стоит в сельских населенных пунктах [2]. Исследования, проведенные в Омской области в сельской местности, свидетельствуют о том, что треть детей и подростков употребляют спиртное с частотой один-два раза в неделю [6].

При очевидной важности посещения детьми культурно-досуговых учреждений и предоставления им такой возможности имеющимися учреждениями не менее важен для смены обстановки, эмоциональной стабильности членов семьи, хорошего психологического микроклимата в семье семейный досуг. Как показывают результаты исследования, главной проблемой в сельской местности является отсутствие культурно-досуговых учреждений, в связи с чем роль семейного досуга в условиях села возрастает. В городской среде пятая часть опрошенных посещают культурно-досуговые учреждения, но не регулярно, а 12 % хотят посещать, но финансовые проблемы не дают такой возможности (см. табл. 2).

В сельской местности в силу ограниченности социальной инфраструктуры организацией досуга и свободного времени детей чаще всего занимаются школы или дома культуры, библиотеки. В городе инфраструктура социальных, культурно-досуговых, образовательных учреждений разнообразнее, поэтому у городских детей выбор более широкий.

Полученные результаты обусловлены в первую очередь нехваткой свободного времени одного трудоустроенного родителя на ребенка, быт и самого себя, а также материальными трудностями. Учреждения социального обслуживания предоставляют билеты на мероприятия, проводимые в учреждениях культуры и досуга, только тем семьям, чей совокупный доход на одного члена семьи ниже прожиточного минимума, а на посещение музеев, выставок и концертов скидка не всегда предоставляется даже на ребенка.

Большая часть опрошенных сельских (57 %) и городских (50 %) семей не удовлетворены качеством и полнотой поддержки, оказываемой социальными учреждениями, имеющимися в населенном пункте, поэтому мы дали респондентам возможность высказаться о недостатках и путях совершенствования деятельности по поддержке неполных семей. В целом вне зависимости от того, где проживают семьи респондентов – в г. о. Саранск или в Большеигнатовском районе, – неполные семьи отмечали примерно одни и те же моменты в качестве недостатков и перспектив.

К недостаткам опрошенными неполными семьями были отнесены:

- небольшое количество механизмов и учреждений поддержки (чаще отмечают сельские родители);
- неинформированность о полном перечне услуг, предоставляемых имеющимися учреждениями (чаще отмечают городские родители);
- неудобный график работы различных учреждений, куда можно обращаться за поддержкой и необходимыми услугами (чаще отмечают городские родители);

- некомпетентность, пренебрежительное отношение к клиентам со стороны работников (чаще отмечают городские родители);
- бумажная волокита, связанная с необходимостью доказывать свою нуждаемость (отмечают как городские, так и сельские родители);
- отсутствие учета всех факторов жизни неполных семей (например, проблемы злостной невыплаты алиментов), которые фактически могут снижать их уровень жизни (отмечают как городские, так и сельские родители).

По мнению опрошенных, совершенствованию деятельности социальных учреждений по поддержке неполных семей будут способствовать:

- создание дополнительных социальных учреждений на селе; открытие благотворительных фондов, проведение тематических акций;
- своевременная информированность родителей из неполных семей обо всех изменениях в законодательстве;
- оказание помощи независимо от заработной платы одного родителя;
- усиление адресного подхода при оказании поддержки;
- упрощение получения мер социальной поддержки гражданами посредством развития работы через интернет;
- вариативность работы учреждений социальной защиты с учетом загруженности в определенные дни и часы (например, как в банках).

Заключение

Результаты проведенного эмпирического исследования и сравнительного анализа свидетельствуют, что бытовая жизнь современных неполных семей и присутствующие им актуальные проблемы обусловлены не только фактом отсутствия в семье одного (иногда обоих) родителей, но и социокультурой местности, где семья проживает. Особенности быта и проблемы семьи связаны с географическим расположением населенного пункта, в котором живет семья, наличием в нем социальных объектов (школы, детского сада, учреждений дополнительного образования, уч-

реждений культуры и досуга, магазинов, центров социального обслуживания, поликлиники, больницы и т. п.), трудоустроенностью единственного родителя и различиями чертами коммуникации и принятыми формами межличностного общения в субкультуре населенного пункта, района.

Неполным семьям независимо от места проживания в равной степени важно наличие в населенном пункте учреждений и наработанных механизмов, которые могут оказать им поддержку. Как и в любом другом городе, в Саранске механизмов и учреждений, которые оказывают поддержку неполным семьям, довольно много. Наряду с государственными организациями существуют частные и даже благотворительные. К ним может обратиться каждая городская неполная семья, испытывающая определенные проблемы.

В сельской местности дело обстоит иначе: практически все нуждающиеся семьи не имеют возможности обратиться куда-то еще, кроме единственного учреждения социальной защиты. Об этом свидетельствуют и результаты исследования, согласно которым около 58 % неполных семей считают, что одной социальной организации в условиях сельского района, а именно ГКУ «Социальная защита населения по Большеигнатовскому району РМ», недостаточно для решения всех имеющихся у них проблем. 57 % опрошенных выражают недовольство качеством и полнотой предоставляемых им услуг. Это объясняется тем, что в условиях села у неполных семей проблем, требующих неотложного решения, множество, а соответствующие меры поддержки у государственных структур находятся не всегда. Можно отметить недостаточность усилий районного учреждения социальной защиты в профилактике социальных рисков; в проведении акций для детей и взрослых, направленных на здоровый образ жизни и гармоничные отношения между членами семьи. Это также объяснимо ограниченностью ресурсов районных учреждений социальной защиты и территориальной разбросанностью обслуживаемых учреждений семей, в том числе неполных.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балтуева С. В. Социальная работа с неполными семьями в сельской местности // Теория и практика общественного развития. 2015. № 23. С. 29–32.
2. Беляева Т. К., Пухова А. Г. Социальные причины и последствия алкоголизма у сельского населения России // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 6-2. С. 322–325. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=9607> (дата обращения: 06.02.2021).
3. Верещагина А. В., Ковалев В. В., Самыгин С. И. Роль экономического фактора в трансформации неполной семьи (на примере семей одиноких матерей) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 4-2. С. 133–140.
4. Винокурова А. В. Нетрадиционные формы семьи: фактические сожительства и неполные семьи // Труды Дальневосточного государственного технического университета. 2003. № 135. С. 114–116.
5. Дементьева И. Ф. Негативные факторы воспитания детей в неполных семьях // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 52–57.
6. Дробышев В. В., Денисов А. П., Кун О. А., Денисова О. А., Филиппова Е. Д. Особенности формирования подросткового алкоголизма в сельской местности // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=28593> (дата обращения: 07.02.2021).
7. Иванченко В. А. Некоторые аспекты воспитания личности в неполной семье (по материалам исследований российских и зарубежных авторов) // Психолого-педагогические исследования. 2011. № 3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2011/3/2464.phtml> (дата обращения: 06.02.2021).
8. Камалова Ф. М. Здоровье матерей, проживающих в сельских семьях различного типа // Казанский медицинский журнал. 2008. Т. 89, № 1. С. 75–77.
9. Камышова Е. В. Практика социальной работы с семьей по месту жительства в городе и на селе: общее и особенное // Вестник Мордовского университета. 2012. № 1. С. 115–119.
10. Левая Н. А. Социальный статус одиноких матерей в российском обществе // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2013. № 5. С. 60–64.
11. Репринцева Г. И. Методологические подходы к изучению тенденций гармонизации детско-родительских отношений как фактора социального воспитания детей в современной сельской семье // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 12. С. 159–164.
12. Саламатина О. В. Безнадзорность и беспризорность несовершеннолетних! // Здоровье охранение Югры: опыт и инновации. 2018. № 4. С. 69–70.
13. Филиппов С. А. Понятие «семья» по российскому законодательству // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 3. С. 102–108.
14. Jeffrey C., McDowell L. Youth in a Comparative Perspective: Global Change, Local Lives // Youth and Society. 2004. Vol. 6, no. 2. P. 131–142.
15. Kasarkina E. N., Solovieva T. V., Bistiaykina D. A., Pankova E. G., Antipova A. A. Family values of youth in modern socio-demographic situation in Russia // Calitatea Vietii. 2018. Vol. 29, no. 1. P. 23–43.
16. Ule M., Kuhar M. Orientations of young adults in Slovenia toward the family formation // Young. 2008. Vol. 16, no. 2. P. 153–183.
17. Vinken H. New life course dynamics? Career orientations, work values and future perceptions of Dutch youth // Young. 2007. Vol. 15, no. 1. P. 9–30.

Поступила 15.02.2021; одобрена 11.03.2021; принята 30.03.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

А. А. Антипова – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, aljona.ntpv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9009-6066>

Е. Н. Касаркина – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, eienovik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4213-8211>

Mechanisms of support for single-parent families in the sociocultural conditions in cities and villages in Mordovia

Alyona A. Antipova
Elena N. Kasarkina

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia

Introduction. The article presents an empirical study on the actual problem of supporting single-parent families in modern sociocultural conditions. The purpose of the work is to conduct a comparative analysis of the features of everyday life, current problems and mechanisms of support for single-parent families in the social and cultural conditions in cities and villages in Mordovia.

Materials and Methods. The theoretical and methodological basis of the work is presented by a set of concepts and theoretical approaches in accordance with the subject and problem of the study, the methodological tools of family sociology, cultural studies, and psychology. It used the methods of analysis, synthesis, generalization, comparison, secondary analysis of empirical data, and questionnaire.

Results and Discussion. The authors conducted a questionnaire of parents from single-parent families in Saransk and Bolsheignatovsky district of the Republic of Mordovia. The subject of the study is everyday life, family culture and mechanisms of support for single-parent families in the conditions of urban and rural socio-culture. As a result, the conditions and factors that influence the spread of problems of single-parent families, their everyday features, are empirically revealed in comparison of social and cultural conditions of the city and the village. The article analyzes the support mechanisms that single-parent families can use in the city and in the countryside, taking into account their opinions.

Conclusion. It is empirically proved that the life, family subculture and problems of modern single-parent families are mainly defined by the socio-cultural features of the area of residence. The families are influenced by the location and the infrastructure of the locality, the employment of a single parent, and the forms of interpersonal communication in the socio-cultural conditions of the locality. It was revealed that in Saransk there are state, charitable organizations, where single-parent families can address when having problems. The research novelty of the study is that a comparative analysis of the features of everyday life, current problems and mechanisms of support for single-parent families in the urban and rural social and cultural conditions of modern Mordovia is carried out at the theoretical and empirical levels.

Keywords: sociocultural conditions, subculture, incomplete family, life, problems, support, Mordovia

For citation: Antipova AA, Kasarkina EN. Mechanisms of support for single-parent families in the sociocultural conditions in cities and villages in Mordovia. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;2:143–157. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.02.143-157.

REFERENCES

1. Baltueva SV. Social work with single-parent families in rural areas. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia* = Theory and practice of social development. 2015;23:29–32. (In Russ.)
2. Belyaeva TK, Puhova AG. Social causes and consequences of alcoholism in the rural population of Russia. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniĭ* = International Journal of Applied and Fundamental Research. 2016;6-2:322–325. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=9607> (accessed 06.02.2021). (In Russ.)
3. Vereshchagina AV, Kovalev VV, Samygin SI. The role of the economic factor in the transformation of a single-parent family (on the example of families of single mothers). *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'* = Historical and socio-educational thought. 2017;9;4-2:133–140. (In Russ.)
4. Vinokurova AV. Non-traditional forms of family: de facto cohabitation and single-parent families. *Trudy Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* = Proceedings of the Far Eastern State Technical University. 2003;135:114–116. (In Russ.)
5. Dement'eva IF. Negative factors of raising children in single-parent families. *Sotsiologicheskie issledovaniia* = Sociological research. 2011;11:52–57. (In Russ.)

6. Drobyshev VV, Denisov AP, Kun OA, Denisova OA, Filippova ED. Features of the formation of adolescent alcoholism in rural areas. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia* = Modern problems of science and education. 2019;1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=28593> (accessed 07.02.2021). (In Russ.)
7. Ivanchenko VA. Some aspects of personal education in a single-parent family (based on research by Russian and foreign authors). *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniia* = Psychological and pedagogical research. 2011;3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2011/3/2464.phtml>. (In Russ.)
8. Kamalova FM. The health of mothers living in various types of rural families. *Kazanskii meditsinskii zhurnal* = Kazan Medical Journal. 2008;89;1:75–77. (In Russ.)
9. Kamyshova EV. The practice of social work with the family at the place of residence in the city and in the countryside: general and special. *Vestnik Mordovskogo universiteta* = Mordovian University Bulletin. 2012;1:115–119. (In Russ.)
10. Levaya NA. Social status of single mothers in Russian society. *Obrazovanie. Nauka. Innovatsii: Iuzhnoe izmerenie* = Education. The science. Innovation: The Southern Dimension. 2013;5:60–64. (In Russ.)
11. Reprinceva GI. Methodological approaches to the study of trends in the harmonization of child-parent relations as a factor of social education of children in a modern rural family. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* = Bulletin of Tomsk State University. Series: Humanities. 2008;12:159–164. (In Russ.)
12. Salamatina OV. Neglect and neglect of a minor! *Zdravookhranenie Iugry: opyt i innovatsii* = Ugra healthcare: experience and innovations. 2018;4:69–70. (In Russ.)
13. Filippov SA. The concept of “family” under Russian law. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii* = Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2016;3:102–108. (In Russ.)
14. Jeffrey C, Mcdowell L. Youth in a Comparative Perspective: Global Change, Local Lives. *Youth and Society*. 2004;36;2:131–142.
15. Kasarkina EN, Solovieva TV, Bistiaykina DA, Pankova EG, Antipova AA. Family values of youth in modern socio-demographic situation in Russia. *Calitatea Vietii*. 2018;29;1:23–43.
16. Ule M, Kuhar M. Orientations of young adults in Slovenia toward the family formation. *Young*. 2008;16;2:153–183.
17. Vinken H. New life course dynamics? Career orientations, work values and future perceptions of Dutch youth. *Young*. 2007;15;1:9–30.

Submitted 15.02.2021; reviewing 11.03.2021; accepted 30.03.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

A. A. Antipova – Candidate Sc. {Sociology}, Associate Professor, Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University, aljona.ntpv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9009-6066>

E. N. Kasarkina – Candidate Sc. {Sociology}, Associate Professor, Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University, eienovik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4213-8211>

Финно-угорские народы Республики Казахстан: динамика численности, размещение, миграционные процессы

Григорий Леонидович Поносов
Павел Станиславович Дмитриев
Татьяна Николаевна Лысакова

*Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева,
Петропавловск, Казахстан*

Артур Модестович Носонов

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Ян Анджей Вендт

*Гданьский университет,
Гданьск, Польша*

Введение. В статье предпринята попытка анализа динамики численности и особенностей размещения финно-угорских народов на территории Казахстана в конце XX – начале XXI в.

Материалы и методы. В основу исследования легли статистические данные переписей населения СССР и Казахстана за 1970–2009 гг. и литература по проблеме. Исследование выполнено на базе сравнительно-исторического, статистического и системного подходов, которые позволили раскрыть динамику этногеографического развития финно-угорских народов в Казахстане.

Результаты исследования и их обсуждение. На территории Республики Казахстан в настоящее время проживают 13 финно-угорских народов. На основании проведенного анализа данных последних пяти переписей населения было сделано предположение о взаимосвязи численности этносов с численностью народов, сходных по языку и культуре, с политической ситуацией в стране, социальными и культурными условиями. Рассмотрен вопрос о расселении финно-угорских народов по регионам Казахстана.

Заключение. Финно-угорские народы, проживающие на территории Казахстана с конца XIX в., сохраняют связь со своей исторической родиной, культурную и этническую самобытность. После распада Союза Советских Социалистических Республик численность большинства из них начала стремительно уменьшаться из-за активного оттока населения на этническую родину и в другие страны СНГ. Можно прогнозировать дальнейшее сокращение численности финно-угорских народов в республике.

Ключевые слова: география населения, финно-угорские народы, этнос, перепись, население, демография

Для цитирования: Поносов Г. Л., Дмитриев П. С., Лысакова Т. Н., Носонов А. М., Вендт Я. А. Финно-угорские народы Республики Казахстан: динамика численности, размещение, миграционные процессы // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 2. С. 158–168. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.02.158-168.

Введение

В настоящее время одну из важных черт казахстанского общества составляет многонациональность. Данное историческое явление сформировалось под воздействием разнообразных факторов и выступает неотъемлемой частью сложившейся социально-политической ситуации в стране. В эпоху глобализации многонациональное и многоконфессиональное общество оказывает определенное влияние на построение

диалога Казахстана с мировым политическим сообществом [11; 16].

Мировая этнополитическая ситуация и межконфессиональные отношения испытывают большое воздействие со стороны происходящих этнодемографических процессов. На текущий момент на планете Земля проживает несколько тысяч наций и народностей. Также следует отметить тенденцию роста численности на-

селения планеты в целом. По прогнозам ученых, в конце нашего века количество людей на Земле превысит отметку в 12,5 млрд чел. В Казахстане численность населения предположительно будет составлять 50 млн чел.

Из-за своего геополитического расположения Казахстан подвергся сильному воздействию миграционных волн, в основном из России, которые в существенной мере повлияли на этнодемографические процессы в стране¹.

В области национально-демографической политики Советский Союз по сути был преемником Российской империи, и колониальный взгляд Москвы на так называемые отдаленные провинции не изменился. С окончанием Гражданской войны потоки переселенцев хлынули в казахские степи. В 1925 г. их число превысило 17,4 тыс. чел. В 1929 г. в Казахстан прибыли сотни тысяч раскулаченных, что совпало с началом планового переселения людей из западной части Советского Союза.

В 1970-е гг. началась обратная миграция населения европейского происхождения в РСФСР, Украинскую ССР, Белорусскую ССР и прибалтийские республики – его доля в Казахской ССР стала снижаться. Число людей, уехавших из Казахстана, постоянно увеличивалось: в 1970 г. оно составляло 35 тыс., в 1988 г. – 95 тыс. чел. Переход к независимости и рыночной экономике обусловил увеличение миграционной мобильности некоренного населения страны. 1990-е гг. стали временем массовой эмиграции из Казахстана. В 1994 г. количество выехавших достигло 481 тыс. чел., что является своеобразным рекордом массовой эмиграции для государства [7; 19].

После распада Советского Союза представители диаспор Казахстана стали уезжать в Германию, Польшу, страны Прибалтики и др.

Значимым политическим событием на постсоветском пространстве стало принятие национальных позиций новыми независимыми государствами. Создавая новое суверенное общество, государства Цен-

тральной Азии взяли на себя ответственность не только за своих граждан, но и за разные этнические сообщества, которые остались на территории страны [9].

В 1991 г. Казахстан провозгласил свою независимость, после чего началось культурное возрождение казахстанского народа, взгляд населения вновь обратился к своим историческим истокам, традициям и т. п. Рубеж XX–XXI вв. ознаменовался для страны интенсивным развитием этнодемографических процессов, общество в этот период переживало смену идентичности. Результатом всех этих изменений стало то, что национальная идентичность начала превалировать в этническом сознании народа [12].

Основными факторами, способствующими сохранению терпимых и дружественных отношений между различными этносами и конфессиями в Казахстане, являются формирование единого общества на основе общих гражданских ценностей [21], постепенное распространение и развитие казахского языка как государственного, позитивное восприятие полиэтнического населения. Мир и согласие, царящие между этносами разных культур, религий и языков [17], оказывают положительное воздействие на международный имидж государства. На современном этапе здесь созданы благоприятные условия для комфортного проживания представителей более 100 этносов [15].

В период становления Республики Казахстан как молодого суверенного государства поиск структуры для развития общества и модернизации государства совместно с утверждающимся акцентом на моральные человеческие ценности актуализировал разработку проблем народонаселения этой страны. Очевидно, что научное знание проблем народонаселения в современном мире не будет полным без подробного анализа этногенеза населения Казахстана, без исторического аспекта своеобразия формирования этнической пестроты на территории Великой Степи [2; 18].

Республика Казахстан может перенять опыт передовых стран с многонациональ-

¹ См.: Этнодемографическая карта Казахстана (этнодемографический аспект). Астана, 2007.

ным населением, что благотворно повлияет на социальное, культурное и экономическое развитие страны, так как соединение культур способно служить своеобразным толчком для подъема различных сфер общества и экономики [13].

Первый президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев неоднократно отмечал значимость процессов, связанных со становлением национальной идентичности в стране, с развитием самосознания всех этносов многонационального Казахстана, с вовлечением всех граждан в построение независимого государства [10].

Обзор литературы

Вопросы этнического состава, численности и размещения, культуры и традиций населения Казахстана с давних времен привлекали внимание исследователей. В XVIII в. М. В. Ломоносов, П. И. Рычков, В. Н. Татищев и другие русские ученые и государственные деятели восприняли, уточнили и продолжили развивать теорию Ф. Страленберга и М. Фогеля о единстве происхождения и родственных связях финно-угорских народов.

В советский период различные аспекты проблемы национальных отношений, в том числе финно-угорских народов Казахстана, освещали в своих работах Л. А. Баграмова, Д. И. Валентей, Я. Н. Гузеватый, Т. И. Заславская, Л. Л. Капица, Б. Ц. Урланис, Б. С. Хорев. Изучением социально-демографических процессов в Казахстане занималась О. М. Маслова, миграционных – В. И. Переведенцев. Г. С. Витковская, Ж. А. Зайончковская, В. А. Ионцев, С. А. Панарин, Л. Л. Рыбаковский рассматривали влияние миграционных процессов на различные структуры общества, в частности социально-демографическую и этническую.

В настоящее время казахстанские ученые Л. А. Байдельдинов, Л. Я. Гуревич, М. С. Садырова, М. М. Тажин анализируют социально-демографические и межэтнические процессы в ходе трансформации социума. Научными исследованиями в области этнодемографических процессов в рамках политического суверенитета Казахстана занимается Р. Б. Абсаттаров.

Материалы и методы

В основу исследования легли статистические данные переписей населения 1970–2009 гг. СССР и Казахстана и литература по данной научной тематике. Исследование выполнено на базе сравнительно-исторического, статистического и системного подходов [20], которые позволили раскрыть динамику этногеографического развития финно-угорских народов Казахстана.

Историческая демография совершила огромные шаги в поисках решения демографических проблем на постсоветском пространстве, тем не менее видится необходимым дальнейшее исследование архивной литературы, представляющей научный интерес в данной предметной области. Такая работа позволит переосмыслить важные исторические этапы существования и распада СССР.

Результаты исследования и их обсуждение

Стабильной гарантией надежности межнациональных отношений в Казахстане является общая мысль о государственной независимости, законности права слова и других гражданских прав и свобод для граждан республики. Это позитивным образом сказывается на процессе этнического самосознания как внутри каждого этноса республики, так и у населения страны в целом.

Меры содействия, принимаемые для развития демографических и этнических процессов, могут привести к результатам только в том случае, когда будут находиться в русле общей политики государства в социально-экономической сфере, что определяет направленность конкретных задач. Обеспечению национальной и социальной безопасности страны будет способствовать анализ этногеографической структуры населения.

Исследования показывают, что одним из важнейших факторов изменения численности и территориального распределения населения Республики Казахстан является миграция. Этническая миграция представляет собой совокупность перемещений людей разных этносов между городами, регионами и странами.

Таблица 1. Динамика численности финно-угорских народов Казахстана, чел.

Table 1. Dynamics of the number of Finno-Ugric peoples of Kazakhstan, peoples

Население/ Population	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1999 г.	2009 г.
Всего / Total	13 026 274	14 709 508	16 222 324	14 981 281	16 009 597
В том числе: / Including:					
Венгры / Hungarians	832	595	674	440	357
Вепсы / Vepsians	27	33	44	30	1
Ижорцы / Izhorians	3	19	5	15	1
Карелы / Karelians	688	639	742	411	518
Коми / Komi	1 538	1 345	1 237	387	15
Коми-пермяки / Komi-Perm	1 556	1 777	1 562	935	561
Ливы / Livy	0	0	7	3	49
Манси / Mansi	14	36	37	8	32
Марийцы / Mari	9 089	10 589	11 912	6 495	4 416
Мордва / Mordovians	34 315	31 403	29 157	16 145	8 013
Саамы / Sami	2	13	14	2	0
Удмурты / Udmurts	15 786	15 460	15 520	9 095	5 824
Финны / Finns	1 259	1 074	987	547	373
Ханты / Khanty	35	49	53	24	429
Эстонцы / Estonians	4 083	3 505	3329	1 819	986

Расселение народов финно-угорской языковой группы по территории Казахстана взаимосвязано со многими факторами, такими как миграционные процессы, ассимиляция мелких этносов более крупными [14]. Первые переселенцы – представители финно-угорских этносов появились здесь в XIX в. в результате возникновения казачьих станиц, крестьянских деревень, миграций. По данным последней переписи населения 2009 г., в республике было зафиксировано 125 этнических групп финно-угров, объединявших представителей 14 народностей (табл. 1).

В целом с 1970 по 2009 г. численность финно-угорских народов в Казахстане постоянно сокращалась и соответственно

уменьшалась их процентная доля среди всего населения страны [4]. Наибольшее число финно-угров приходится на 1970 г., – 69 227 чел., или 0,53 % от общей численности населения, наименьшее зафиксировано в 2009 г. – 21 575 чел., или 0,13 %.

С 1989 по 1999 г. численность населения финно-угорских народов уменьшилась практически в два раза, или на 28 908 чел., в связи с распадом Советского Союза и последующим оттоком населения европейского происхождения [1; 5].

Тенденция сокращения численности, особенно после распада Советского Союза и провозглашения независимости Казахстана, прослеживается у большинства финно-угорских народов (табл. 2).

Таблица 2. Изменение численности финно-угорских народов Казахстана, % к 1970 г.

Table 2. Change in the number of Finno-Ugric peoples of Kazakhstan, % by 1970

Народ / Ethnic group	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1999 г.	2009 г.
Венгры / Hungarians	100	71,5	81,0	52,9	42,9
Вепсы / Vepsians	100	122,2	163,0	111,1	3,7
Ижорцы / Izhorians	100	633,3	166,7	500,0	33,3
Карелы / Karelians	100	92,8	107,8	59,7	75,3
Коми / Komi	100	87,5	80,4	25,2	0,1
Коми-пермяки / Komi-Perm	100	114,2	100,4	60,1	36,1
Ливы / Livy	–	–	700,0	300,0	4900,0
Манси / Mansi	100	257,1	264,3	57,1	228,6
Марийцы / Mari	100	116,5	131,1	71,4	48,6
Мордва / Mordovians	100	91,5	85,0	47,0	23,4
Саамы / Sami	100	650,0	700,0	100,0	–
Удмурты / Udmurts	100	97,9	98,3	57,6	36,9
Финны / Finns	100	85,3	78,4	43,4	29,6
Ханты / Khanty	100	140,0	151,4	68,6	122,6
Эстонцы / Estonians	100	85,9	81,5	44,6	24,1

Таблица 3. Динамика численности городского населения финно-угорских народов в Казахстане, чел.

Table 3. Urban population of the Finno-Ugric peoples in Kazakhstan, peoples

Городское население / Urban population	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1999 г.	2009 г.
Всего / Total	6 636 116	7 980 457	9 269 000	8 455 783	8 662 432
В том числе: / Including:					
Венгры / Hungarians	502	382	413	271	203
Вепсы / Vepsians	15	20	32	25	1
Ижорцы / Izhorians	3	7	4	15	1
Карелы / Karelians	407	400	544	294	247
Коми / Komi	1 017	772	892	254	9
Коми-пермяки / Komi-Perm	604	805	767	456	251
Ливы / Livy	–	–	6	3	41
Манси / Mansi	7	28	23	5	14
Марийцы / Mari	4 789	5 163	6 096	3 372	2 135
Мордва / Mordevians	20 635	20 149	20 086	10 903	4 835
Саамы / Sami	2	11	9	1	
Удмурты / Udmurts	6 139	7 226	7 920	4 499	2 454
Финны / Finns	873	814	7 06	441	293
Ханты / Khanty	24	29	38	16	218
Эстонцы / Estonians	2 729	2 458	2 321	1 356	674

По результатам переписей населения на территории Республики Казахстан (относительно 1970 г.) в процентном измерении за рассматриваемый промежуток времени среди венгерского народа были зафиксированы следующие показатели уменьшения населения 1979 г. – 71,5; 1989 – 81,0; 1999 – 52,9; 2009 – 42,9.

Пик численности вепсов пришелся на 1989 г. (показатель прироста – 163,0 %), ижорцев – на 1979 г. (633,3 %). Наиболее крупное сокращение было отмечено у коми – 0,1 % в 2009 г.

В период с 1970 по 1979 г. ливы на территории Казахской ССР не проживали. Пик их численности зафиксирован в 2009 г. – 4 900,0 % (т. е. 49 чел.). У наиболее многочисленных финно-угорских народов Казахстана мордвы и удмуртов наивысшая численность отмечена в 1970 г., у марийцев – в последнюю перепись перед распадом СССР в 1989 г. Наименьшие показатели численности населения у финнов и эстонцев были в последнюю перепись в Казахстане в 2009 г. – 29,6 и 24,1 % соответственно.

Существуют определенные пространственные закономерности размещения городского и сельского населения финно-угорских народов Казахстана (табл. 3). В 1970 г. наибольшие показатели численности городских жителей зафиксированы у

мордвы (20 635 чел.), затем идут удмурты (6 139) и марийцы (4 789 чел.), меньше всего было саамов (2 чел.).

1979 г. знаменовался возрастанием численности населения вообще и городского в частности, но соответствующий показатель вырос не у всех финно-угорских народов. Например, у мордвы, по-прежнему занимающей первую строчку по числу горожан, по сравнению с 1970 г. он уменьшился на 486 чел. Вторыми по числу городских жителей вновь оказались удмурты (рост на 694 чел.), третьими – марийцы (рост на 933 чел.). Самый низкий показатель среди финно-угорских этносов отмечен у ижорцев – 7 чел., незначительно выше он был у саамов – 11 чел.

Через 10 лет, в 1989 г., численность городского населения увеличилась до 9 269 тыс. чел., что является рекордным значением для переписей населения Казахстана времен Советского Союза. В то же время количество городской мордвы снова уменьшилась (на 63 чел.). Число проживающих в городах удмуртов и марийцев увеличилось соответственно на 694 и 933 чел. Численность ижорцев-горожан сократилась практически вдвое: с 7 до 4 чел. В 1989 г. впервые на территории Казахстана были зафиксированы ливы – 7 чел., из которых 6 проживали в городах.

Таблица 4. Динамика численности сельского населения финно-угорских народов в Казахстане, чел.

Table 4. Rural population of the Finno-Ugric peoples in Kazakhstan, peoples

Сельское население / Rural population	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1999 г.	2009 г.
Всего / Total	6 390 158	6 729 051	6 963 324	6 525 498	7 347 165
В том числе: / Including:					
Венгры / Hungarians	330	213	261	169	154
Вепсы / Vepsians	12	13	12	5	0
Ижорцы / Izhorians	0	12	1	0	0
Карелы / Karelians	281	239	198	117	271
Коми / Komi	521	573	345	133	6
Коми-пермяки / Komi-Perm	952	972	795	479	310
Ливы / Livy	0	0	1	0	8
Манси / Mansi	7	8	14	3	18
Марийцы / Mari	4 300	5 426	5 816	3 123	2 281
Мордва / Mordovians	13 679	11 255	9 071	5 242	3 178
Саамы / Sami	0	2	5	1	0
Удмурты / Udmurts	9 647	8 234	7 600	4 596	3 370
Финны / Finns	386	260	281	106	80
Ханты / Khanty	11	20	15	8	211
Эстонцы / Estonians	1 354	1 047	1 008	463	312

В связи с распадом Советского Союза и оттоком населения из республики общая численность населения и численность финно-угорских этносов на территории Казахстана уменьшились. Сократилось и количество финно-угров, проживающих в городах. Например, у мордвы за 1989–1999 гг. сокращение составило практически 2 раза, у коми – превысило 3 раза. Численность саамов сократилась с 9 до 1 чел.

По численности сельского населения среди финно-угорских этносов в 1970 г. лидировали следующие народы: мордва, удмурты, марийцы (табл. 4). В 1979 г. на фоне общего роста численности населения в Казахстане у некоторых финно-угорских народов количество представителей, проживающих в сельской местности, сократилось. Так, у мордвы показатель уменьшился на 2 424 чел., у удмуртов – на 1 413 чел. Третьи по численности марийцы продемонстрировали рост на 1 126 чел. Эти тенденции сохранились и в последующее десятилетие с дальнейшим сокращением численности всех трех народов.

Наглядным образом демографическую динамику финно-угров представим на примере пермских народов (табл. 5).

Количество проживающих в Казахстане представителей пермских финно-угорских народов за рассматриваемый период сократилось в 3 раза: с 18 880 до 6 400 чел. Пик их численности пришелся на 1970–1979 гг., что предположительно является следствием организованных наборов рабочих и трудовой миграции в период освоения залежных и целинных земель. Наиболее массовый отток зафиксирован в начале 1990-х гг., что связано с распадом Советского Союза.

Численность коми с 1989 по 1999 г. уменьшилась в 3 раза (на 850 чел.), а с 1999 по 2009 г. – в 26 раз. Вероятнее всего, данная тенденция связана с массовой иммиграцией коми в Российскую Федерацию.

Пик численности коми-пермяков пришелся на 1979 г., когда она увеличилась на 221 чел. (на 14,2 %) по сравнению с 1970 г. Последующие переписи населе-

Таблица 5. Динамика численности пермских финно-угорских народов Казахстана, чел.

Table 5. The number of Perm Finno-Ugric peoples of Kazakhstan, peoples

Народ / Ethnic group	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1999 г.	2009 г.
Коми / Komi	1 538	1 345	1 237	387	15
Коми-пермяки / Komi-Perm	1 556	1 777	1 562	935	561
Удмурты / Udmurts	15 786	15 460	15 520	9 095	5 824

Таблица 6. Расселение удмуртов по регионам Республики Казахстан в 2009 г.

Table 6. The share of Udmurts by regions in the Republic of Kazakhstan in 2009

Регион / Region	Численность населения, чел. / Population, peoples	Численность удмуртов, чел. / Population of Udmurts, peoples	Доля удмуртов в населении региона, % / The share of Udmurts in the population of the region, %
Акмолинская обл. / Akmola region	737 495	1 162	0,16
Актюбинская обл. / Aktobe region	757 768	111	0,01
Алматинская обл. / Almaty region	1 807 894	120	–
г. Алматы / Almaty	1 365 632	104	–
г. Астана (Нур-Султан) / Astana (Nur-Sultan)	613 006	190	0,03
Атырауская обл. / Atyrau region	510 377	38	–
Восточно-Казахстанская обл. / East Kazakhstan region	1 396 593	119	–
Жамбылская обл. / Zhambyl region	1 022 129	56	–
Западно-Казахстанская обл. / West Kazakhstan region	598 880	249	0,04
Карагандинская обл. / Karaganda region	1 341 700	780	0,06
Костанайская обл. / Kostanay region	885 570	1 559	0,18
Кызылординская обл. / Kyzylorda region	678 794	29	–
Мангистауская обл. / Mangystau region	485 392	47	–
Павлодарская обл. / Pavlodar region	742 475	631	0,08
Северо-Казахстанская обл. / North Kazakhstan region	596 535	583	0,10
Южно-Казахстанская (Туркестанская) обл. / South Kazakhstan (Turkestan) region	2 469 357	46	–

ния выявили сокращение этого показателя, причем его темпы ускорились после распада СССР [8; 22].

Удмурты с давних пор проживают на территории Казахстана. Одно из первых упоминаний об этом финно-угорском народе отмечено в результатах переписи населения на территории Российской империи в 1897 г. [6].

Численность удмуртов в Казахстане в 1970–1989 гг. превышала 15 тыс. чел. За последующие 10 лет она сократилась практически вдвое (на 41,0 %) в связи с распадом СССР и возвращением мигрантов на этническую родину и в другие районы Российской Федерации. Наименьшее количество удмуртов зафиксировано в 2009 г. – 5 824 чел., что на 36,0 % меньше, чем в 1999 г., и на 63,1 % меньше в сравнении с пиком численности в 1970 г.

Расселение финно-угров по территории Республики Казахстан рассмотрим на примере удмуртов (табл. 6).

По численности удмуртского населения с большим отрывом лидируют Ко-

станайская и Акмолинская области с количеством представителей этноса, превышающим 1 тыс. чел. Третье – пятое места удерживают Карагандинская, Павлодарская и Северо-Казахстанская области с несколькими сотнями [3; 5]. Наименьшее число удмуртов зафиксировано в южном и юго-западном Казахстане: Жамбылской, Мангистауской, Южно-Казахстанской (Туркестанской), Атырауской, Кызылординской областях, где оно колеблется от 29 до 56 чел.

В процентном соотношении также лидируют Костанайская и Акмолинская области – доля проживающих здесь представителей этноса составляет 46,72 % от общего числа удмуртов в Казахстане. В г. Алматы, Алматинской, Южно-Казахстанской (Туркестанской), Мангистауской, Атырауской, Жамбылской, Восточно-Казахстанской, Кызылординской областях доля удмуртов в населении региона не превышает 0,01 %. Данные показатели отражают основные очаги расселения финно-угорских этносов по областям

Республики Казахстан: наибольшие показатели численности удмуртов характерны для северного и центрального регионов страны.

Заключение

Финно-угорские народы, проживающие на территории Казахстана с конца XIX в., сохраняют связь с исторической родиной, культурную и этническую самобытность. После распада Советского Союза численность большинства финно-угорских народов начала стремительно уменьшаться в связи с активным оттоком населения на этническую родину и в другие страны СНГ.

В последние годы в Казахстане возрастает численность тюркских народов, традиционно исповедующих ислам, и наоборот, сокращается численность народов европейского происхождения. Соответственно можно предположить дальнейшее уменьшение численности народов финно-угорской группы в республике.

На основании изложенного материала можно сделать вывод о необходимости дальнейшего изучения финно-угорских народов в Казахстане, а также более подробного рассмотрения вопросов, связанных с возрождением их культуры и духовности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владыкин В. Е. Удмурты: ист.-этногр. очерк. Ижевск: Удмуртия, 2008. 248 с.
2. Кошман Т. В. Удмурты в Казахстане // Религия: сб. ст. и материалов Междунар. науч. конф. Ижевск, 2011. С. 41–44.
3. Кошман Т. В. Финно-угорские народы в Казахстане: по материалам национальной переписи населения 2009 года // Финно-угорский мир. 2013. № 2. С. 34.
4. Логинова Н. Н., Носонов А. М., Есетов С. К. Динамика численности финно-угорских народов Казахстана // Финно-угорский мир. 2014. № 1. С. 107–114.
5. Логинова Н. Н., Носонов А. М., Шурп А. В. Плотность и размещение мордовского этноса по областям Республики Казахстан во второй половине XX – начале XXI в. // Финно-угорский мир. 2015. № 2. С. 67–69.
6. Немечкин В. Н. Финно-угорская общественная дипломатия: теоретико-правовые и практические аспекты // Финно-угорский мир. 2017. № 3. С. 67–68.
7. Садовская Е. Казахстан в центрально-азиатской миграционной подсистеме // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. М.: АдамантЪ, 2009. С. 279–321.
8. Barcus H., Werner C. Immobility and the re-imaginings of ethnic identity among Mongolian Kazakhs in the 21st century // Europe-Asia Studies. 2015. Vol. 69, no. 10. P. 1565–1570. DOI: [10.1016/j.geoforum.2014.12.007](https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2014.12.007).
9. Bonnenfant I. K. Constructing the Homeland Kazakhstan s Discourse and Policies surrounding its Ethnic Return-Migration Policy // Central Asian Survey. 2012. Vol. 31, no. 1. P. 31–44. DOI: doi.org/10.1080/02634937.2012.650004.
10. Bonnenfant I. K. Ethnic Return Migration and Public Debate: The Case of Kazakhstan // International Migration. 2014. Vol. 52, no. 2. P. 178–197. DOI: <https://doi.org/10.1111/imig.12055>.
11. Cummings S. N. The Kazakhs: Demographics, Diasporas, and Return // Nations Abroad: Diasporic Politics and International Relations in the Former Soviet Union / ed. C. King, N. J. Melvin. Colorado, Oxford, 2006. P. 133–152. URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9780429498732-6/kazakhs-demographics-diasporas-return-sally-cummings> (accessed 04.03.2021).

12. Damidov I. Reassessing classification of Kazakhstan's ethnic management model: A comparative approach // *Journal of Eurasian Studies*. 2020. 11(2). P. 133–143. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1879366520925337>.
13. Dave B. Entitlement through Numbers: Nationality and Language Categories in the First Post-Soviet Census of Kazakhstan // *Nations and Nationalism*. 2004. Vol. 10, no. 4. P. 439–459. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1354-5078.2004.00176.x>.
14. Davenel Y. M., Yim E. Minority assimilation and nation-building in Kazakhstan // Isaacs R., Polese A., eds. *Nation-building and identity in the post-Soviet space: new tools and approaches*. London; New York, 2016. P. 65–83.
15. Diener A. Multi-Scalar Territorialization in Kazakhstan's Northern Borderland // *Geographical Review*. 2020. Vol. 34, no. 2. P. 201–235. DOI: <https://doi.org/10.1080/00167428.2020.1814676>.
16. Fierman W. Language and identity in Kazakhstan: Formulations in policy documents 1987–1997 // *Communist and Post-communist Studies*. 1998. Vol. 31, no. 2. P. 171–186. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0967-067X\(98\)00005-1](https://doi.org/10.1016/S0967-067X(98)00005-1).
17. Lee C. Languages and Ethnic Politics in Central Asia: The Case of Kazakhstan // *Journal of International and Area Studies*. 2004. Vol. 11, no. 1. P. 101–116. URL: <http://www.jstor.org/stable/43107089> (accessed 04.03.2021).
18. Mikołajec J., Wendt J. A. Geograficzna sukcesja religii wielkiego stepu // *Nurt SVD*. 2017. T. 51, no. 2. S. 388–402.
19. Nowicka E. Kazakh Homecomings: Between Politics, Culture and Identity // *Central and Eastern European Migration Review*. 2020. Vol. 9, no. 2. P. 109–123. DOI: [10.17467/ceemr.2019.14](https://doi.org/10.17467/ceemr.2019.14).
20. Wendt J. A. Geografia historyczna w badaniach mniejszości węgierskiej w Rumunii // Kulesza M., red. *Geografia historyczna jako determinanta rozwoju nauk humanistycznych*. Legnica, 2009. S. 137–144.
21. Wendt J. A. Początki i rozwój gdańskiej geografii w wieloetnicznym Gdańsku // *Studia z Geografii Politycznej i Historycznej*. 2016. T. 5. S. 177–189.
22. Werner C. A., Emmelhainz C., Barcus H. Privileged Exclusion in Post-Soviet Kazakhstan: Ethnic Return Migration, Citizenship, and the Politics of (Not) Belonging // *Europe-Asia Studies*. 2017. Vol. 69, no. 10. P. 1557–1583. DOI: [10.1080/09668136.2017.1401042](https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1401042).

Поступила 04.03.2021; одобрена 15.03.2021; принята 30.03.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Г. Л. Поносков – магистрант кафедры географии и экологии Северо-Казахстанского университета имени Манаша Козыбаева, grag95skgu@mail.ru

П. С. Дмитриев – кандидат биологических наук, профессор кафедры географии и экологии Северо-Казахстанского университета имени Манаша Козыбаева, dmitriev_pavel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2712-3508>

Т. Н. Лысакова – кандидат биологических наук, доцент кафедры географии и экологии Северо-Казахстанского университета имени Манаша Козыбаева, tanya.lyss@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1925-6570>

А. М. Носонов – доктор географических наук, профессор кафедры физической и социально-экономической географии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, artno@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4719-0166>

Я. А. Вендт – доктор географических наук, профессор кафедры географии регионального развития Гданьского университета, jan.wendt@ug.edu.pl, <https://orcid.org/0000-0003-1712-4926>

Finno-Ugric peoples of the Republic of Kazakhstan: dynamics of the population, distribution, migration processes

Grigory L. Ponosov

Pavel S. Dmitriyev

Tatyana N. Lyssakova

*North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev,
Petropavlovsk, Kazakhstan*

Arthur M. Nosonov

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Jan A. Wendt

*University of Gdansk,
Gdansk, Poland*

Introduction. The article attempts to analyze the dynamics of the number and features of the distribution of the Finno-Ugric peoples on the territory of Kazakhstan at the end of XX – beginning of XXI century.

Materials and Methods. The research is based on statistical data from the population censuses of Kazakhstan and the USSR in 1970–2009 and literature on this scientific topic. The study is based on comparative-historical, statistical and systematic approaches, which allowed us to reveal the dynamics of the ethnogeographic development of the Finno-Ugric peoples.

Results and Discussion. Thirteen Finno-Ugric peoples currently live on the territory of the Republic of Kazakhstan. Based on the analysis of the data of the last five population censuses, it assumes about the relationship between the number of ethnic groups and the number of peoples similar in language and culture, with the political situation in the country, social and cultural conditions. It considers the topic of settlement of the Finno-Ugric peoples in the regions of Kazakhstan.

Conclusion. The Finno-Ugric peoples living on the territory of Kazakhstan since the end of the XIX century, retain their connection with their historical homeland, cultural and ethnic identity. After the collapse of the of the Soviet Union, the majority of the Finno-Ugric peoples began to decline rapidly, due to the active outflow of the population to their ethnic homeland and to other CIS countries.

Keywords: geography of population, Finno-Ugric peoples, ethnic group, census, population, demographics

For citation: Ponosov GL, Dmitriyev PS, Lyssakova TN, Nosonov AM, Wendt JA. Finno-Ugric peoples of the Republic of Kazakhstan: dynamics of the population, distribution, migration processes. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;2:158–168. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.02.158-168.

REFERENCES

1. Vladykin VE. Udmurts. Historical and ethnographic essay. Izhevsk; 2008. (In Russ.)
2. Koshman TV. Udmurts in Kazakhstan. *Religiia: sb. st. i materialov Mezhdunar. nauch. konf.* = Religion. Collection of articles and materials of the International Scientific Conference. Izhevsk; 2011:41–44. (In Russ.)
3. Koshman TV. Finno-Ugric peoples in Kazakhstan: based on the materials of the national population Census of 2009. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2013;2:34. (In Russ.)
4. Loginova NN, Nosonov AM, Esetov SK. Population dynamics of the Finno-Ugric peoples of Kazakhstan. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2014;1:107–114. (In Russ.)
5. Loginova NN, Nosonov AM, Shurr AV. Density and distribution of the Mordovian ethnic group in the regions of the Republic of Kazakhstan in the second half of the XX – beginning of the XXI century. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2015;2:67–69. (In Russ.)
6. Nemechkin VN. Finno-Ugric public diplomacy: theoretical, legal and practical aspects. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2017;3:67–68. (In Russ.)
7. Sadovskaia E. Kazakhstan in the Central Asian migration subsystem. *Postsovetskie transformatsii: otrazhenie v migratsiakh* = Post-

- Soviet transformations: reflection in migratio. Moscow; 2009:279–321 (In Russ.)
8. Barcus H, Werner C. Immobility and the re-imaginings of ethnic identity among Mongolian Kazakhs in the 21st century. *Europe-Asia Studies*. 2015;69:10:1565–1570. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2014.12.007>.
 9. Bonnenfant IK. Constructing the Homeland Kazakhstan's Discourse and Policies surrounding its Ethnic Return Migration Policy. *Central Asian Survey*. 2012;31;1:31–44. DOI: <https://doi.org/10.1080/02634937.2012.650004>.
 10. Bonnenfant IK. Ethnic Return Migration and Public Debate: The Case of Kazakhstan. *International Migration*. 2014;52;2:178–197. DOI: <https://doi.org/10.1111/imig.12055>.
 11. Cummings SN. The Kazakhs: Demographics, Diasporas, and Return. *Nations Abroad. Diasporic Politics and International Relations in the Former Soviet Union*. Colorado, Oxford, 2006:133–152. URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9780429498732-6/kazakhs-demographics-diasporas-return-sally-cummings> (accessed 04.03.2021).
 12. Damidov I. Reassessing classification of Kazakhstan's ethnic management model: A comparative approach. *Journal of Eurasian Studies*. 2020;11;2:133–143. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1879366520925337>.
 13. Dave B. Entitlement through Numbers: Nationality and Language Categories in the First Post-Soviet Census of Kazakhstan. *Nations and Nationalism*. 2004;10:439–459. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1354-5078.2004.00176.x>.
 14. Davenel YM, Yim E. Minority assimilation and nation-building in Kazakhstan. *Isaacs R., Poles A., eds. Nation-building and identity in the post-Soviet space: new tools and approaches*. London; New York, 2016:65–83.
 15. Diener A. Multi-Scalar Territorialization in Kazakhstan's Northern Borderland. *Geographical Review*. 2020;34;2:201–235. DOI: <https://doi.org/10.1080/00167428.2020.1814676>.
 16. Fierman W. Language and identity in Kazakhstan: Formulations in policy documents 1987-1997. *Communist and Post-communist studies*. 1998;31;2:171–186. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0967-067X\(98\)00005-1](https://doi.org/10.1016/S0967-067X(98)00005-1).
 17. Lee C. Languages and Ethnic Politics in Central Asia: The Case of Kazakhstan. *Journal of International and Area Studies*. 2004;11;1:101–116. URL: <http://www.jstor.org/stable/43107089> (accessed 04.03.2021).
 18. Mikołajec J, Wendt JA. Geograficzna sukcesja religii wielkiego stepu. *Nurt SVD*. 2017;51;2:388–402.
 19. Nowicka E. Kazakh Homecomings: Between Politics, Culture and Identity. *Central and Eastern European Migration Review*. 2020;9;2:109–123. DOI: 10.17467/ceemr.2019.14.
 20. Wendt JA. Geografia historyczna w badaniach mniejszości węgierskiej w Rumunii. Kulesza M., red. *Geografia historyczna jako determinanta rozwoju nauk humanistycznych*. Legnica, 2009:137–144.
 21. Wendt JA. Początki i rozwój gdańskiej geografii w wieloetnicznym Gdańsku. *Studia z Geografii Politycznej i Historycznej*. 2016;5:177–189.
 22. Werner CA, Emmelhainz C, Barcus H. Privileged Exclusion in Post-Soviet Kazakhstan: Ethnic Return Migration, Citizenship, and the Politics of (Not) Belonging. *Europe-Asia Studies*. 2017;69;10:1557–1583. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1401042>.

Submitted 04.03.2021; reviewing 15.03.2021; accepted 30.03.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

G. L. Ponosov – Master's Student, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev, grag95skgu@mail.ru

P. S. Dmitriyev – Candidate Sc. {Biology}, Professor, Department of Geography and Ecology, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev, dmitriev_pavel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2712-3508>

T. N. Lyssakova – Candidate Sc. {Biology}, Associate Professor, Department of Geography and Ecology, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev, tanya.lyss@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1925-6570>

A. M. Nosonov – Doctor of Political Science, Professor, Department of Physical and Socio-Economic Geography, National Research Mordovia State University, artno@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4719-0166>

J. A. Wendt – Doctor of Geographical Sciences, Professor, Department of Regional Development Geography, University of Gdansk, jan.wendt@ug.edu.pl, <https://orcid.org/0000-0003-1712-4926>

Этноэстетика в системе этнокультуры: теоретико-методологический аспект

Марина Васильевна Логинова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. Исследованы теоретико-методологические основания этноэстетики как «культурного кода» этноса посредством системного подхода при решении проблемы соотношения этнокультуры и этноэстетики. Цель исследования – философский анализ этноэстетики для определения смыслового потенциала символического капитала этнической культуры.

Материалы и методы. Логика исследования, восходящая от абстрактного (определение этноэстетики) к конкретному (этнофутуризм), основывается на системном подходе, в рамках которого выделены методы: диалектический (этноэстетика на уровне единичного, особенного и всеобщего), сравнительно-исторический (трансформация этноэстетических ценностей); структурно-функциональный (этноэстетика как открытая система эстетических ценностей, выполняющих функции «маркеров» своеобразия этнического).

Результаты исследования и их обсуждение. Автором обозначены теоретико-методологические аспекты этноэстетики в современных условиях бытия этноса: выражение в этноэстетике «духа народа», этноэстетические ценности, эстетическая онтология этноса. Выражение в этнической картине мира понятия «дух народа» позволяет выделить уровни существования этноэстетики в этнокультуре: предметно-субстанциональный (эстетическое сознание, эстетические ценности, отражающие/выражающие «дух народа»); функционально-исторический (трансформирующаяся система эстетических отношений и эстетический опыт этноса). Этноэстетические ценности связаны с ментальностью, «духом народа», глубинными пластами этнического сознания (традиции, обряды, верования, мифологические представления, архетипы), искусством как системой создаваемых символических образов. Диалектика единичного, особенного и всеобщего применительно к эстетическим ценностям выделяет этноэстетику как уровень бытия особенного, одновременно объединяющего (ценности и творческий потенциал этноса в освоении мира) и определяющего специфику понимания и интерпретации этносом основных ценностей (прекрасного, трагического, комического и др.) и фиксацию их в языке. Источником эстетической онтологии являются переживания этносом жизни, природы, труда, творчества, имеющие творческий, гармонизирующий потенциал.

Заключение. Автор трактует этноэстетику как составную часть эстетики, которая создает философскую теорию эстетического отношения этноса к миру (природе, искусству, трудовой деятельности), отражает процесс формирования и развития эстетической чувственности, эстетического сознания, ценности мира.

Ключевые слова: этноэстетика, этническая культура, этноэстетические ценности, теоретико-методологический аспект, системный подход, мордовский этнос, эстетическая онтология этноса, этнофутуризм

Для цитирования: Логинова М. В. Этноэстетика в системе этнокультуры: теоретико-методологический аспект // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 2. С. 169–179. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.02.169-179.

Введение

Актуальность исследования заключается в определении этноэстетики в качестве одной из составляющих этнической культуры, поскольку этноэстетические ценности являются своеобразным «культурным кодом», в которых выражается самосознание этноса. Принадлежность эстетики к сфере культуры столь очевидна, что формула «этноэстетика как часть этнокультуры» не требует доказательств. Однако она приобретает глубокий смысл, когда мы за-

даемся вопросом о месте эстетики в современных условиях бытия этносов. Заданный ракурс определения проблемного поля исследования указывает на объединение двух направлений: с одной стороны, рецепция уже сложившихся практик изучения этнического, с другой – выявление новых проблем и аспектов этнического в культуре, эстетике, искусстве.

Цель данного исследования – представить философский анализ этноэстетики в

системе этнокультуры. Она обусловлена тем, что в современном философском и социогуманитарном мышлении все большую концептуальную, объясняющую роль получают системные представления о культуре как фундаментальном основании, хронотопе, способе существования и детерминанте любых явлений «мира человека». Мы обращаемся к теоретико-методологическому аспекту обоснования содержания, форм, способов трансляции этноэстетических ценностей, раскрывающих смысловой потенциал этнокультуры, ее символический капитал. Этнокультура как сложная система обладает «механизмами» по выполнению функций ее самосознания, в том числе посредством осмысления эстетических ценностей этноса. В этом смысле актуальность предпринятого исследования состоит в определении теории и методологии этноэстетики, взаимосвязи этноэстетики и этнокультуры, осмыслении современных практик изучения этноэстетики [10; 11].

Обзор литературы

Следует выделить ключевые периоды изучения проблемы этнического с позиции хронологии и акцентирования основного содержательного аспекта в отечественной исследовательской традиции, опирающейся на связь пассионарной теории этногенеза Л. Н. Гумилева с материалистическими теориями истории культуры 1970–1980-х гг. (В. Г. Богораз, П. Ф. Преображенский, С. И. Руденко, Н. Н. Чебоксаров). Развитие этнографии привело к росту исследовательского интереса относительно теории этноса, этнопсихологии, этнокультурной традиции (С. А. Арутюнов, Ю. Б. Бромлей, Б. С. Ерасов, Э. С. Маркарян и др.). Дальнейшая дифференциация этнической проблематики способствовала выделению этноэстетики, во-первых, как составной части этнической культуры наряду с этноэтикой, этнопедагогикой (Л. Н. Акбаева, З. Ф. Исламова, Г. А. Никитин, В. А. Салеев и др.), во-вторых, в качестве самостоятельной науки, имеющей методологическое значение для искусствоведческих областей знания (этнохореографии, этномузыковедения и др.) [12].

Отметим, что к настоящему времени в среде зарубежных исследователей сформировалось понимание необходимости «этнографического поворота» в эстетике, философии искусства, искусствознании [26–28].

Отечественными и зарубежными исследователями накоплен значительный опыт по изучению особенностей этнической культуры [5; 21; 29; 31] и искусства финно-угорских народов [22–25].

Искусствоведческий анализ этноэстетических ценностей мордовского этноса (эрзи и мокши) представлен в оригинальных авторских концепциях этномузыковедения [1], этнохореографии [2], в исследованиях неотрадиционализма искусства Мордовии [8], этнофутуризма и этносимволизма [9], эстетических аспектов анализа традиционного мордовского костюма [20]. При всей вариативности концепций их смысловым ядром являются этноэстетические ценности мордвы, выраженные в различных сферах этнической культуры.

Задача, стоящая перед нами, заключается в систематизации материала, накопленного теоретиками и практиками этнической культуры и искусства, а также в выделении векторов дальнейшего развития этноэстетики в пространстве трансформирующейся этнической культуры.

Материалы и методы

Логика нашего исследования, восходящая от абстрактного (определение этноэстетики) к конкретному (этнофутуризм), основывается на системном подходе, раскрывающем взаимосвязь мировоззрения этноса и его эстетических ценностей. Авторская позиция определяется подходом М. С. Кагана к философии культуры, который позволяет определить обусловленность эстетики контекстом этнической культуры в аспекте синхронии и диахронии [6, 21].

Системный способ мышления начал складываться в европейской философии Нового времени в философствовании Г. В. Лейбница, Дж. Вико, Г. В. Ф. Гегеля. Не останавливаясь на тонкостях данной проблемы, отметим лишь то, что

представляет интерес для нашего анализа, – идущее от Г. В. Лейбница разделение способностей духа на сферы (воля, разум, чувство), повлиявшее на идею А. Г. Баумгартена о самостоятельном статусе эстетики как науки о чувственном восприятии наряду с логикой и этикой. Троиединство логики, этики и эстетики и их выражение в науке, нравственности и искусстве стали определяющими для целостного обоснования культуры в качестве сферы проявления активности человеческого духа. Так в истории философии была определена связь эстетики и культуры как системы духовного развития.

В рамках системного подхода принятого исследования следует выделить соответствующие методы: диалектический (этноэстетика на уровне единичного, особенного и всеобщего), сравнительно-исторический (трансформация этноэстетических ценностей); структурно-функциональный (этноэстетика как открытая система эстетических ценностей, выполняющих функции «маркеров» своеобразия этнического).

Результаты исследования и их обсуждение

Выражение «духа народа» в этноэстетике

Этноэстетика входит в состав эстетики как философской науки и определяется культурно-историческим контекстом. Российский эстетик В. В. Бычков, обозначая новый этап эстетики, говорит о «...эмпирической сфере новейшего эстетического сознания, отвечающего потребностям современного человека, его новому менталитету и новой формирующейся рецептивности» [3, 90]. Важно отметить специфику современного этапа, который изменяет представления о категориально-методологическом аппарате классической эстетики, разработавшей систему эстетической метафизики, поставившей человека в центр своих размышлений и обосновавшей значение категорий мимезиса, духовного обогащения эстетического субъекта, созерцательности и достижения глубинного катарсиса при постижении метафизики

бытия. Подчеркнем, что новый этап эстетики изменяет, но не отменяет опыт, который гармонизирует отношения человека и мира, дает, по выражению В. В. Быčkova, возможность переживания «сопричастности полноте бытия».

В современных условиях культурных кризисов и потерь особую актуальность приобретают именно те сферы, которые выполняют «охранительную» функцию метафизической основы культуры. С другой стороны, эстетизация охватила все сферы жизни современного общества, эстетический опыт стал настолько актуальным, что, по сути, границы его стерлись. В связи с этим обращение к этнической проблематике служит не только развитию и обогащению эстетических ценностей, этнической самоидентификации, но и пониманию места и значения этноса в системе культуры.

Мы понимаем этноэстетику как составную часть эстетики, которая создает философскую теорию эстетического отношения этноса к миру (природе, искусству, трудовой деятельности), отражает процесс формирования и развития эстетической чувственности и эстетического сознания, ценности мира. Этноэстетика является одним из оснований создания философии этнической культуры, ее картины мира. Таким образом, в рамках нашего исследования выстраивается концептуальная вертикаль, состоящая из этнической культуры, этнической картины мира, этноэстетики – взаимосвязанных понятий, в которых отражается ментальность этноса, или «народный дух» (И. Г. Гердер, Г. В. Ф. Гегель).

Характеризуя кризис современной культуры и европейских наук, Э. Гуссерль использует понятие «жизненный мир» в значении «область исконно человеческих смысловых формаций, предшествующих рождению науки и не исчезающих с ее развитием» [14, 377]. Феноменологический смысл жизненного мира заключается в его целостности, включенности в бытие как основы любой деятельности и связи с исторической традицией определенного этноса (народа).

В современном понимании жизненный мир соотносится с тем, что называ-

ется ментальностью. В ментальности этноса эстетика «объединяет все виды его деятельности, направленные на гармонизацию отношений, и является отраслью философского знания в комплексе наук о человеке, изучающей процессы становления, развития и трансформации творческого потенциала этноса» [13, 60]. Жизненный мир коррелирует не только с понятием «ландшафт», разрабатываемым М. Хайдеггером, но и с понятием «граница» у М. М. Бахтина. М. Хайдеггер отмечает, что «духовный мир народа не есть ни надстройка определенной культуры, равно как и не кладовая применимых познаний и ценностей, но он есть мощь глубочайшего сбережения его земных и кровных сил как мощь интимнейшего возбуждения и широчайшего потрясения его бытия» [17, 300].

Осмысление понятия «дух народа», его отражение и выражение в этнической картине мира позволяют выделить уровни бытия этноэстетики в этнокультуре: во-первых, предметно-субстанциональный (эстетическое сознание, эстетические ценности, отражающие/выражающие «дух народа»); во-вторых, функционально-исторический (трансформирующаяся система эстетических отношений и эстетический опыт этноса).

Применение системного подхода для анализа проблемы приводит нас к выводу о взаимосвязи этноэстетики, этноэтики, этнической картины мира с «духом народа», о триединном онто-гносео-аксиологическом основании этнокультуры. Утрата понимания взаимосвязи триединства приводит к описательности в объяснении феноменов этнокультуры. Утверждение М. Хайдеггера, что «дух народа» выражается через творчество, «посредством которого, поднимаясь над самим собой, народ вырастает в свое историческое призвание, тем самым приходя к самому себе» [16, 384], еще раз подчеркивает значение этноэстетики в гармонизации отношений человека и мира, позволяет выделить этнокультурные доминанты эстетического (деятельностные, институциональные, предметно-вещные, семиотические, информационно-коммуникативные, ментальные и духовные основания).

Этноэстетические ценности

Эстетические ценности фиксируют значимость объектов действительности для жизнедеятельности субъекта (в нашем случае субъектом выступает этнос). Своеобразие эстетических ценностей определяется самой природой эстетического отношения к действительности, которое состоит в непосредственно-чувственном восприятии и оценке содержательной формы, меры организованности и упорядоченности объектов. Объясняя специфику эстетических ценностей, Н. И. Киященко отмечает «свободную направленность и нацеленность человеческого духа от получения практической пользы или удовлетворения практических потребностей во всех своих эстетических взаимодействиях с миром» [7, 199]. Соответственно эстетическими ценностями обладают феномены природы, результаты духовной и практической деятельности человека. Эстетическая ценность феноменов и объектов зависит от их включенности в определенную систему и соотносительности с идеалом этой системы, необходимым для оценки. Эти положения имеют общеприкладной характер и достаточно разработаны в науке [6; 7].

Подчеркнем значение этноэстетических ценностей, отметив их взаимосвязь, во-первых, с ментальностью, «духом народа»; во-вторых, с глубинными пластами этнического сознания (традиции, обряды, верования, мифологические представления, архетипы); в-третьих, с искусством как системой создаваемых символических образов. Диалектика единичного, особенного и всеобщего применительно к эстетическим ценностям выделяет этноэстетику как уровень бытия особенного, одновременно объединяющего (ценности и творческий потенциал этноса в освоении мира), определяющего специфику понимания и интерпретации этносом основных ценностей (прекрасного, трагического, комического и др.) и фиксацию их в языке.

Методологическая предпосылка анализа этноэстетики – системный подход к ней – рассматривает диалектику единичного, особенного и всеобщего, характеризуя особенные формы преломления

общих для всего человечества черт культуры, дальнейшая конкретизация которых происходит в этнически специфических вариациях. Диалектика единичного, особенного и общего дает, таким образом, возможность рассматривать этноэстетику в качестве обозначения среднего уровня между общечеловеческими и уникально-единичными ценностями. Здесь мы предлагаем использовать понятие пограничного, которое становится все более влиятельным при описании феноменов эстетики и практики искусства. Проблематизация и актуализация этноэстетики как пограничного состояния между всеобщим и единичным приводит к инверсии этноэстетических феноменов, поскольку единичное выступает выразителем всеобщего. Данная диалектика может иметь и другую плоскость выражения: культура, т. е. совокупный опыт человечества, преломляется в этноэстетике, которая дифференцируется в различных областях этнического искусства.

Эстетическая онтология этноса

Изменение современной парадигмы культуры и ее ценностные ориентации приводят нас к постановке вопроса эстетической онтологии этноса. Мы уже отмечали, что интерес к проблемам эстетического характерен для современной культуры в силу того, что раскрывает творческую сущность бытия [10]. Современная философская рефлексия не только объединяет эстетические и онтологические принципы, но и определяет эстетическое в качестве основы человеческого бытия, его места в мире [4; 19]. Сближение онтологии и эстетики осуществлялось благодаря максимально широкому пониманию и толкованию их в современной культурной парадигме (выход за пределы традиционных представлений об искусстве и классических категорий, определение областей эстетических явлений, имеющих событийный характер).

Следует выделить эстетическую онтологию этноса для обозначения феномена, пронизывающего жизненное пространство этнокультуры и определяющего через эстетические ценности ее глубинные

основания. Речь идет о формировании новых концептов, позволяющих описать процесс трансформации современной этнической культуры. В этом смысле этноэстетика – концепт, обладающий особым потенциалом, поскольку вбирает в себя процесс и результат (ставшие и становящиеся этноэстетические ценности). Данный концепт обнаруживает эвристичность через погружение в пространство творчески преобразующего мир этноса. Этноэстетике приходится иметь дело с быстро формирующимися в гуманитарной сфере, относительно новыми понятиями и категориями, которые действуют в пересекающихся смысловых полях. Многие понятия, например «неотрадиционализм», «неоархаика», «археоавангард», «этнофутуризм» и др., еще требуют осмысления и обобщения в этноэстетическом контексте. Этноэстетика – наука, но наука становящаяся, качественно гармонирующая отношения человека с миром через эстетические ценности этноса.

В настоящее время в финно-угорском мире, в Республике Мордовия в частности, прослеживается общая тенденция становления этнофутуризма как направления, движущегося к освоению образной этнокультурной символики в самом широком универсальном ключе. Этот процесс неоднозначен с точки зрения этноэстетики: с одной стороны, несомненно, происходит сохранение этнического своеобразия, хотя и в «снятом», специфически «очищенном» через мировосприятие современного художника, виде; с другой – традиционные образы обогащаются новым восприятием и интерпретацией, а также необычным для себя контекстом конкретики актуальной жизни общества. Кроме того, традиционное содержание попадает не только в современный коннотативный пласт, но и в горизонт универсальных смыслов, значений, символов, присущих многим другим этносам.

Тяготение финно-угорских художников к традиционной символике этноса является реакцией на общемировые процессы с точки зрения традиционной культуры, однозначно воспринимающей происходящее как слом общепринятой системы ценно-

стей народного сознания, в котором до сих пор достаточно много устойчивых ценностных и эстетических ориентиров. Отмечается наплыв из глобализирующегося пространства не раскодируемых этнокультурой сигналов, сливающихся в информационный шум. На эти сигналы-вызовы часть региональной творческой интеллигенции дает ответ в художественной практике этнофутуризма, обладающей в большей степени реактивной составляющей, в гораздо меньшей – провокативной. Обращение к этническим корням обозначает поиск общности через этническую культуру и идет не в противопоставлении, но параллельно новому техногенному, цифровому укладу. Существует своеобразный культ деревенского, или провинциального, бытового уклада, не угасает интерес к истории рода вместе с потребностью в воссоздании предметной вещной среды, окружавшей предков, атмосферы их забот, связи с духовными истоками. На основе образов народного творчества происходит процесс возрождения «духа народа» как переформатирование системы эстетических ценностей в качественно иных социальных условиях.

Этнофутуризм производит своеобразную дистилляцию этнического содержания, что может быть опасно перекосом в сторону китчевости, чрезмерной декоративности, которая в высокой степени зависит от тонкого чутья художника. Избыточное использование этнических элементов без осознания внутреннего содержания способно исказить изначально верный творческий мотив. Излишняя фигуративность (декоративность), не несущая особого смысла и лишь формально связываемая с этникой, может быть приметой вырождения художественного направления.

Этнофутуризм – своего рода охранительная реакция художественного сознания части финно-угорского этноса, которое обращается к символам единства с природой и этносом, чтобы удержать мир от распада на хаос бессвязных элементов. Одним из таких символов является архетип Мирового древа. Дерево – часть ланд-

шафта – присутствует в священных рощах в качестве сакрального объекта, в мифологии мордвы-эрзи и мокши [15], в народном сознании как традиционный материал, используемый в бытовой, хозяйственной деятельности. В духовной жизни этноса дерево – многозначный символ, к которому обращаются мордовские этнофутуристы.

Архетипический образ дерева присутствует на многих картинах мордовского художника-этнофутуриста Ю. Дырина. Творчество художника существует, постоянно развиваясь и усложняясь от ранних картин-пейзажей к более сложным, полным метафорических обобщений. Образы детских воспоминаний в картинах 1997–2000 г. сменяются сюжетами по мотивам мифов. На его полотнах образ дерева – это и Мировое древо, и древо просветления на одноименной картине, и древо познания. Этот образ связан с другим универсальным и архетипическим образом многих мифов – образом Дома как ковчега.

На картине по библейским мотивам «Ковчег» (рис. 1) Ной спасает не только животных, внимание зрителя привлекает

Рис. 1. Ю. Дырин. Ковчег (2008 г.)¹

Fig. 1. Yu. Dyryn. Ark (2008)¹

¹ Юрий Дырин. Мой Эдем: альбом. Саранск, 2008. С. 14.

огромное растение-дерево – прообраз Мирового древа.

Ковчег совмещает символы дома и жи-
воносного древа как вместилища, собира-
ющего и охраняющего живые существа,
являющегося прообразом культуры, одной
из функций которой всегда было сохране-
ние жизненного начала.

Нужно отметить, что картинам морд-
овского этнофутуриста свойственны связу-
ющая метафоричность и многозначность.
Так, на картине «Ангел дома» (рис. 2) по-
вторяется мотив ковчега, но проработан
он совершенно иначе. Если «Ковчег» сво-
ими яркими красками и четкостью, даже
некоторой грубоватостью линий вызывает
ассоциации с красочностью детского
рисунка словно изначальных времен, то
«Ангел дома» несет в себе ностальгиче-
скую ноту апокалиптического ожидания
окончания самого времени. В этой вечер-
ней зарисовке, в застывших на лодке ан-
гела человеческих фигурках, окрашенные
сумерками, скрыто воспоминание о дет-
стве – невосвратно уходящем для каждого
человека времени.

В других работах художника Ковчег как
прообраз дома, сохраняющего в себе на-
чала всего живого, трансформируется до
космического символа. Так художник пре-
образует воспоминания детства в универ-
сальную метафору, затрагивающую любо-
го зрителя.

Л. Колчанова-Нарбекова также являет-
ся представителем этнофутуристическо-
го движения. Мотив родного дома в ее
творчестве присутствует на первом плане.
Если на полотнах Ю. Дырина дом часто
обобщенно-символичен или вписан в ви-
димый со стороны пейзаж, то у Л. Колча-
новой-Нарбековой он явлен самой жизнью
его обитателей. Воспоминание о доме раз-
вернуто к зрителю в нескольких кадрах –
сценах из жизни, какими они помнятся ху-
дожнице. Такое расположение неслучайно
и отсылает к традиции «житийных» икон,
в которых несколько изображений разме-
щены вокруг основного образа в одном
окладе. Пример этого мы видим на цен-

Рис. 2. Ю. Дырин. Ангел дома (2007 г.)²

Fig. 2. Yu. Dyrin. Angel of the home (2007)²

Рис. 3. Л. Колчанова-Нарбекова. Мое житие (2000 г.)³

Fig. 3. L. Kolchanova-Narbekova. My life (2000)³

тральной части триптиха «Мое житие»
(рис. 3). На картинах запечатленные вну-
три дома события и вся предметная сре-
да обстановки как бы охраняется образом
рамы-оклада, отмечающим пограничное
пространство, подчеркивающим сакраль-
ное значение домашнего бытия. Мно-
гие картины художницы открываются
навстречу зрителю, подобно окнам, в ко-
торых видны простор неба и полет ярких
птиц, выражая впечатления от воспомина-
ний о детстве [30, 13].

² Юрий Дырин. Мой Эдем. С. 25.

³ Выставка Людмилы Колчановой-Нарбековой «ПРОстранство и время» // Культура.РФ: портал. URL: <https://www.culture.ru/events/1101801/prostranstvo-i-vremya> (дата обращения: 27.04.2021).

Картины мордовских художников-этнофутуристов часто напоминают – и пишутся – как своеобразные обереги. Такое творчество тяготеет к тенденции, которую можно назвать «охранительной декоративностью».

Заключение

Этнофутуризм обладает определенной актуальностью как способ провести этническое, но «очищенное» художественное содержание через необычные, стилизованные формы в современное коллективное бессознательное, отвечая часто неосознанной потребности современного зрителя не только в новизне, но и в фактической ясности свидетельства архетипи-

ческого символа. Исходя из теоретического осмысления художественной практики современного мордовского искусства, можно утверждать, что основаниями эстетической онтологии этноса будут являться те архетипы, «мысле-образы» [18], которые служат источником метафизических переживаний жизни, природы, труда, творчества, описывают траекторию экзистенциального существования человека и самовыражение этноса в эстетической онтологии. Все сказанное позволяет сделать вывод о значении эстетической онтологии этноса как теоретико-методологического основания этноэстетики, имеющего творческий и гармонизирующий потенциал в системе этнокультуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бояркин Н. И., Бояркина Л. Б. Мордовские инструментальные традиции: музыкально-этнографическое исследование: в 2 т. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. Т. 1–2.
2. Бурнаев А. Г. Мордовский танец в контексте финно-угорской танцевальной культуры. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. 82 с.
3. Бычков В. В. Постнеклассическая эстетика: к вопросу о формировании современного эстетического знания // Философский журнал. 2008. № 1. С. 90–108.
4. Дзикевич С. А. Эстетика онтологии. Эпистемологическая аналитика знания бытия. М.: Ленанд, 2015. 134 с.
5. Драч Г. В. Этнокультура в пространстве глобализации (обзор международного конгресса в Грозном) // Вопросы философии. 2015. № 8. С. 208–212.
6. Каган М. С. Проблемы методологии. СПб.: Петрополис, 2005. 356 с. (Избранные труды; т. 1).
7. Киященко Н. И. Эстетика как философская наука. М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. 592 с.
8. Кондратенко Ю. А., Логинова М. В. Проект «Современное искусство Мордовии: неотрадиционализм и формы его развития» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 2-2. С. 264–266.
9. Кондратенко Ю. А., Логинова М. В., Святогорова В. С. Этнонаправления в искусстве Мордовии: параметры видения этнического прошлого // Финно-угорский мир. 2015. № 1 (22). С. 103–107.
10. Логинова М. В. Методологическое значение онтологического подхода для философии искусства // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8, № 1. С. 124–137.
11. Логинова М. В. Тенденции развития этноэстетики в образовательном пространстве финно-угорского мира // Регионоведение. 2012. № 2 (79). С. 168–169.
12. Логинова М. В. Формирование методологии этноэстетики // Финно-угорский мир. 2014. № 4 (21). С. 17.
13. Логинова М. В. Этноэстетика в современном гуманитарном знании // Культурное наследие России. 2017. № 1. С. 60–63.
14. Реале Д., Антисери Д. От романтизма до наших дней. СПб.: Петрополис, 1997. 880 с. (Западная философия от истоков до наших дней; т. 4).
15. Рогачев В. И., Ваганова Е. Н., Мингазова Л. И. Функционирование растительно-

- го кода в традиционной культуре народов Поволжья (на примере фольклора мордвы-эрзи и мокши) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, № 3. С. 439–445.
16. Хайдеггер М. Пути к собеседованию // Хайдеггер М. Исток художественного творения. М., 2008. С. 384–390.
 17. Хайдеггер М. Самоутверждение немецкого университета // Историко-философский ежегодник – 1994. М., 1995. С. 298–304.
 18. Чеснов В. Я. Эстетические онтологии народной жизни // Научные записки отдела народной художественной культуры. Современные художественные практики. М., 2007. С. 191–211.
 19. Шатунова Т. М. Социальный смысл онтологии эстетического (опыт оправдания красотой). Казань: Изд-во КГУ, 2007. 154 с.
 20. Шигурова Т. А. Этносоциальные функции традиционной женской одежды в обычаях и обрядах мордвы. М.: ИНФРА-М, 2019. 285 с.
 21. Akhmetova L. R., Mayorov I. M., Makhmutova M. M. Ethnic component in modern interior design as the factor of traditional folk art conservation // Turkish Online Journal of Design, Art and Communication. 2016. Special Edition. P. 3049–3054.
 22. Heinapuu A., Heinapuu O. Some treatments of the concept of ethno-futurism in Estonia // IDNA. Ethno-futurist festival. Udmurtia. May 23–27, 2002. URL: http://www.suri.ee/etnofutu/idnatekst/ethno_en.html (accessed 09.01.2020).
 23. Kauksi Ü., Heinapuu A., Kivisildnik S., Päril-Lõhmus M. Ethno-futurism as a mode of thinking for an alternative future. Tartu, 1994. URL: <http://suri.ee/etnofutu/ef!eng.html> (accessed 09.01.2020).
 24. Kolcheva E. M. Formation of Ethno-Futurism at the Turn of the XX–XXI Centuries // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6, no. 3. P. 231–236.
 25. Kreuger A. Ethno-Futurism: Leaning on the Past, Working for the Future // Afterall: A Journal of Art, Context and Enquiry. 2017. Vol. 43. P. 116–133.
 26. Rutten K., Dienderen v. A., Soetaert R. Revisiting the ethnographic turn in contemporary art // Critical Arts: South-North Cultural and Media Studies. 2013. Vol. 27, no. 5. P. 459–473.
 27. Siegenthaler F. Towards an ethnographic turn in contemporary art scholarship // Critical Arts: South-North Cultural and Media Studies. 2013. Vol. 27, no. 6. P. 737–752.
 28. Smith T. Currents of world-making in contemporary art // World Art. 2011. Vol. 1, no. 2. P. 171–188.
 29. Suleymanova D. Creative cultural production and ethnocultural revitalization among minority groups in Russia // Cultural Studies. 2018. Vol. 32, no. 5. P. 825–851.
 30. Ugriculture 2000: contemporary art of the fenno-ugrian peoples. Helsinki: Erikoispaino Oy, 2000. 160 p.
 31. Zeybek T. Global culture for the global world: postmodernism // Turkish Online Journal of Design, Art and Communication. 2017. Vol. 7, no. 3. P. 395–408.

Поступила 11.12.2020; одобрена 15.01.2021; принята 30.03.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

М. В. Логинова – доктор философских наук, заведующий кафедрой культурологии и библиотечно-информационных ресурсов Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, marina919@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1405-0976>

Ethno-aesthetics in the system ethnic culture: theoretical and methodological aspect

Marina V. Loginova

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Introduction. The article deals with the study of theoretical and methodological foundations of ethno-aesthetics as a “cultural code” of an ethnos through a systematic approach to solving the problem of the ratio of ethno-culture and ethno-aesthetics. The aim of the study is a philosophical analysis of ethno-aesthetics to determine the semantic potential of the symbolic capital of ethnic culture.

Materials and Methods. The logic of the research, ascending from the abstract (definition of ethno-aesthetics) to the exact (ethno-futurism), is based on a systemic approach. It distinguishes the following methods: dialectical (ethno-aesthetics at the level of the singular, particular and universal), comparative-historical (transformation of ethno-aesthetic values); structural and functional (ethno-aesthetics as an open system of aesthetic values that serve as “markers” of ethnic originality).

Results and Discussion. The author denotes the theoretical and methodological aspects of ethno-aesthetics in the modern conditions of being of an ethnos: ethno-aesthetic values, aesthetic ontology of ethnos, expression in ethno-aesthetics of the “spirit of a people”. In the ethnic world-picture the expression of the concept “spirit of the people” allows to highlight the levels of ethno-aesthetics in ethnoculture: substantial (aesthetic consciousness, aesthetic values that reflect/express the “spirit of a people”); functional-historical (transforming system of aesthetic relations and aesthetic experience of an ethnos). The author notes the relationship of ethno-aesthetic values with mentality, the “spirit of a people”, the deep layers of ethnic consciousness (traditions, rites, beliefs, mythological representations, archetypes), art as a system of creating symbolic images. The dialectics of single, special and universal with regard to aesthetic values distinguishes ethno-aesthetics as the level of being of special, which at the same time combines (values and creative potential of an ethnos in world exploration) and determines the specifics of understanding and interpretation by an ethnos the basic values (the beautiful, the tragic, the comic, etc.) and its fixation in the language. The source of aesthetic ontology is the experiencing by an ethnos life, nature, labour, creativity, which have creative and harmonizing potential.

Conclusion. The author interprets ethno-aesthetics as an integral part of aesthetics, which creates a philosophical theory of an ethnos aesthetic relationship to the world (nature, art, labour), reflects the process of formation and development of aesthetic sensuality and aesthetic consciousness, the value of the world.

Keywords: ethno-aesthetics, ethnic culture, ethno-aesthetic values, theoretical and methodological aspect, systematic approach, Mordovian ethnos, aesthetic ontology of ethnos, ethnofuturism

For citation: Loginova MV. Ethno-aesthetics in the system ethnic culture: theoretical and methodological aspect. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;2:169–179. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.02.169-179.

REFERENCES

1. Boyarkin NI, Boyarkina LB. Mordovian instrumental traditions: musical and ethnographic research. Saransk; 2019;1–2. (In Russ.)
2. Burnaev AG. Mordovian dance in the context of the Finno-Ugric dance culture. Saransk; 2014. (In Russ.)
3. Bychkov VV. Postnonclassical Aesthetics: the Problem of Shaping the Body of Knowledge in Contemporary Aesthetics. *Filosofskii zhurnal* = Philosophy Journal. 2008;1:90–108. (In Russ.)
4. Dzikovich SA. The aesthetics of ontology. Epistemological analytics of knowledge of existence. Moscow; 2015. (In Russ.)
5. Drach GV. Ethnoculture in the space of globalization (review of the international congress in Grozny). *Voprosy filosofii* = Voprosy Filosofii. 2015;8:208–212. (In Russ.)
6. Kagan MS. Methodological issues. Saint-Petersburg; 2005. (In Russ.)
7. Kiyashchenko NI. Aesthetics as a philosophy. Moscow; 2005;1. (In Russ.)
8. Kondratenko YuA, Loginova MV. The project “The modern art of Mordovia: Neotraditionalism And Its Forms”. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* = Izvestiya of Samara Sci-

- entific Center of the Russian Academy of Sciences. 2014;16;2-2:264–266. (In Russ.)
9. Kondratenko YuA, Loginova MV, Svyatogorova VS. Ethnic movement in the art of Mordovia: the parameters of seeing ethnic past. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2015;1(22):103–107. (In Russ.)
 10. Loginova MV. Methodological concern of ontological approach towards philosophy of art. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin. 2018;8;1:124–137. (In Russ.)
 11. Loginova MV. Trends of development of ethno-aesthetics in the educational space of the Finno-Ugric world. *Regionologiya* = Regionology. 2012;2(79):168–169. (In Russ.)
 12. Loginova MV. Ethno-aesthetic methodology formation. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2014;4:17. (In Russ.)
 13. Loginova MV. Ethno-aesthetics in contemporary humanities knowledge. *Kul'turnoe nasledie Rossii* = Cultural Heritage of Russia. 2017;1:60–63. (In Russ.)
 14. Reale D, Antiseri D. From romanticism to the present day. Saint-Petersburg; 1997;4. (In Russ.)
 15. Rogachev VI, Vaganova EN, Mingazova LI. The vegetal code functioning in the traditional culture of the peoples of the Volga region (on the example of the folklore of the mordva-erzya and moksha). *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2019;13;3:439–445. (In Russ.)
 16. Khaidegger M. The Self-assertion of the German University. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik – 1994* = History of philosophy yearbook'94. Moscow; 1995:298–304. (In Russ.)
 17. Khaidegger M. Roads to the interview. *Khaidegger M. Istok khudozhestvennogo tvoreniia* = Khaidegger M. The Origin of the Work of Art. Moscow; 2008:384–390. (In Russ.)
 18. Chesnov VYa. Folk life aesthetic ontologies. *Nauchnye zapiski otdela narodnoi khudozhestvennoi kul'tury. Sovremennye khudozhestvennye praktiki* = Scientific notes of the department of folk art culture. Contemporary art practices. Moscow; 2007:191–211. (In Russ.)
 19. Shatunova TM. Social meaning of aesthetic ontology (experience of justification by beauty). Kazan; 2007. (In Russ.)
 20. Shigurova TA. Ethno-social function of traditional women's clothing in the customs and rites of the mordvah. Moscow; 2019. (In Russ.)
 21. Akhmetova LR, Mayorov IM, Makhmutova MM. Ethnic component in modern interior design as the factor of traditional folk art conservation. *Turkish Online Journal of Design, Art and Communication*. 2016; Special Edition:3049–3054.
 22. Heinapuu A, Heinapuu O. Some treatments of the concept of ethno-futurism in Estonia. *IDNA. Ethno-futurist festival*. URL: http://www.suri.ee/etnofutu/idnatekst/ethno_en.html (accessed 20.01.2021).
 23. Kauksi U, Heinapuu A, Kivisildnik S, Parlo-Lohmus M. Ethno-futurism as a mode of thinking for an alternative future. Tartu; 1994. URL: <https://lib.convdocs.org/docs/index-263499.html> (accessed 20.01.2021).
 24. Kolcheva EM. Formation of Ethno-Futurism at the Turn of the XX–XXI Centuries. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015;6;3:231–236.
 25. Kreuger A. Ethno-Futurism: Leaning on the Past, Working for the Future. *Afterall: A Journal of Art, Context and Enquiry*. 2017; 43:116–133.
 26. Rutten K, Dienderen van A, Soetaert R. Revisiting the ethnographic turn in contemporary art. *Critical Arts: South-North Cultural and Media Studies*. 2013;27;5(1):459–473.
 27. Siegenthaler F. Towards an ethnographic turn in contemporary art scholarship. *Critical Arts: South-North Cultural and Media Studie*. 2013;27;6:737–752.
 28. Smith T. Currents of world-making in contemporary art. *World Art*. 2011;1;2:171–188.
 29. Suleymanova D. Creative cultural production and ethnocultural revitalization among minority groups in Russia. *Cultural Studies*. 2018;32;5:825–851.
 30. Ugriculture 2000: contemporary art of the Fenno-Ugrian peoples. Helsinki; 2000.
 31. Zeybek T. Global culture for the global world: postmodernism. *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication*. 2017;7;3:395–408.

Submitted 11.12.2020; reviewing 15.01.2021; accepted 30.03.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

M. V. Loginova – Doctor of Philosophy, Head of Department of Cultural Studies, Library and Information Resources, National Research Mordovia State University, marina919@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1405-0976>

Актуализация традиционных этнических символов в дизайне современного финно-угорского костюма

Ирина Анатольевна Сазыкина

*Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия*

Ирина Львовна Сиротина

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. В современном дизайне актуальной является проблема создания авторских сценических костюмов с использованием древних сакральных финно-угорских символов.

Материалы и методы. Выбор цели и задач, в основу которого положен принцип системности, определил методологию работы, базирующуюся на синтезе культурологического и искусствоведческого анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. В русле междисциплинарного исследования рассматривается применение художественных приемов, позволяющих сохранить в актуальном дизайне код узнаваемости уходящих эпох: в формах символов и знаков финно-угров (удмуртов и коми-пермяков), цветовом решении, фактуре тканей и материалов, декоре, местоположении сакрализации. Приводится авторская классификация современных коллекций этно-костюма: условно-аутентичные, фольклорные, эстрадные, конкурсные. Рассматривается женский комплекс северных коми-пермяков как источник при создании условно-аутентичных костюмов для народного ансамбля «Самородки». Все теоретические находки иллюстрируются их практическим использованием при создании авторских коллекций, основной акцент авторами сделан на удмуртских костюмах.

Заключение. Проектирование современного финно-угорского костюма по удмуртским или коми-пермяцким мотивам может быть более эффективным и выйти на высокий качественный уровень. Для этого выявленное сакральное, семиотическое и эстетическое наполнение традиционного костюма должно быть научно осмыслено и адекватно адаптировано к стилевым и функциональным требованиям нашего времени как в проектно-конструкторских решениях, так и в смысловой характеристике декоративных элементов и аксессуаров.

Ключевые слова: современный финно-угорский костюм, сакральные знаки, материалы и технологии традиционной одежды, сценические коллекции этно-костюма

Для цитирования: Сазыкина И. А., Сиротина И. Л. Актуализация традиционных этнических символов в дизайне современного финно-угорского костюма // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 2. С. 180–192. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.02.180-192.

Введение

Удмурты – финно-угорский народ, издавна проживающий на территории Поволжья и Предуралья, с богатой, самобытной, формировавшейся веками культурой, насыщенной языческими традициями и уникальными образцами материального мира. На протяжении последних веков удмуртская культура и искусство испытывали сильнейшее внешнее социальное и технократическое давление, связанное с модификацией уклада общественной жизни и научно-технической революцией. Процессы всеобщей индустриализации и глобализации, упрощения и ускорения

распространения товаров и услуг привели к кардинальной модификации культурных ценностей всего человечества и удмуртского этноса в том числе. Духовное содержание самобытной культуры стало нивелироваться и исчезать вместе с тем предметным миром, который веками окружал удмуртов, информационно объединял и транслировал особую этническую сущность. На смену этому сакрально обусловленному вещному континууму приходит мир глобальной культурной унификации и «этнической многоголосицы», где сакрально значимые для удмуртов финно-

угорские смысловые мотивы и образы должны найти свое место в целях сохранения вековых культурных традиций этноса.

Женская одежда удмуртов на протяжении столетий являлась подлинным образцом самобытного национального мышления, носителем духовной культуры народа и заключала в себе комплекс ярких сакральных смыслов, рассказывающих об укладе жизни этноса. Традиционные наряды удмуртки – настоящая сокровищница художественно-эстетических образов для современных дизайнеров женской одежды, которые постоянно обращаются к этому источнику вдохновения, особенно при разработке сценических и конкурсных костюмов в этно-стиле. Образ матери, женщины – любимый и почитаемый образ удмуртского народа. Удмуртский орнамент прост в исполнении, но в нем закодирован глубокий сакральный смысл. Доказательством этого служат, например, солярные знаки в виде женских образов: звезда (*кизили* ‘девушка’), луна (*толэзь* ‘женщина’) [9; 13]. При практическом применении национальных образов выявляется острая нехватка адаптивных проектно-художественных подходов, обеспечивающих сохранение особых удмуртских этнокультурных традиций и смыслов.

Зооморфные и растительные мотивы всегда присутствовали в национальной одежде удмуртов от головных уборов (образы птиц – *ронжа* и *юсь* ‘лебедь’ по рукавам и головным полотенцам, древо жизни на женском покрывале *сюлык*, растительные узоры в налобной девичьей повязке и др.) до тесьмы по низу рубахи-платья с узорами «шиповник» или «бубыли» (‘бабочка’). Подобный декор помимо эстетической функции нес и сакральную нагрузку. Мастерицы, вышивая долгими зимними вечерами различные символы и знаки, создавали таким образом информационное поле, которое «заряжало» изделия положительной энергией и «отводило» от женщины все негативное и дурное.

Обзор литературы

Для исследования актуализации в современной одежде народных традиций важной основой становятся труды по

истории и теории костюма. Особого внимания в ракурсе обозначенных проблем заслуживают работы российских ученых, посвященные семантике финно-угорского костюма, в частности С. Н. Виноградова, С. Х. Лебедевой, Л. А. Молчановой, А. И. Сабуровой и др.

Отметим, что начало изучения удмуртского и коми-пермяцкого костюмов характеризовалось в основном интересом к конструкторско-технологическим утилитарным решениям, однако впоследствии акцент переместился на сакрально значимые компоненты. Соответственно расширился и спектр используемых в научных работах подходов и методов. Так, Л. А. Молчанова применила метод сравнительного анализа, С. Н. Виноградов – семиотический подход, Н. И. Шутова – метод ретроспективного анализа, С. Х. Лебедева – метод ансамблевого подхода.

Материалы и методы

Выбор цели и задач, в основу которого положен принцип системности, определил методологию работы, базирующуюся на синтезе культурологического и искусствоведческого анализа. Культурологический анализ подразумевает рассмотрение становления сакрально-смыслового и знаково-символического наполнения традиционного удмуртского костюма, а также выявление экокультурных предпосылок в практике современного дизайна, направленного на сохранение культуры. Искусствоведческий анализ предполагает использование иконографического, формально-стилистического, структурного методов, легших в основу изучения объектов вещного мира удмуртского этноса и тенденций в развитии художественного взаимодействия традиционных форм народной одежды и современного дизайна костюма.

Результаты исследования и их обсуждение

Современный художник, создавая женские образы через разработку костюма, украшенного сакральными знаками, должен тщательно изучать древние этниче-

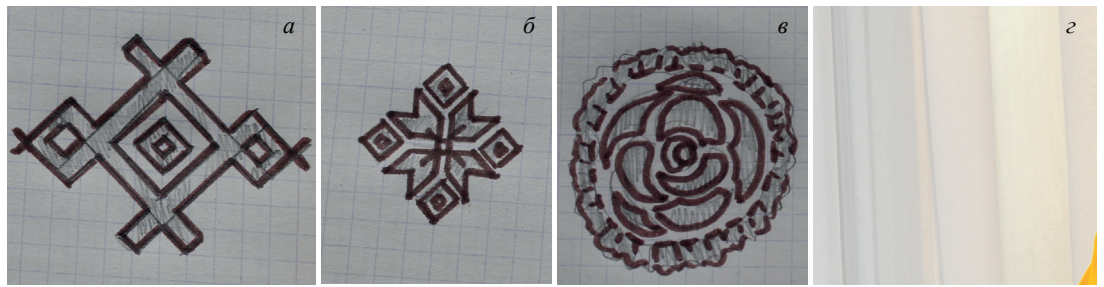

Рис. 1. Образцы декора для эстрадных и конкурсных костюмов по удмуртским мотивам: а – узор «ронжа»; б – узор «бубыли»; в – узор «цветок италмас»; г – сочетание узоров «ронжа» и геометрических (треугольники и углы)¹

Fig. 1. Samples of decor for stage and competition costumes based on Udmurt motives: а – “ronge” pattern; б – “bobby” pattern; в – pattern “italmas flower”; г – a combination of patterns “ronge” and geometric (triangles and corners)¹

ские символы и затем грамотно «вписывать» их в канву сценического костюма (рис. 1). Добиться задуманного результата он может с помощью комплекса художественных приемов, который составляют величина декора, форма символов и знаков, цветовое решение, фактура материалов и тканей, местоположение сакрализации в композиции костюма.

Величина декора часто отражает идейное содержание костюмного комплекса. В сценическом костюме по удмуртским мотивам декор укрупняется и становится более выпуклым, заметным. Например, в фольклорных и эстрадных костюмах это делается для того, чтобы вызывать у зрителя определенный эмоциональный отклик во время выступления артистов на сцене.

Подобный прием использован в авторском фольклорном костюме солистки Государственного академического ансамбля песни и танца Удмуртской Республики «Италмас» Людмилы Ахтаревой: по фартуку певицы «рассыпаны» цветы *италмас* достаточно крупных размеров.

Форма символов и знаков зооморфных и растительных мотивов оставалась практически неизменной на протяжении тысячелетий. В конце XIX в., с появлением новых технологий (использование швейных машинок “SINGER”) и новых тканей (*бумага* – фабричная хлопковая ткань, *гарус* – шерстяная ткань), декор

в костюме стал постепенно приобретать упрощенные формы. Однако заложенный предками в символы и знаки сакральный смысл со временем не утратился. На смену кропотливой вышивке гладью и ковровым застилом пришли такие виды отделки в костюме, как вышивка крестиком и аппликация. Примером могут служить треугольные аппликативные платки срединных удмуртов, описанные С. Х. Лебедевой [5, 161].

Цветовое решение в национальном комплексе одежды удмуртов и коми-пермяков долгое время сохранялось без изменений: доминировали белый, красный и черный цвета. Лишь в конце XIX в., с развитием промышленности, отпала необходимость прикладывать массу усилий по заготовке растений для крашения холста, волокон, овчины: в обиходе появились анилиновые красители, кардинально изменившие восприятие цвета в костюме. Тем не менее традиционная цветовая триада актуальна и сегодня.

У коми-пермяцких женщин в начале XX столетия подход к декорированию сарафанов был достаточно оригинальным. Они часто пользовались услугами мастеров-синильщиков, которые, переезжая из одной деревни в другую, в технике набойки (с применением резных досок) создавали на хлопковых полотнах сарафанов растительные и геометрические знаки (круги, отрезки окружностей, разнонаправленные полосы, цветы, звезды,

¹ Здесь и далее: фото И. А. Сазыкиной.

точки). Эти знаки являлись обережными для местного населения, из них масляными красками желтого, зеленого, белого, красного цветов на синем фоне свивались яркие узоры [4]. Бытовали среди местного населения и сарафаны желто-коричневого цвета, крашенный холст получали с помощью настоя коры деревьев и окиси железа.

Фактура материалов и тканей, производимых удмуртами, отличалась большим разнообразием. Так, у центральных удмуртов платье-рубаха сплошь декорировалась тканями браными узорами. Браный орнамент наносился при помощи дополнительных разноцветных утков и представлял собой правильно расположенные в клетках ткани цветные звезды, квадраты и другие геометрические фигуры [11, 13]. Нарядный костюм сопровождали съемные шитые аксессуары (нагрудник *кабачи*, головные полотенца и платки *сюлык*, свадебный пояс *зар*, налбные повязки), украшенные, как правило, фактурными элементами (многоцветного, выборного, браного ткачества) или вышивкой сплошным ковровым застилом, гладью. У южных удмуртов, по свидетельству А. Е. Загребина, «закладная техника встречается... в качестве отделки головных уборов, одеял, фартуков, полотенец» [11, 14].

Если удмуртка создавала фактуру по платью-рубаше и аксессуарам собственными руками, то коми-пермяцкая женщина северных районов Пермского края предпочитала переложить данную работу на синильщиков. С помощью масляных красок в технике набойки рождались разнообразные фактуры по сарафану, а по белому домотканому гладкому полотну рубахи – узоры «бубыли», или цветочные букеты в технике «косой стежок», или вышивки крестиком в красно-черной гамме.

Местоположение сакрализации в шитых изделиях соответствует тому, которое исторически ей было определено в национальном костюме. Например, удмуртскими мастерицами зооморфные мотивы наносились в костюме лишь до талии (на нагруднике, головном полотенце, рукавах

рубахи, покрывале), особым почитанием при этом пользовались образы коня – *вало-вало*, птицы – *ронжа*, лебедя – *юсь*.

В отличие от зооморфного декора растительные и геометрические узоры могли находиться на всех уровнях в трехчастной композиции костюма удмуртской женщины. Этот факт наглядно иллюстрируют образцы вышивки на комплексах одежды южных удмуртов конца XIX в. С. Х. Лебедева, описывая платок-покрывало *сюлык*, отмечает: «...узор “древо жизни” с небольшим основанием и массивной кроной тянется со всех четырех углов *сюлыка* к его центру» [5, 128]. Подобные вышивки южные мастерицы выполняли в технике аппликации, добавляя в композицию покрывала фабричную тесьму, ленты, бахрому. Вышивкой с растительным декором (цветы, листья) украшали и головное полотенце под названием *чалма*, а его концы оформляли тамбурным швом шерстяными нитями. Тамбурным швом или косым стежком с цветочными мотивами декорировали домотканые полотна фартуков и низ рукавов летнего кафтана. В вязаных чулках и варежках преобладали те же узоры, геометрические и растительные.

При работе со сценическим костюмом художник отбирает самые устойчивые сакральные знаки. Как показывает сравнительный анализ, ими являются зооморфные узоры «ронжа» и «бубыли», растительные «древо жизни» и «шиповник». Работа художника нацелена на решение задач, сформулированных режиссером сценической постановки, и по значимости не уступает творчеству самого режиссера. На период подготовки представления складывается авторский коллектив, в котором главными персонажами помимо режиссера становятся артист и художник по костюму.

В зависимости от сценического действия, режиссерской установки в творческом адаптивном поиске предлагаем выделять следующие четыре функциональных типа современного этно-костюма: условно-аутентичные, фольклорные, эстрадные костюмы в этно-стиле, этноколлекции моделей для конкурсов.

Условно-аутентичные костюмы

Для театральных представлений, как правило, требуются этно-костюмы, имеющие максимальную историческую достоверность в большинстве композиционных элементов и детализировок, а также технологиях изготовления. Создавая сценический костюм и тесно работая с реставрационным материалом, художник по костюму существенно ограничен в собственных творческих возможностях, поскольку в данных изделиях важна аутентичность. Чтобы задуманный образ как можно больше соответствовал научным фактам этнографического характера, применяются традиционные ткани и ручные технологии шитья (иглы и нити), ткачество на старинных станках и др. При проектировании финно-угорского костюма следует помнить, что с помощью даже незначительных его элементов народы этой группы демонстрировали отличия социального, сакрального и иных статусов. Например, в XIX в. по количеству нашитых на платье горизонтальных полос можно было составить характеристику удмуртской женщины.

С давних времен одежде приписывались магические свойства, что нашло отражение в фольклоре разных народов. Однако необходимо уточнить: человека должны были магически защищать не столько одежда, сколько знаки и символы, нанесенные на нее. Помимо функции создания эстетичного внешнего вида они обладали функцией охраны, оберегая своего хозяина.

В отличие от удмуртских комплексов одежды коми-пермяцкий костюм не был испещрен сакральными знаками, лишь вышивка с растительным орнаментом наносилась по краям и отверстиям женских нарядов (по горловине, краям рукавов, низу изделия), чтобы оградить человека от «проникновения» злых сил (рис. 2).

По просьбе художественного руководителя коми-пермяцкого этнографического народного ансамбля «Самородки» в авторской мастерской И. А. Сазыкиной был изготовлен условно-аутентичный костюм для ведущей исполнительницы народных песен И. В. Кузнецовой (рис. 2, в). Он состоит из шапочки *ашьян*, полотняной рубахи, сарафана, фартука и пояса. По объективным причинам домотканое льняное

Рис. 2. Аутентичные и условно-аутентичные костюмы коми-пермяков: *а* – студенты в национальных костюмах конца XIX в.; *б* – эскиз костюма для народного коми-пермяцкого ансамбля «Самородки»; *в* – условно-аутентичный костюм для коллектива «Самородки»

Fig. 2. Authentic and conditionally authentic costumes of the Perm Komi: *a* – students wearing national costumes of the late 19th century; *b* – a sketch of a costume for the folk Komi-Perm ensemble “Samorodky” (“Nuggets”); *c* – conditionally authentic costume for the “Samorodky” team

полотно XIX в., называемое в народе *холст*, найти практически невозможно, поэтому для женской рубахи использовали условно-аутентичную ткань, близкую по характеристикам к старинному холсту. Для сарафана подобрали плотную хлопковую ткань с эффектом крашенины – окрашенного в синий цвет холста. По груди и низу сарафана нанесли орнамент в виде геометрических фигур (кругов, разнонаправленных полос, цветов, звезд, точек и др.). Для фартука использовали старинную наволочку качественного тонкого полотна: ее перекроили и украсили таким же старинным кружевом и вышивкой крестиком с растительным цветочным орнаментом, исполненным красными и зелеными нитками. Пояс соткали на бердыше из хлопковых цветных нитей.

В конце XIX – начале XX в. дорогие ткани, покупаемые на ярмарках, перестали украшать вышивкой, в моде появилась так называемая парочка (блузка и юбка), сарафан стал принадлежностью уходящей эпохи. По утверждению Г. Н. Чагина, «...коми-пермяки в основном приобретали хлопчатобумажные материи – сатин, ситец, кумач; шелковые ткани – атлас, китайку, камку, тафту» [4, 7]. Тем не менее народные коллективы, работающие при музеях, предпочитают видеть себя в красочных сарафанах с набойкой и хлопковых по шиколотку рубахах с вышивкой крестиком.

Фольклорные костюмы

Фольклорные коллективы в основном работают в костюмах с меньшей степенью соответствия традиционным нарядам как по составу, так и по глубине сакрализации, что связано со специфическими условиями сцены. Материалы и технологии изготовления таких костюмов необязательно должны быть исторически аутентичными. В данном случае художник-проектировщик решает задачу достижения чисто визуальной исторической достоверности изделия с помощью композиции в костюме, детализировки и цветовой гаммы. Необходимо отметить, что костюмы этого типа обычно являются только внешне похожими на праздничную и ритуальную финно-угорскую одежду.

Рассмотрим два варианта создания фольклорных костюмов (рис. 3).

Первый вариант. Для создания сценических образов Государственному академическому ансамблю песни и танца Удмуртской Республики «Италмас» в качестве идеи художником был взят татышлинский комплекс одежды Вятской губернии. В костюмах этой группы удмуртов преобладает характерная желтая расцветка, в чем С. Н. Виноградов усматривает тюркское влияние [2].

Поверх рубахи-платья девушки надевали камзолы ярких цветов: лилового, голубого, белого, синего. Плечевой пояс, фартук и верхнюю часть рукавов расширяли растительным или геометрическим орнаментом.

Перед художником стояла задача создать символ данного творческого коллектива, который являлся бы смысловой доминантой ансамбля «Италмас» и одновременно представлял бы одну из ведущих исполнительниц коллектива в авторском костюме. В костюме сочетаются классический и фантазийный стили с применением национальных элементов, что придает, согласно замыслу режиссера, этническое звучание всему образу. Цветок италмас желтого цвета; белый, зеленый, коричнево-красный цвета ассоциируются с листьями, тычинками и стеблем растения.

Первоначально режиссер задумывал костюм в мареново-красном цвете, который связан с такими эмоциями, как любовь и радость, с цветовой гаммой большинства костюмов удмуртских женщин. Однако в процессе обсуждения образа-символа художник по костюму убедил его в необходимости сделать акцент на зрительном восприятии, а не на эмоциональном окрашивании костюма. В соответствии с замыслом режиссера предполагалось добиться вариативной способности сценического костюма к изменению (трансформации).

С учетом данного пожелания костюм стал модульным: он состоит из удлиненного платья с оборкой, съемного фартука с поясом, распашного жилета, съемных от локтя рукавов из шифона, головного убо-

Рис. 3. Фольклорные костюмы для ансамбля «Италмас»: а, б, в – многослойные комплекты одежды для солистки ансамбля; г – костюм для хора

Fig. 3. Folklore costumes for the “Italmas” ensemble: a, b, c – multilayer outfits for the ensemble soloist; d – costume for the choir

ра в виде шапочки *такъя*. В костюме много декоративных элементов: вышивка аппликацией, художественная строчка, роспись ткани, ленты и кружево, тесьма и др. Из традиционных приемов декора была применена лоскутная техника по груди и низу изделия, бытовавшая в праздничной одежде срединных удмуртов (см. рис. 3, а, б). Выбор декоративных элементов подчинялся задаче создать такой образ-символ ансамбля, чтобы он был ярким, эффектным, хорошо смотрелся на сцене.

Подбор натуральных тканей (крепдешин, шифон); растительных и геометрических орнаментов в виде разнообразных строчек и цветов италмас в технике росписи и аппликации; материала для платья, в состав которого входят 90 %

шерсти и 10 % полиэстера, чтобы изделие не сминалось во время гастрольных поездок, – в сценическом костюме продумывалось все до мелочей. Расположение художественной отделки было таким же, как и в национальном удмуртском костюме, т. е. в области груди и по низу оборки, по фартуку и вдоль рукавов.

Второй вариант. В костюмах хора и солистки ансамбля «Италмас» присутствует один и тот же сакральный знак «ронжа» (см. рис. 3, в, г). Декор исполнен в технике аппликации с добавлением лент, тесьмы, мониста, цветных камней. По наблюдению С. Н. Виноградова, образ птицы с красивым оперением распространен у удмуртов, например он часто встречается в их свадебных и лирических песнях [2, 180]. Места расположения данного знака – исключительно до линии талии (область груди, рукава до локтя, платок). Костюм многослойный, под фартуком по центру обнаружим сложный узор в виде ромбовидной фигуры. «Ромб, – отмечает Л. А. Молчанова, – один из основных узоробразующих элементов в орнаменте на одежде удмуртов, нередко в центре ромба расположен равносторонний крест» [6, 102]. Как утверждает С. Н. Зыков, «ромб обозначает родовую территорию (границы мира),

Рис. 4. Коллекция моделей в этно-стиле Е. Михайловой: а – студенты в эстрадных удмуртских костюмах; б – выступление на фестивале «Татьянин день», г. Казань

Fig. 4. Collection of models dressed in the ethno-style of E. Mikhailova: а – students in pop Udmurt costumes; б – performance at the festival “Tatiana's Day”, Kazan

женщину-мать, создающую и охраняющую род. Ромбический орнамент в удмуртской культуре носит название “куско”» [3, 100].

В комплекты костюмов входят платье с оборкой, съемный фартук в бело-зеленой гамме, головной убор *ашьян*.

С поставленной режиссером задачей удалось справиться; сценические костюмы несут в себе положительную энергетику, в них проявляется желание автора сохранить код узнаваемости удмуртского этноса.

Эстрадные костюмы в этно-стиле

Своеобразие эстрадного костюма подчинено законам сцены, где, как правило, рождается оригинальный собирательный эмоциональный образ, который традиционно является продуктом коллективного творчества режиссера-постановщика номера (концерта), эстрадного исполнителя и художника по костюму. Так как именно художник формирует окончательный внешний облик артиста, он должен внимательно прислушиваться к пожеланиям и замечаниям коллег.

Рассмотрим коллекцию моделей по удмуртским мотивам, выполненную студенткой Института искусств и дизайна Удмуртского государственного университета Елизаветой Михайловой под руководством И. А. Сазыкиной (рис. 4). Коллекция предназначалась для выступления студентов музыкального отделения на Всероссийском межвузовском фе-

стивале «Татьянин день» (Казань, 2013) с эстрадным музыкальным номером. По мнению А. И. Сабуровой, в последнее время интерес к национальному удмуртскому костюму среди молодых художников-модельеров значительно возрос, о чем красноречиво «говорят» победы на международных и всероссийских конкурсах: «На сегодняшний день удмуртская мода укрепила себя как бренд. Это заметно по творениям Полины Кубисты... по триумфу коллекции а-ля северные удмурты Натальи Кожевниковой в Сочи и др.» [8, 58].

При создании коллекции моделей были учтены пожелания участников фестиваля: для привлечения максимальной концертной аудитории использовать популярные в данный отрезок времени модные тенденции; конструктивные и иные особенности костюма должны соответствовать пластическому рисунку выступления.

Приоритетным стало единое стилевое решение, вся коллекция была представлена в одном ассортименте (см. рис. 4, а) – полупрозрачные рубахи у юношей и платья-рубахи в сочетании с юбками у девушек. Это было необходимо для концентрации внимания зрителей на музыкальном исполнении.

Учитывая темперамент молодых артистов, художница создала коллекцию из «дышащих» натуральных хлопковых тканей, чтобы исполнители эстрадной этнической песни чувствовали себя комфортно на

сцене. Коллекцию составили платья-рубашки белого цвета, юбки из пестряди, нагрудные украшения монисто различных форм, тканые пояса в сочетании с тесьмой растительного содержания. Аппликативный прием из полос вертикального направления по фартукам и юбкам создает зрительный эффект вытянутых, стройных девичьих фигур (см. рис. 4, б). Как отмечала В. Н. Белицер, «... в удмуртском костюме... вышивка начинает играть все меньшую роль и заменяется часто аппликациями из полос кумача и кусков цветной материи» [1, 119]. Она же упоминала о такой особенности удмуртской вышивки, как геометрический орнамент. В рисунке изделий преобладают геометрические разнонаправленные узоры и растительные мотивы. Характерный для финно-угров геометрический орнамент вышивки признается этнографами самым древним. Монетами разной величины украшены в коллекции съемные нагрудники, чересплечные полосы ткани (*камали, бутьмар*) и нижняя часть юбок.

Этно-коллекции моделей для конкурсов

Для участия в конкурсах художник по костюму создает авторское произведение искусства в жанре сценической коллекции. В процессе творчества он должен опираться не только на свой вкус и

мироощущение, но и на специфическую этнокультурную информацию. Экспериментируя с финно-угорскими образами (формой, цветом, декором, спецэффектами), модельер стремится воспроизвести своеобразие конкретного этноса. У художника-творца при проектировании коллекции есть возможность выбора между разными подходами.

Первый подход основан на обращении к творчеству конкретного финно-угорского художника или скульптора, отдельному произведению или другому творческому проекту на этническую тему.

Второй подход основан на научном методе, при котором изучаются сакральные образы и мифология. Неоценимую помощь в такой работе может оказать монография В. Я. Петрухина, содержащая ценную информацию о древних мифах и легендах финно-угорских этносов [7]. Модельеру необходимо анализировать культуру и искусство народа, формообразование и семантику цвета вещного мира этноса, особенности национального костюма, а также знать антропометрические параметры женского телосложения.

Проиллюстрируем второй методологический подход на примере коллекции «Звонкая песнь родника», созданной студенткой Татьяной Дудыревой под руководством И. А. Сазыкиной (рис. 5).

Рис. 5. Коллекция для конкурса «Звонкая песнь родника» Т. Дудыревой

Fig. 5. Collection for the competition “The Ringing Song of the Spring” by T. Dudyreva

Начинающий художник по костюму последовательно собирала и анализировала информацию, которая постепенно трансформировалась в стилизованный образ. Проблемное поле моделирования коллекции выстраивалось из комплекса ответов на вопросы: каковы особенности кроя, значимость символов и их местоположение в традиционном национальном костюме? Что показывают на мировых подиумах ведущие дизайнеры? Что нравится носить современной молодежи?

Если в эстрадных коллекциях важно сохранить единый ассортимент одежды, то в коллекциях для конкурсов это необязательно. Поэтому автором была создана расширенная линия ассортимента: пальто, жакет, платье, сарафан, блузки, юбка-брюки и др.

В коллекции «Звонкая песнь родника» сделана попытка соединить день вчерашний (ткачество на станках, бердышах; вышивка гладью, нитями в прикреп) с днем сегодняшним (новые технологии, современные ткани и материалы). Художником учтены модные тенденции сезона с оглядкой на дефиле мировых коллекций в этно-стиле и в то же время бережно сохранены приемы создания традиционного костюма: формообразование; цветовая гамма, которая удачно перекликается с удмуртскими традиционными цветами; выполненные шерстяными нитями отделочные работы. На моделях присутствуют основные сакральные знаки: «ронжа», геометрические фигуры (треугольники, углы,

отрезки окружностей) на жакете, сарафане и пряжке пояса.

При создании коллекций для конкурсов ничто не сдерживает полета фантазии художника, однако он несет ответственность за авторскую разработку, за то, чтобы культурный код этноса не был размыв модными инновациями, чтобы сохранялись важные для его народа смыслы и образы. Своеобразие дизайнерской коллекции по финно-угорским мотивам для конкурсов заключается в сложном соблюдении баланса старого и нового, традиции и новации, моды и удобства, глубокой сакрально-смысловой наполненности и яркой сценической презентации [10, 148].

Заключение

Анализ опыта адаптации семантики и семиотики традиционного финно-угорского костюма с привязкой к сегодняшнему дню позволяет сделать вывод, что создание современных костюмов по удмуртским и коми-пермяцким мотивам может быть более эффективным и выйти на высокий качественный уровень. Для этого выявленное сакрально-смысловое, семиотическое и эстетическое наполнение традиционного костюма должно быть научно осмыслено и адекватно адаптировано к стилевым и функциональным требованиям нашего времени как в проектно-конструкторских решениях, так и в смысловой характеристике декоративных элементов и аксессуаров.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белицер В. Н. Народная одежда удмуртов. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 130 с.
2. Виноградов С. Н. Терминология удмуртских народных узоров // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2008. С. 178–188.
3. Зыков С. Н., Сиротина И. Л. Традиционная удмуртская и финно-угорская тематика в современной женской одежде: информационная этносмысловая парадигма // Человек. Культура. Образование. 2018. № 4 (30). С. 90–103.
4. Коми пермяцкий национальный костюм: из собрания Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея им. П. И. Субботина-Пермяка / Г. Н. Чагин, В. В. Климов, Л. В. Караваяева. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2006. 88 с.
5. Лебедева С. Х. Удмурт калык дйськут = Удмуртская народная одежда = Udmurt

- folk costume. Ижевск: Удмуртия, 2008. 208 с.
6. Молчанова Л. А. Удмуртский народный костюм (история и символика). Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2006. 132 с.
 7. Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. 464 с.
 8. Сабурова А. И. Декоративное оформление современной одежды на основе национального удмуртского костюма // Финно-угорская традиционная культура в современном информационном обществе: материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. Саранск, 2013. С. 57–59.
 9. Сазыкина И. А. Платок по национальным мотивам с художественной росписью как дополнение к сценическому образу // «Свое» и «чужое» в культуре: материалы XI Междунар. науч. конф. Петрозаводск, 2017. С. 55–56.
 10. Сиротина И. Л., Тенхунен П. Ю. Этнокультурный потенциал символической системы национального костюма // Символический капитал традиционной культуры: опыт прошлого в моделях будущего: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саранск, 2018. С. 147–149.
 11. Узорное ткачество удмуртов (по экспедиционным материалам В. Н. Белицер). Ижевск, 2013. 80 с.
 12. Шкалина Г. Е. Культурное наследие финно-угорских народов как развитие этноэкологических проектных технологий // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. Йошкар-Ола, 2016. С. 307–312.
 13. Шутова Н. И. История происхождения и семантика лунного знака *толезе* // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2015. Т. 25, вып. 4. С. 87–94.

Поступила 07.03.2021; одобрена 22.03.2021; принята 30.03.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

И. А. Сазыкина – доцент кафедры компьютерных технологий и художественного проектирования Удмуртского государственного университета, sazykina@internet.ru

И. Л. Сиротина – доктор философских наук, заведующий кафедрой дизайна и рекламы Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, sirotinail@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4498-5529>

Updating traditional ethnic symbols in the design of a modern Finno-Ugric costume

Irina A. Sazykina

*Udmurt State University,
Izhevsk, Russia*

Irina L. Sirotina

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Introduction. In modern design, there is a relevant topic of creating original stage costumes using ancient sacred Finno-Ugric symbols.

Materials and Methods. The choice of goals and objectives, which is based on the principle of consistency, determined the methodology of the work that is based on the synthesis of cultural and art history analysis.

Results and Discussion. In line with the interdisciplinary research, the article considers the use of artistic techniques that allow us to preserve the code of recognition of the passing epochs in the current design: in the forms of symbols and signs of the Finno-Ugric peoples, color solutions, textures of fabrics and materials, decor, and the location of sacralization. It gives the author's classification of modern collections of ethno-costume: conditionally authentic; folklore; pop; competitive. It considers the female complex of the northern Komi-Permians as a source for the creation of conditionally authentic costumes for the folk ensemble "Samorodky" ("Nuggets"). All theoretical findings are illustrated by their practical use in the creation of author's collections. The main emphasis is made on the Udmurt costumes.

Conclusion. The design of a modern Udmurt costume will be most effective and will reach a high-quality level. For this purpose, it is important to reveal sacred, semiotic and aesthetic content of the traditional costume and be scientifically understood and adequately adapted to today's style and functional requirements both in design and in the semantic characteristics of decorative elements and accessories.

Keywords: Finno-Ugric costume, sacred zoomorphic, plant and geometric signs, materials and technologies of traditional Udmurt clothing, stage collections of ethno-costume

For citation: Sazykina IA, Sirotina IL. Updating traditional ethnic symbols in the design of a modern Finno-Ugric costume. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;2:180–192. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.02.180-192.

REFERENCES

1. Belitser VN. Folk clothing of Udmurts. Moscow; 1951. (In Russ.).
2. Vinogradov SN. Terminology of Udmurt folk patterns. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. Izhevsk; 2008:178–188. (In Russ.).
3. Zykov SN, Sirotina IL. Traditional Udmurt and Finno-Ugric themes in modern women's clothing: information ethno-semantic paradigm. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* = Human. Culture. Education. 2018;4(30):90–103. (In Russ.).
4. Komi Permyak national costume: from the collection of the Komi-Permyak District Museum of Local Lore named after P. I. Subbotin-Permyak. Kudymkar; 2006. (In Russ.).
5. Lebedeva SKh. Udmurt Folk Costume. Izhevsk; 2008. (In Russ.).
6. Molchanova LA. Udmurt folk costume (history and symbolism). Izhevsk; 2006. (In Russ.).
7. Petrukhin VIa. Myths of the Finno-Ugric peoples. Moscow; 2005. (In Russ.).
8. Saburova AI. Decorative design of modern clothing based on the national Udmurt costume. *Finno-ugorskaia traditsionnaya kul'tura v sovremennom informatsionnom obshchestve: materialy Vseros. zaoch. nauch.-prakt. konf.* = Finno-Ugric traditional culture in the modern information society. Materials of All-Russian part-time scientific-practical conference. Saransk; 2013:57–59. (In Russ.).

9. Sazykina IA. Handkerchief based on national motifs with artistic painting as an addition to the stage image. "Svoe" i "chuzhoe" v kul'ture: materialy XI Mezhdunar. nauch. konf. = "Own" and "alien" in culture. Materials of the XI International Scientific Conference. Petrozavodsk; 2017:55–56. (In Russ.).
10. Sirotina IL, Tenkhunen PIu. Ethno-cultural potential of the symbolic system of the national costume. *Simvolicheskii kapital traditsionnoi kul'tury: opyt proshlogo v modeliakh budushchego: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = Symbolic capital of traditional culture: the experience of the past in models of the future. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Saransk; 2018:147–149. (In Russ.).
11. Pattern weaving of the Udmurts (based on the expedition materials of V. N. Belitzer). Izhevsk; 2013. (In Russ.).
12. Shkalina GE. Cultural heritage of the Finno-Ugric peoples as the development of ethno-ecological design technologies. *Problemy mariiskoi i sravnitel'noi filologii: sb. st.* = Problems of Mari and Comparative Philology. Collection of articles. Yoshkar-Ola; 2016:307–312. (In Russ.).
13. Shutova NI. The history of the origin and semantics of the lunar sign *tolese*. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Istorii i filologiya* = Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology. 2015;25;4:87–94. (In Russ.).

Submitted 07.03.2021; reviewing 22.03.2021; accepted 30.03.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

I. A. Sazykina – Associate Professor, Computer Technologies Department, Udmurt State University, sazykina@internet.ru

I. L. Sirotina – Doctor of Philosophy, Head of the Design and Advertising Department, National Research Mordovia State University, sirotinail@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4498-5529>

ЗИНАИДЕ | ZINAIDA
 ФИЛИППОВНЕ | FILIPPOVNA
 БАРЦЕВОЙ – 110 | BARTZEVA – 110

В 2021 г. марийское научно-педагогическое сообщество отмечает 110-летие деятеля науки, ученого-филолога, кандидата педагогических наук (1955), доцента (1956), отличника народного просвещения (1953), отличника просвещения СССР (1976), заслуженного деятеля науки и техники Марийской АССР (1956) Зинаиды Филипповны Барцевой (1911–1984).

З. Ф. Барцева – выпускница Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской, давшего путевку в науку многим педагогам не только Марийского края, но и других республик нашей страны.

Зинаида Филипповна родилась 2 мая 1911 г. в д. Малый Шаплак Арбанской волости Царевококшайского уезда Казанской губернии (ныне Медведевский район Республики Марий Эл) в семье учителя начальной школы. После окончания в 1922 г. Азяковской начальной школы некоторое время нигде не училась – «не было одежды». Тяга к образованию привела ее в 1923 г. в школу II ступени г. Йошкар-Олы, где она проучилась до весны 1928 г. Здесь же в 1929 г. окончила 10 класс с педагогическим уклоном, получив специальность учителя начальной школы.

Педагогическую деятельность З. Ф. Барцева начала в Азяковской начальной школе. С 1930 г. работала директором Арбанской начальной школы и парал-

лельно вела курсы переподготовки учителей начальных школ. В 1933–1934 гг. преподавала русский язык и литературу в Арбанской средней школе, в то же время сама регулярно повышала образование, участвовала в съездах учителей-ударников. С 1934 по 1938 г. училась на факультете русского языка и литературы Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской, получив специальность «Преподаватель русского языка и литературы средней школы» и диплом с отличием. В студенческие годы работала на различных курсах, в том числе на рабфаке педагогического института. После окончания вуза была оставлена на кафедре русского языка вести практическую грамматику русского языка.

В годы Великой Отечественной войны Зинаида Филипповна работала преподавателем кафедры языков Ленинградской военно-воздушной академии, эвакуированной в Йошкар-Олу и располагавшейся в стенах Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской. За свой труд имела благодарности от командования Советской армии. После войны возглавила кафедру русского языка педагогического института, которой руководила в течение длительного времени: в 1949–1973 гг. с небольшим перерывом в 1951–1954 гг. на учебу в аспирантуре и защите диссертации.

Окончив аспирантуру Научно-исследовательского института национальных школ (г. Москва) по специальности «Методика преподавания русского языка в нерусской школе», З. Ф. Барцева в 1954 г. на заседании ученого совета Научно-исследовательского института методов обучения Академии педагогических наук РСФСР защитила кандидатскую диссертацию на тему «Методика изучения видов русских глаголов в марийской школе». По возвращении в родной вуз стала преподавать русский язык для студентов отделения «Русский язык и литература для национальной школы». Вела занятия по современному русскому языку, истории русского литературного языка, методике преподавания русского языка. Неоднократно выступала оппонентом при защите кандидатских диссертаций по педагогическим наукам.

Ею написано несколько учебников для национальных школ по русскому языку. Один из них, «Русский язык. Часть II. Синтаксис для VII класса», выдержал несколько переизданий (1963, 1965, 1967, 1969). Разработанный в соавторстве с коллегами «Русский язык. Учебник для 7–8 классов национальных школ РСФСР» издавался с дополнениями с 1973 по 1982 г. Как методист по языкам Зинаида Филипповна писала научные статьи по методике преподавания:

«Некоторые вопросы методики преподавания видов глагола в марийской школе» (1958), «Изучение морфологического состава русского языка в V классе марийской школы» (1959) и др. Она также является автором учебных пособий и методических разработок по русскому языку для марийских и других школ.

С сентября 1964 г. по октябрь 1966 г. З. Ф. Барцева находилась в научной командировке в Монгольской Народной Республике. Итогом поездки явились на-

учные работы по методике преподавания русского языка: «Об организации урока русского языка» (1965) и «Подстановочные таблицы по русскому языку для V–VIII классов монгольской школы» (1967) (в соавторстве с З. Сааралом).

Общий стаж научно-педагогической деятельности ученого составляет 48 лет. За большой вклад в подготовку научно-педагогических кадров она награждена орденом «Знак Почета» (1969), медалями «За трудовое отличие» (1954), «За

доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (1970), Почетной грамотой Правительства Монгольской Народной Республики (1966).

В науке З. Ф. Барцева показала себя как настоящий исследователь – принципиальный, эрудированный, яркий. Для знакомых и близких это был человек обаятельный, воспитанный, интеллигентный, честный. Такой она и останется навсегда в памяти многочисленных учеников, коллег и друзей.

Валерий Николаевич Максимов –

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры марийского языка и литературы,
заведующий НОЦ языковых технологий “Марий йылме”
Марийского государственного университета,
Йошкар-Ола, Россия, sernur@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7818-9948>*

Valerij N. Maksimov –

*Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor,
Department of the Mari Language and Literature,
Head of the Research Center of Language Technologies
“The Mari Language”,
Mari State University,
Yoshkar-Ola, Russia, sernur@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7818-9948>*

НИКОЛАЙ МОКШИН – ГРАНИ ТВОРЧЕСТВА. К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

NIKOLAY MOKSHIN – THE EDGES OF CREATIVITY. TO THE 85TH BIRTHDAY ANNIVERSARY

Имя выдающегося ученого, педагога, литератора и общественного деятеля Николая Федоровича Мокшина неразрывно связано с исторической и этнографической наукой, материальной и духовной культурой. Многообразие видов деятельности, высокий профессионализм, широчайшая эрудиция, педагогический талант и, наконец, несомненный поэтический дар способствовали его большой известности среди специалистов и широкого круга читателей. Трудно найти историка, этнографа, в том числе этномузыколога, фольклориста-текстолога, профессионально занимающегося проблемами финно-угристики, ее связей со славистикой, тюркологией и другими направлениями отечественной и зарубежной этнологии, который мог бы обойти фундаментальные труды этого незаурядного человека.

За более чем 60-летний период научно-исследовательской деятельности (первые публикации относятся к 1958 г., когда автору

было 22 года) ученый, по существу, создал качественно новую библиотеку по этногенезу и этнической истории мордовского народа, рассмотрел особенности архаичных мифологических концепций, традиционного и современного семейного быта, общественных отношений в разные периоды истории, этноструктуры мордвы в прошлом и в современный период, а также генетические и исторические связи и взаимодействия с родственными финно-угорскими и соседними славянскими и тюркскими народами. В его творчестве сложилась научная историография, охватывающая концептуальные основы изучения мордовского народа с древнейших времен до современности.

Н. Ф. Мокшин – автор свыше полутысячи научных статей, книг, учебных пособий, поэтических сборников; им воспитано большое число специалистов для науки, вузов и школ республики; он внес весомый вклад в популяризацию знаний о духовной и материальной культуре, истории

и этнографии мордовского народа¹. Основная часть его работ опубликована в Саранске, но они известны далеко за пределами Мордовии как в финно-угорской, так и в целом в современной этнологии.

Приведем названия лишь некоторых книг: «Религиозные верования мордвы» (1968; 1998), «Этническая история мордвы» (1977), «Мордовский этнос» (1989), «Тайны мордовских имен» (1991), «Мордва глазами зарубежных и российских путешественников» (1993), «От Карелии до Урала» (в соавт. с Н. Л. Жуковской; М., 1998), «Материальная культура мордвы» (2002), «Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья» (Йошкар-Ола, 2002), «Мифология мордвы» (2004), «Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа» (2004; 2012), «Мордва и вера» (в соавт. с Е. Н. Мокшиной; 2005), «Мордва: мокша и эрзя» (в соавт. с А. С. Лузгиным; 2008), «Просветители Мордовского края» (в соавт. с И. А. Зеткиной;

¹ Библиографический список работ Н. Ф. Мокшина, биографический очерк с кратким анализом его творчества, а также другие материалы приводятся в кн.: Мокшин Николай Федорович – этнограф, историк, педагог, общественный деятель / сост.: Е. Н. Мокшина, Ю. Н. Сушкова. Саранск, 2021.

2009), «Мордва и мир» (2011), «Мордва и Мордовия» (в соавт. с Ю. Н. Сушковой; 2011), «Мордовский народ в истории и культуре Российского государства» (в соавт. с А. С. Лузгиным; 2012), «Митрополит родом с Вада» (2012), «Сокровища культуры Мордовии» (М., 2012), «Мифы и легенды мордвы» (2013), «Актуальные проблемы исследования финно-угорской культуры» (2014), «Этнография Казанского Поволжья. Историко-этнографические очерки» (Казань, 2017), «Просветители мордвы» (в соавт. с Ю. Н. Сушковой; 2020), «Финно-угорский мир: опыт системного анализа» (в соавт. с В. М. Арсентьевым и др.; 2020).

Многочисленны статьи в справочных и энциклопедических изданиях, среди них: «Искусство стран и народов мира» (М., 1971. Т. 3), «Народы России» (М., 1994), «Народы и религии мира» (М., 1998), «Рязанская энциклопедия» (Рязань, 1999; 2000. Т. 1, 2), «Мордовия» (2003; 2004. Т. 1, 2), «Все о Мордовии» (2005), «Marit, Mordvalaiset ja Udmurtit» (Helsinki, 2006), «Расы и народы» (М., 2007), «Ислам в центрально-европейской части России» (М.; Н. Новгород, 2009. Вып. 4), «Православная энциклопедия» (М., 2017. Т. 47), «Мордовская мифология» (2020).

Более 40 лет назад, после выхода первых монографических исследований Н. Ф. Мокшина, посвященных дохристианским архаичным религиозным воззрениям и вопросам этнической истории мордвы, авторитетный отечественный историк профессор А. Ф. Окулов, оценив вклад автора в науку и культуру, отметил: «Мордовский университет может гордиться тем, что в

его стенах вырос такой интересный ученый, который так много сделал для истории своего народа»². Эти мысли А. Ф. Окулов высказал по поводу монографий, составивших заметную и до сих пор востребованную часть научной литературы о мордовском народе: «Религиозные верования мордвы» (Саранск, 1968) и «Этническая история мордвы XIX–XX веков» (Саранск, 1977). Проблематика первой работы отразила материал кандидатской диссертации, ранее (в 1964 г.) с блеском защищенной молодым ученым в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова, а второй – стала основой докторской диссертации «Основные этапы формирования и развития мордовского этноса», защищенной в 1986 г. в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР.

Имея глубокие познания в области отечественной и зарубежной истории и этнографии, еще в молодости проявив себя талантливым и неординарно мыслящим студентом и аспирантом, Н. Ф. Мокшин становится деятельным полевым исследователем, в творчестве которого сбор и систематика экспедиционного материала получают значение подлинно научного источника. Пониманию важности этой работы для специалиста по этнографии и этнической истории, отношению к народным традициям как к «живому голосу современности» (выражение Б. М. Соколова) способствовало участие в комплексных экспедициях Института этнографии под руководством этнографа, знатока и исследователя быта, материальной культуры финно-угров Поволжья

В. Н. Белицер и эстонского специалиста академика Карин Марк, оставившей ценные полевые исследования по антропологической типологии мокшанского и эрзянского населения Мордовии середины прошлого века.

С неизменной теплотой и уважением Николай Федорович, уроженец Нижегородской (в то время Горьковской) области, вспоминает своих первых учителей по Иванцевской школе и известного педагога – директора Лукояновского педагогического училища А. А. Куманева, которому посвятил биографический очерк «Учитель учителей». В числе своих наставников с глубокой признательностью он называет университетских преподавателей: М. Г. Сафаргалиева, руководившего историческим кружком, и Л. Г. Васильева, возглавлявшего литературное объединение, в которых студентом с большим энтузиазмом писал свои первые газетные и журнальные статьи по истории родного края, его замечательных людях.

Несомненно, ярким примером ответственного отношения к делу для ученого была его семья: мать Елена Артемьевна, заведующая Иванцевской сельской больницей, и отец Федор Захарович, учитель местной сельской школы, погибший в 1942 г. в окопах под Ленинградом. Наверное, от родителей он унаследовал необычайно большое трудолюбие и стремление доводить дело до конца, ставшие важными чертами его природы. Представить Николая Федоровича праздным, почивающим на лаврах невозможно – он всегда в напряженной работе: систематизирует собранные в экспедициях материалы,

² Цит. по: Викторов В. Почта ученого // Советская Мордовия. 1978. 21 марта.

проверяет и дополняет их в новых поездках по селам, готовит статьи и рецензии на вышедшие работы, выступает с докладами на научных конференциях, руководит аспирантами, оппонирует диссертационные исследования, читает лекции студентам, обдумывает, пишет и готовит к изданию новые книги.

В основе многих работ исследователя лежит научная фактология, собранная в непосредственной гуще народа, в его разнообразном быту. Экспедиционные маршруты Н. Ф. Мокшин прокладывает от родного Иванцева до далеких уголков больших и малых мордовских диаспор, затерявшихся на бесконечных просторах бывшего Советского Союза. В этих изнурительных поездках он добывает бесценный научный материал, что не всегда бывает под силу даже многолюдным экспедициям. Примером может служить его полевая работа в мордовских селах Армении, где он первым изучал нравы, обычаи и религиозные воззрения населения, тогда как специально организованные экспедиции фольклористов-текстологов и этнографов не смогли собрать какой-либо интересный материал.

Подлинной сенсацией в изучении мордовских диаспор стали выступления ученого на конференциях и в научной печати по результатам полевой работы в Армении. По существу, экспедициями 1969 и 1972 г. он положил начало изучению быта, материальной и духовной культуры этой группы мордвы, ее истории и мировоззрения. Армянские поездки Н. Ф. Мокшина стали важной ступенью последующих исследований молокан-духоборов в творчестве его дочери и учени-

цы Ю. Н. Сушковой, способствовали оформлению целого направления исследований духоборческой традиции мордовских и русских переселенцев Канады.

Интенсивная экспедиционная работа, тесно увязанная с широкой общекультурной и исторической проблематикой, выявила одного из крупнейших полевых исследователей мордвы последней четверти XX – начала XXI в. Ученый посетил сотни мордовских деревень и сел. В экспедиционной практике унаследовал и развил лучшие традиции знаменитых предшественников – М. Е. Евсевьева, М. Т. Маркелова, Х. Паасонена, У. Харвы, А. Хейкеля и др., заложивших основы фактологии науки, литературного и прикладного музееведения. Вещественные экспонаты этих экспедиций составили основу созданного им этнографического музея университета, причем экспонат для него – это не только материальный предмет, но и типичский факт культуры и истории народа, обладающий информативной глубиной и степенью достоверности.

Другой характерной чертой экспедиционной деятельности Н. Ф. Мокшина всегда было сознание необходимости сочетать в последующей работе цели теоретического и практического освоения народной культуры в целостной совокупности ее элементов. Эта работа мыслится им как общий центраправленный процесс, что усиливает интерес к ней в связи с процессами возрождения этноса, поскольку приобщает к народным ценностям широкие слои населения, воспитывает у молодежи любовь к родному краю.

Основная тема научного творчества этого

неординарного человека – многовековая культура и история народа, его генезис, структура и содержание традиций и характер их развития. Главный герой – родной народ, его исторические судьбы. И это не только дань уважения и сыновней любви к родному народу, но и насущная необходимость выявить сложнейшую проблематику генезиса мордвы – яркого и самобытного по культуре народа средней России, его генетических связей с родственными финно-угорскими этносами и исторические формы взаимодействия с соседними народами.

Поставленная задача представляется чрезвычайно важной, поскольку даже сейчас, когда научные исследования по этнологии вышли на исключительно высокий уровень и их техническая оснащенность может сравниться с точностью математических исследований, мы знаем о культуре мордвы далеко не все, многие наши представления остаются в плену привычных взглядов на мордовский этнос, его культуру и историю, далеко не всегда сложившихся в научной сфере, часто имеющих упрощенный характер, довольно политизированных. В таких условиях труды Н. Ф. Мокшина служат верным ориентиром, необходимой основой для подлинно научного понимания истории, культуры и языка мордвы, характера, общности и различий ее этнографических групп, исторических путей их развития в прошлом и будущем, места мордовского этноса среди народов России и в целом мире. Кроме того, они сочетают чрезвычайно важные качества: научную достоверность, продуманную и логически выверенную структуру, удачно подо-

бранную фактологическую и иллюстративную базу, понимаемую как систему типических фактов, а также живость и легкость изложения. Все это обуславливает большой интерес к ним не только специалистов, но и любителей этнографии и краеведения, ряды которых заметно растут в наши дни.

Многие работы создавались и выходили в свет в последней четверти прошлого века, в сложный период формирования финно-угорской этнологии как полидисциплинарной науки, охватывающей, с одной стороны, этнографию в общепринятом значении слова (т. е. собственно этнографию и историю), а с другой – фольклористику, этномузикознание, этноатроведение, этнохореографию и другие дисциплины, переживающие бурный процесс становления в качестве частей общей науки о культурных основах этносов. Деятельность Н. Ф. Мокшина органично вписывается в этот сложный процесс, сопровождающийся обостренным вниманием ко всем явлениям материальной и духовной культуры народа. Понимая предмет исследования широко и многогранно – как область целостного народознания, в которой различные компоненты культуры находятся в системной связи, предопределенной ходом исторического развития и синкретизмом многих явлений духовной культуры этноса, ученый комплексно рассматривает бытовую культуру, обряды и обычаи, их структурные формы и трансформации.

Николай Федорович в числе первых исследователей расширил рамки отечественной этнографии, занимавшейся до 1960–1970-х гг.

преимущественно проблемами материальной культуры. На это были причины, которые в советское время обуславливались в первую очередь государственной политикой. Она характеризовалась незначительным вниманием к традиционным духовным ценностям, связанным с верованиями, обрядово-религиозными формами, мифологическими концепциями народа, нередко объявляемыми элементами отсталости.

Уже первые статьи и книги автора продемонстрировали его интерес к наиболее сложным и фундаментальным проблемам мордовской культуры. Подытожив и проверив на собственных полевых материалах изыскания по выбранной теме отечественных и зарубежных исследователей (М. Е. Евсеева, П. И. Мельникова-Печерского, А. А. Шахматова, И. Н. Смирнова, В. Н. Майнова, а также Х. Паасонена, У. Харвы и многих других), Мокшин-религиовед создал теорию мордовских верований, что позволило ему войти в число авторитетных финно-угорских этнологов.

Книги ученого стали важными источниками не только для этнологов, но и для специалистов других областей, занимающихся проблемами духовной культуры. Например, известный современный исследователь обрядовой мелодической культуры, один из деятельных членов Международного совета народной музыки при ЮНЕСКО профессор Калифорнийского университета Беркли (США) И. И. Земцовский подчеркивает важность для понимания мордовского мелоса, его природы и социальных функций работ

Н. Ф. Мокшина, посвященных религиозным верованиям и этногенезу мордвы. Очевидно, что мордовская мелодическая культура, органически связанная с архаичными мифологическими концепциями, зародилась и формировалась в недрах обрядового творчества, стала ее синкретической частью и рассмотрение ее вне контекста общих духовных традиций не дает возможности глубоко постичь специфическую стилистику данного явления.

По признанию автора «Религиозных верований мордвы», мордовское язычество – «во многом пройденный этап в истории народа и возврат к нему был бы равнозначен возврату к сельской общине как его основной социальной базе, тем не менее было бы недальновидным искусственное торможение инициатив по использованию некоторых его сторон в практике обрядовой жизни народа, особенно тех, которые нацелены на воспитание рационального отношения к экологии, чувства коллективизма, этнической солидарности, толерантности, добрососедства, упрочение общественных и семейных традиций, устоев народной жизни, связаны с развитием этнопедагогики и этнопсихологии, этномузыки и этнохореографии, этноэкологии и этномедицины»³. Безусловно, во всем этом просматривается продуцирующая сила мордовской мифологии, обрядности, их основополагающих духовных ценностей для современного развития культуры.

Пафос теории Н. Ф. Мокшина в значительной степени определяется его методологическими подходами к истории мордовского народа, позволяющими рассма-

³ Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. 2-е изд. Саранск, 1998. С. 227.

тривать ее как постоянно развивающееся явление, с характерными этапами расцвета и спада в контексте широких межэтнических взаимодействий. Из его концепции следует, что мордва на различных этапах истории была в той или иной степени интегрирована в сообщество не только соседних народов, но и в целом в сообщество народов обширного евроазиатского пространства.

Ученый шаг за шагом аргументированно представляет процессы и особенности формирования древнемордовских племен в первобытном обществе на базе родоплеменных сообществ, становления классовых отношений в эпоху раннего феодализма, этнического развития мордвы под властью Золотой Орды, в составе Российского государства и, наконец, в новый и новейший периоды истории. Вероятно, центральные и наиболее острые проблемы истории народа – это проблемы его этноструктуры, а также общности и различий субэтносов, как известно, до сих пор вызывающие острую полемику, существо которой явно находится не в плоскости научных изысканий.

Одна из несомненных заслуг Н. Ф. Мокшина заключается в разработке проблем этнической истории мордовского народа, осуществленной в монографиях «Этническая история мордвы» и «Мордовский этнос», а также в ряде статей, вышедших в России и за рубежом. В этих фундаментальных трудах с учетом всего сделанного предшественниками на огромном фактологическом материале, в том числе обнаруженном в архивах и собранном в ходе экспедиций, автор осветил актуальные вопросы происхождения и

формирования мордвы, ее сложной, многовековой истории, общественного строя, особенностей духовной культуры.

С 1990-х гг. творчество Н. Ф. Мокшина становится ярким явлением не только отечественной, но и зарубежной исторической и этнологической науки. Его труды печатаются в российских и зарубежных научных изданиях, включаются в библиографические справочники, цитируются; высказанные в них положения и идеи находят дальнейшую разработку у коллег и последователей. По мнению многих ученых – венгерского финно-угроведа Петера Домокоша, профессора Пражского университета Отакара Нагодила, академика В. П. Алексеева, одного из основоположников советской этнографии С. А. Токарева, – исследователь внес неопределимый вклад в создание современной теории этногенеза, обогатившей наши знания о многообразии форм и этногенетических процессов в прошлом и в современный период.

Высокая оценка научных заслуг и общественной деятельности Н. Ф. Мокшина не покажется преувеличением, если принять во внимание тот факт, что высказанные им идеи прочно вошли в современную финно-угорскую этнологию. Его труды, составляющие большую часть библиотеки по мордовской этнографии и истории, явились прочной основой для исследований по материальной и духовной культуре, фольклористике, этномузыкальному и широко используются при создании учебников для школ и вузов. Добытые им в ходе экспедиционной полевой работы материалы стали фактологической базой для последующих исследований.

За пределами столь краткого обзора, посвященного исключительно научным достижениям творческого человека, оказались аспекты педагогической и литературной деятельности, где он также проявил себя неординарно. Так, заметным явлением в литературной жизни республики стали поэтические произведения Н. Ф. Мокшина, в которых нашли воплощение лучшие традиции мордовской литературы, отражающие любовь к родному краю, к истории народа, уважение к людям труда. Многие из стихов послужили основой для песен композиторов Мордовии – Г. И. Сураева-Королева, Г. Г. Вдовина, Н. Н. Митина, М. Н. Фомина и др. Пополнив репертуар певцов и коллективов республики, музыкальные произведения полюбили слушателей.

Время – глубокий и суровый эксперт деятельности любого творческого человека. Н. Ф. Мокшин принадлежит к тому типу исследователей, работы которых не стареют, остаются востребованными и в наши дни обретают новое, созвучное новому времени и, как правило, более актуальное звучание. И это присуще всему его творчеству – будь то капитальная монография, где анализируются большие массивы малоизвестной фактологии, или статья в научном журнале, раскрывающая какое-либо явление в науке, народной истории и жизни.

Как авторитетный специалист по этнологии, истории и культуре мордовского народа, музеевед и географ Николай Федорович избран членом многих научных обществ, отмечен государственными наградами и званиями. Названия лишь некоторых из них дают

представление о масштабе его личности и многообразии научной и общественной деятельности: кавалер ордена Дружбы; лауреат Государственной премии и премии Главы Республики Мордовия, заслуженный работник культуры РСФСР, заслуженный деятель на-

уки Республики Мордовия, действительный член Русского географического общества, действительный член Академии социальных наук, член-корреспондент Международного общества фольклористов при Академии наук и литературы Финляндии, член Союза журна-

листов и Союза писателей России.

Замечательный юбилей профессор Мокшин встречает полным творческой энергии. Пожелаем ему здоровья и осуществления новых интересных замыслов на благо науки и культуры!

Николай Иванович Бояркин –

*доктор искусствоведения, профессор,
ведущий научный сотрудник*

*Межрегионального научного центра финно-угроведения
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия, bojarkin_ni@mail.ru*

Nikolay I. Boyarkin –

*Doctor of Arts, Professor, Lead Research Fellow,
Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies,
National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia, bojarkin_ni@mail.ru*

АНДРЕЙ ГАГАЕВ: ФИННО-УГОРСКИЙ И РУССКИЙ КОСМО-ПСИХО-ЛОГОС

ANDREY GAGAEV: FINNO-UGRIC AND RUSSIAN COSMO- PSYCHO-LOGOS

23 мая 2021 г. ушел из жизни выдающийся мыслитель, равноценного которому Россия рубежа XX–XXI вв. не знает, – Андрей Александрович Гагаев.

Научные труды А. А. Гагаева являются показателем космичности его сознания и огромного творческого дарования. Он оставил после себя более 60 монографий. Каждая из них – явление в науке. Круг затронутых в исследованиях тем и проблем огромен. Сделанные выводы и умозаключения максимально приближены к объективной истине без оглядки на то, что они могут кому-то не понравиться. Обращаясь к истории России, исследователь с болью говорит о ее недугах, обусловленных субъективными причинами. Он никогда не принадлежал к «чистой» науке, его гражданская позиция всегда была выражена ясно и однозначно.

В книге «Угро-финский космо-психо-логос», написанной в соавторстве с Н. В. Кудяевой и увидевшей свет в 2009 г., ученый сквозь призму достижений философской и историко-культурной мысли России и Западной Европы нарисовал гуманитарные образы русского и финно-угорских народов в их подлинном свете, неизменно подкре-

пляя свои суждения фактическими и теоретическими данными, библейской мудростью. Подобно Мировому Дереву, соединяющему человека с Небом и Богом, в этой монографии он соединяет человека с Космосом. Каждый человек начинается с его отношения к Богу. Для А. А. Гагаева как философа Бог был олицетворением Мирового Разума, управляющего Космосом. Здесь он был солидарен с Платоном и Гегелем. Что касается библейского Христа, живущего в сознании христианского мира, – это высшая и актуальнейшая форма Божественной реальности. Мифологический Бог у разных народов выступает как психоэнергетическая субстанция, аккумуляция психической энергии этноса в понятии («Бог»), психическая плазма воли и духа народа, имеющая идеальное существование. Он – идеальная реальность без материального бытия. Как аккумуляция психической и интеллектуальной энергии, воли и духа народа Бог оказывает огромное влияние на психическое и физическое состояние людей. Он есть выражение самосознания, интеллекта и воли, этики и эстетики, этнической идентичности, социального мироощущения на-

рода. Он объединяет этнос, спланирует психологически, воплощает его прошлое, настоящее и будущее.

Философское признание Бога, по А. А. Гагаеву, не делает человека религиозным. Оно делает его субъектом Космоса и Мирового Разума, мыслящим себя и мир, познающим законы существования Сознания и Материи.

Говоря о русских, нельзя забывать, что они многоплеменной народ, сложившийся, согласно «Повести временных лет», из чуди, мери, веси, корелы, словен, кривичей, мещеры, муромы, балтов. Этот ряд может быть продолжен эрзей и мокшей. По мнению Андрея Александровича, эрзя и мокша – субэтносы русского суперэтноса и как субэтносы русского суперэтноса являются великими народами.

А. А. Гагаев признавал связь русских со славянами, но и не преуменьшал роль балтов и финнов в их формировании и развитии. История славян и история русских – разные истории, у них разные ментальности. Русский Разум – общечеловеческий, боговдохновенный. Славянский Разум – иного качества и масштаба.

Андрей Александрович очень любил русских и сожалел, что их исторический путь перегораживается не

только Батями, Наполеонами и Гитлерами, но и Горбачевыми и Ельциными. Контрреволюция 1991–1993 гг., по его глубокому убеждению, была катастрофой и для СССР, и для всего мира. Исчез противовес, уравновешивавший силы зла и добра. Он с горечью смотрел на вузовских доцентов и профессоров – интеллектуальную элиту страны, ее главную движущую силу, недооцененную капиталом. В результате «экономии» на науке и образовании Россия из передовой превратилась в «региональную державу» в глазах США и НАТО, которые хотят отнять у нее мандат великой страны. Несмотря на трудное положение русских в наши времена, им принадлежит будущее, которое в принципе они определяют уже сегодня. Русские – молодой народ, ему предстоит пережить период зрелой мудрости и торжества в науке, искусстве, экономике, социальной сфере. Территорию длиной 12 000 км с запада на восток и шириной 5 000 км с севера на юг Провидение неслучайно дало именно этому народу, возложив на него особую миссию хранителя Человечества.

«Угро-финский космопсихо-логос» изображает русский мир в проекции на все этносы страны. Его влияние на них огромно, как и на весь остальной мир, особенно на Европу и Америку. Общероссийская гражданская идентичность существует со времен Рюрика и Вещего Олега, назвавшего Русью чудь, весь, мерю, словен и других финно-балтов, участвовавших в 882 г. в походе на Киев. Чуваши, татары, марийцы, коми, удмурты, мокшане, эрзяне – тоже Русь, ибо вошли в нее плотью и духом. Русскими они осознают себя на уровне подсознания независимо от своей антропологии.

Андрей Александрович боготворил Ленина. Революцию 1917 г. он считал событием, не уступающим по значимости творению Богом мира. Ленин – это Иисус Христос XX в., зачинатель новой эры в истории человечества – подлинной его истории. Большевики, коммунисты были правы, так как возвысили Россию до самых высоких вершин. Контрреволюционеры 1991–1993 гг. неправы, так как отбросили Россию назад, опустили на уровень отсталых стран.

Восхищался мыслитель и Толстым, Горьким, Достоевским. Их правдой. Их мыслью. Их философией. Их любовью к России. Светом, исходящим от них. Ни Ленин, ни Горький, ни Толстой, ни Достоевский неподвластны нашему суду, так как они реализовали Промысел Божий. Оценку, данную славянам Толстым и Достоевским, считал правильной. Русский правит миром, облагораживает его, спасает от катастроф. Там, где появляется русский, наступает праздник. Славянам Провидение дало иное назначение.

Выше человеческого суда считал Андрей Александрович и творчество Эрзи. В его глазах Эрзя – избранник Божий, талант мирового масштаба, в мраморе и дереве изваявший образ своего народа и образ России. Принятие им революции означает, что ее дело правое, одобренное свыше.

Из современных ученых и деятелей культуры Мордовии высоко оценивал творчество А. И. Сухарева, В. И. Кемкина, Б. Ф. Кевбрина, В. А. Попкова, Н. С. Макушкина и др. В. И. Кемкина и Б. Ф. Кевбрина признавал как значительных представителей философской мысли Мордовии и России, организовавших центры национальной философии эрзянско-го и мокшанского народов.

Н. С. Макушкину воздавал должное за иллюстрации к эпосу «Масторава», являющиеся живописным прочтением монументального эпического текста в основных его героических сюжетах и образах. А. И. Сухареву как крупному ученому и незаурядному руководителю Мордовского университета исследовали специальное исследование «Жизнь как долг. Космо-психо-логос А. И. Сухарева» (2006).

В 2014 г. в издательстве Самарского ГУПС была опубликована коллективная монография «Философия мордовской сказки. Мокшень ёфксонть философиясь. Эрзянь ёвксонть философиясь», в 2016 г. переизданная в издательстве Мордовского университета. В ней А. А. Гагаев впервые рассмотрел этику и эстетику эрзи и мокши, их судьбу и предназначение в истории, антропологическое отношение к жизни, эпос «Масторава», мифологию и сказку и т. д. За тысячу лет совместной жизни с русскими мокша и эрзя не утратили самобытности, различий в антропологии, что делает их не субэтносами, а самостоятельными этносами русского суперэтноса. Их самосознание формируется в большей мере сказкой, чем мифологией и «Масторавой».

В 2017 г. А. А. Гагаев и П. А. Гагаев опубликовали трехтомное издание «История эрзянской и мокшанской философии, философии мордвы как исторической территориальной общности». Анализ философии эрзи и мокши в сопоставлении с философией русской сказки проводится и в двухтомнике «Природа и философия русской сказки в теории русского космопсихо-логоса» (2016 г.).

Без преувеличения можно сказать, что в изучение истории и духовной культу-

ры эрзи и мокши, включая философию, А. А. Гагаев внес более весомый вклад, чем кто-либо другой из русских, эрзянских и мокшанских ученых. При этом он ни в эрзе, ни в мокше не видит «инородцев», они являются для него одной из ветвей русского народа. Национальности в современной России настолько сблизились (ментально, нравственно, эстетически, социально и политически), что они образуют единый российский (русский) народ.

В 2013–2015 гг. в газете «Литературная Россия» А. А. Гагаев и П. А. Гагаев напечатали ряд статей, посвященных «Мастораве» («Эпос трагедии и утопии», «Судьба и рок» и др.). Андрей Александрович прилагал много усилий для расширения известности «Масторавы» и роста ее авторитета. Для этого он опубликовал английский вариант статьи «Эпос трагедии и утопии» в журнале «International Journal of Russian Studies» (2015, США). Рожденная в России «Масторава», воспроизводящая в эпической форме историю эрзян, мокшан, татар и русских, является общероссийским и, безусловно, русским эпосом. Наступит время, полагал мыслитель, «Масторава» будет признана не только за рубежом, но и в России, а ее автор получит звание *Principes Poetarum*.

Андрей Александрович был очень высокого мнения о Мордовском государственном университете, крупнейшем центре российской и финно-угорской науки. Он неоднократно получал приглашения о переходе на работу в другие вузы нашей страны, ближнего и дальнего зарубежья, но остался в МГУ им. Н. П. Огарёва, чем подтвердил его международный научный статус. Будучи патриотом русского народа,

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ А. А. ГАГАЕВА

Гагаев А. А., Гагаев П. А. Космо-психо-логос Сухарева А. И. Жизнь как долг. Саранск, 2006. 42 с.

Гагаев А. А., Кудяева Н. В. Угро-финский космо-психо-логос. Саранск, 2009. 614 с.

Гагаев А. А., Гагаев П. А., Кудяева Н. В. Философия мордовской сказки = Мокшэнь ёвксонть философиясь = Эрзянь ёвксонть философиясь. Самара, 2014. 109 с.

Гагаев А. А., Гагаев П. А., Кудяева Н. В. Философия мордовской сказки = Мокшэнь ёвксонть философиясь = Эрзянь ёвксонть философиясь. 2-е изд., перераб и доп. Саранск, 2016. 160 с.

Гагаев А. А. и др. Философия и природа, космо-психо-логическая модель русской сказки: в 3 кн.: кол. моногр. / отв. ред.: А. А. Гагаев, П. А. Гагаев. Саранск, 2016.

Гагаев А. А., Гагаев П. А. История эрзянской и мокшанской философии, философии мордвы как исторической территориальной общности: в 3 т. Саранск; Пенза, 2017.

Гагаев А., Гагаев П. Судьба и рок // Литературная Россия. 2015. № 25. 10 июля.

Гагаев А. А., Гагаев П. А. «Масторава» А. М. Шаронова в лингвистической теории дискурса и текста // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы: сборник материалов XI Международной научной конференции, посвященной памяти Заслуженного деятеля науки Адыгеи и Кубани, профессора Розы Юсуфовны Намитковой. Майкоп, 2017. С. 140–145.

Гагаев А. А., Гагаев П. А., Тихонов Р. В., Бочкарева О. В. Философия «Масторавы» А. М. Шаронова // Философия и природа, космо-психо-логическая модель русской сказки: в 3 кн. Саранск, 2016. Кн. 3. С. 78–86.

Гагаев А. А., Гагаев П. А. Мокшанская сказка «Куйгорж» и ее терапевтический потенциал // Этническая культура в современном мире: материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования Чувашской автономной области. Чебоксары, 2020. С. 22–24.

с любовью писал и говорил об эрзянах и мокшанах, исследовал их философию, выраженную в сказках и героическом эпосе, описал особенности их социального и художественно-эстетического менталитета. Имея благородную натуру, светлую и добрую душу, высочайший интеллект и широчайшую эрудицию, он научными трудами воздвиг себе памятник, который будет достойно возвышаться в российской и мировой науке.

А. А. Гагаев, безусловно, — один из тех выдающихся ученых, которые формируют

образ нашего времени, вносят Логос в наше бытие, заурядное земное существование соединяют с Космосом и таким образом возвеличивают человека, приближают его к Философии и Поэзии, а значит, к Богу. 23 мая 2021 г. Андрей Александрович прекратил свое физическое существование. Но духовное его бытие в науке и общественном сознании России продолжается, осиянное исходящим от него светом добра, высочайшего интеллекта и мудрости, любви к самому благородному на свете российскому народу.

Александр Маркович Шаронов —

доктор филологических наук, профессор,

главный научный сотрудник

Научного центра социально-экономического мониторинга,

Саранск, Россия, sharon.ov@mail.ru

Alexander M. Sharonov —

Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher,

Research Center for Socio-Economic Monitoring,

Saransk, Russia, sharon.ov@mail.ru

**ТВОРЧЕСКИЕ ПОИСКИ
ХУДОЖНИКА-ПЕДАГОГА
П. Д. МИНИЧКИНА:
«ЖЕНЩИНА:
ЭХО АЛЛЮЗИЙ»**

**CREATIVE SEARCH
OF P. D. MINICHKIN,
AN ARTIST
AND A TEACHER:
“WOMAN: THE ECHO
OF ALLUSIONS”**

Рецензия на книгу: Миничкин П. Д. Женщина: эхо аллюзий. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2020. – 132 с. (12+)

Book review: Minichkin P. D. Woman: the echo of allusions. – Saransk: Publishing House of Mordovia University, 2020. – 132 p. (12+)

В конце 2020 г. вышел в свет художественный альбом «Женщина: эхо аллюзий», ставший вторым по счету каталогом творческих работ молодого художника-педагога из Республики Мордовия Павла Дмитриевича Миничкина. Он уже известен ценителям и любителям изобразительного искусства по двум персональным выставкам живописных и графических работ, которые состоялись в Саранске (Музей мордовской народной культуры, 2019 г.) и Сыктывкаре (филиал Государственного Российского Дома народного творчества имени В. Д. Поленова «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации», 2020 г.).

Серия картин изоиздания является логическим продолжением предыдущих серий «Женщины-шаманы» и «Женщины с гитарами», представленных в первом каталоге «Женщина – мир, женщина – миф» (12+) (2018). В отличие от первого художественного альбо-

ма, знакомящего читателя с работами автора в техниках акварели и компьютерной графики, во второй включены картины, выполненные в трех техниках: акварели, компьютерной графики, росписи по ткани. Кроме того, второй каталог содержит сравнительно больше творческих работ (117), чем первый (43).

Картины П. Д. Миничкина в альбоме «Женщина: эхо аллюзий» представляют собой художественное осмысление многогранности женского начала и его значимости для культуры и искусства финно-угорских народов, особенно мордвы. Об этом свидетельствует обращение художника к фольклору – неотъемлемой части духовной культуры мордовского народа, в которой большую роль играли женские божества. Именно фольклор послужил П. Д. Миничкину философско-мировоззренческой основой и одновременно сюжетно-тематической канвой при создании галереи женских мордовских мифо-

логических образов, которую составили:

– Варда (существо, олицетворяющее демоническую силу и способное выступать в разных ипостасях) – «Варда за ведением быта» (с. 13), «Варда и ее осеннее убранство» (с. 32) и др.;

– Ведява (хозяйка воды, покровительница плодородия, любви, брака и деторождения) – «Ведява» (с. 18);

– Вирява (хозяйка леса) – «Вирява» (с. 24);

– Иненармунь (птица-демиург, принимавшая участие в творении мира, посредница между верховным богом Нишкепазом и людьми) – «Иненармунь за сотворением Земли» (с. 54), «Иненармунь покидает мордовский народ» (с. 57);

– Кулома (смерть) – «Кулома на судилище мордовского народа» (с. 59);

– Юртава (хозяйка домашнего очага) – «Юртава» (с. 125).

Следует отметить, что с древних времен женщина была для финно-угров,

в частности для мордвы, непостижимой и волнующей силой: ее боялись, ей поклонялись. Именно в женщине виделась возможность сохранения этноса и этнической культуры. К тому же в финно-угорской культуре одним из самых древних и почитаемых был образ Великой Матери (Родовой богини), которая имела сильнейшую сакральную связь с реальной женщиной – своим земным воплощением. Символика этого главного женского божества финно-угорской мифологии с ее уникальным смысловым наполнением сопровождала и оберегала женщину везде и всегда. Например, у П. Д. Миничкина каждый женский образ облачен в стилизованный национальный костюм в виде яркого платья с орнаментальными композициями, а они, как известно, были пронизаны сакральным духом Великой Матери, придававшего женщине статус главной хранительницы и защитницы дома, семьи, рода, а также

того этноса, которому она принадлежала.

Показательно и то, что все женские образы, по творческому замыслу художника, наделены безграничной мудростью и сверхъестественными способностями, искусно владеют магическими ритуалами и практиками, служат олицетворением различных природных сил, символом рода, являются хранительницами тайн мироздания, а также богатства и многообразия многовековых этнических традиций, обрядов и обычаев, воплощенных в предметах духовной культуры (книгах), труда (прялках, веслах, серпах и др.) и быта (кувшинах, полотенцах, корзинах и др.). Все женщины молоды, красивы, грациозны, притягательны и в меру эротичны. В то же время они стихийны, многолики, изменчивы, загадочны и могущественны.

В завершение отметим, что в альбоме П. Д. Миничкина «Женщина: эхо аллюзий» поклонникам его творчества помимо самих картин

будет интересно вступительное слово художника, а также рецензия доктора философских наук, профессора А. А. Гагаева на выставку «Женщина – мир, женщина – миф» в Музее мордовской народной культуры и цикл образов «Великое прозрение мордовского народа», «Кулома на судилище мордовского народа», «Лживая трапеза мордвы», «Многоликость земляных пашен», «Оправдание Варды».

Лариса Викторовна Калачина –

кандидат культурологии, ответственный секретарь редакции газеты «Голос Мордовского университета» Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия, regionologiya_lk@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2575-5229>

Larisa V. Kalachina –

Candidate Sc. {Cultural Studies}, Executive Secretary of the Newspaper "The Voice of the Mordovia University", National Research Mordovia State University, Saransk, Russia, regionologiya_lk@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2575-5229>

ЗАПОЛНЯЯ ЛАКУНЫ | FILLING THE GAPS

Рецензия на книгу: Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Из литературного наследия Д. И. Морского: Переписка. Воспоминания. Рецензии. Неопубликованные произведения. – М.: ФЛИНТА, 2020. – 490 с.

Book review: Vasiliev N. L., Zhatkin D. N. From the literary heritage of D. I. Morskoy: Letters. Memories. Reviews. Unpublished works. – Moscow: FLINTA, 2020. – 490 p.

На исходе 2020 г. в столичном издательстве «ФЛИНТА» увидела свет монография Н. Л. Васильева и Д. Н. Жаткина, посвященная жизни и творчеству Дмитрия Ивановича Морского (Д. И. Малышева, 1897–1956) – знаковой фигуры мордовской русскоязычной литературы 1920–1930-х гг. Один из ее зачинателей, на начальном этапе творческого пути он получил мощную поддержку со стороны А. М. Горького и А. В. Луначарского, был близок с С. Есениным, учился у В. Брюсова.

Выходец из самых низов, «сын батрака» из глухой мордовской деревни в послереволюционные годы довольно быстро превратился в самобытного поэта, в одну из примечательных фигур молодой советской поэзии. Родным языком Дмитрия Малышева был эрзянский, но писал он в основном на русском, которым овладел в подростковом возрасте. Авторы справедливо отмечают: «В литературном плане прибегал к родному языку редко, широко используя, однако, мордовский этнический колорит в своем творчестве... что позволяет безоговорочно включать имя писателя в контекст истории многонациональной советской литературы» (с. 6). С этим суждением невозмож-

но не согласиться. Более того, Морской стоял у истоков молодой мордовской литературы, был одним из самых ярких и самобытных ее явлений тех лет.

Судьба писателя оказалась трагичной: участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, он был неоднократно (трижды) репрессирован за «антисоветскую агитацию» (реабилитирован в 1960 г.). Разумеется, Морской не был «врагом Советской власти», напротив – являлся деятельным участником и энтузиастом ее строительства. Однако как подлинный художник – искренний и неравнодушный – он видел практику и эксцессы «строительства» и не умел молчать.

Авторы проделали большую работу. Издание, посвященное литературной биографии писателя, подготовлено на основе обширных разысканий в центральных (ИМЛИ, РГАЛИ, ГЛМ, РГБ, ИРЛИ, РНБ и др.), региональных (ЦГА Республики Мордовия) архивах, в частных собраниях. Монография вводит в научный оборот новые данные о жизни и творчестве, окружении поэта, содержит подробный анализ переписки Морского с А. М. Горьким, академиком П. Н. Сакулиным, другими заметными полити-

ческими и литературными деятелями 1920-х – начала 1930-х гг. Впервые публикуются наиболее примечательные (в идеологическом и художественном аспектах) поэтические и прозаические тексты, несмотря на превратности судьбы автора, сохранившиеся в рукописях в его личном архиве. Большое достоинство издания – визуальный ряд: книга иллюстрирована прежде недоступными – по-настоящему уникальными – документами и фотографиями.

Во введении авторы сообщают, что выход книги первоначально планировался в серии «Библиотека “Литературного наследия”», продолжающей (и развивающей) многолетний легендарный проект Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Данное обстоятельство, судя по всему, предопределило и структуру книги. Помимо обширного введения, погружающего читателя в контекст личности и судьбы писателя, ее составляют несколько разделов, образующих архитектуру издания. Прежде всего это корпус материалов, связанных с фигурой Горького: переписка Морского с советским классиком и воспоминания о нем. Второй раздел – переписка с

П. Н. Сакулиным, академиком АН СССР, виднейшим литературоведом 1920-х гг. (он принял живейшее участие в судьбе тогда совсем еще молодого автора, написав предисловие к сборнику его произведений). Следующие два – эпистолярное наследие: переписка поэта с различными частными и должностными лицами, советскими и литературными организациями, редакциями газет, журналов, издательствами, «включая реакцию «контрагентов» на обращение Д. Морского».

Безусловный интерес представляют рецензии и отклики на произведения писателя. Они дают возможность не только узнать о перипетиях творческой судьбы литератора, но и ощутить неповторимый колорит тех удивительных лет. Привлечет внимание читателей и раздел, образованный автобиографическими, литературно-критическими, публицистическими и мемуарными сочинениями автора. Среди них, пожалуй, особое место занимают две публикации: воспоминания о Сергее Есенине и письмо И. В. Сталину. Впрочем, не менее интересны размышления Морского о поэзии, литературном труде и о предназначении писателя; тексты, созданные в «Бамлаговский» период.

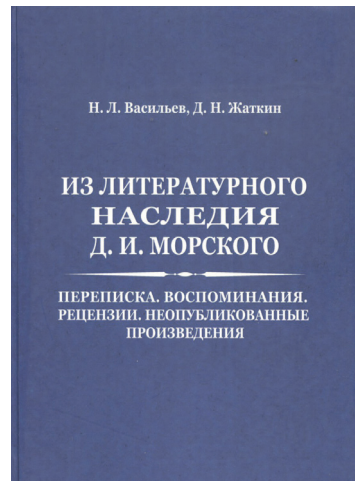
Самая объемная часть книги – «Неизданные поэтические произведения Д. И. Морского». Сюда вошли «наиболее яркие, оригинальные в идейно-художественном и биографическом отношении стихотворения и поэмы, показывающие писателя с неожиданных эстетических сторон» (с. 21). В их числе – никогда прежде не публиковавшаяся (по идеологическим и цензурным соображениям) поэма «Сольвейг» (1938–1940). По мнению публикаторов,

она продолжает традиции отечественной арестантской поэзии XIX в. (В. Ф. Равевский, А. И. Полежаев, Н. П. Огарев, В. К. Кюхельбекер, А. И. Одоевский и др.) и, безусловно, вызовет интерес научного сообщества. При жизни автора не могли быть опубликованы (по политическим мотивам) и эпиграммы, помещенные в книге, и многие из стихотворений 1920–1930-х гг.

Издание украсил визуальный ряд: множество фотографий, на которых запечатлены сам писатель в разные периоды жизни, обложки его книг, документы, те, с кем он общался, дружил, вступал в споры.

Авторы утверждают: «Выполненное исследование не является ни биографией Д. Морского, ни очерком его творчества, ни репрезентацией (в строгом смысле) наследия поэта, а носит, преимущественно, документальный характер. Наша цель дополнить уже известное о писателе и стимулировать внимание к его произведениям и литературной судьбе, в чем-то типичной для советской эпохи и в то же время уникальной» (с. 25).

Думается, исследователи недооценивают свой труд: проделана огромная работа по заполнению лакун, накопившихся вокруг имени и творческого наследия писателя, его трагичной судьбы и обстоятельств личной жизни. Это важно и нужно для адекватного восприятия

не только фигуры литератора и контекста эпохи, но и процессов становления словесности в многонациональной России.

Монографию можно (и необходимо!) рассматривать как естественное продолжение (и отчасти завершение) работы, начатой еще на рубеже 1950–1960-х гг. Н. Л. Васильев, один из авторов книги, продолжил исследование своего отца, ученого-литературоведа Л. Г. Васильева, опубликовавшего в 1964 г. первую в России книгу о Дмитрии Морском¹, – и это обстоятельство не может не вызывать уважения. К сожалению, когда номер готовился к печати, пришло печальное известие о кончине Николая Леонидовича. Светлая память о нем навсегда останется в сердцах его учеников и коллег.

¹См.: Васильев Л. Г. Дмитрий Морской: очерк жизни и творчества. Саранск, 1964.

Андрей Борисович Танасейчук – доктор культурологии, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия, atandet@yandex.ru

Andrey B. Tanaseichuk – Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia, atandet@yandex.ru

**ПОДАРОК
К 100-ЛЕТИЮ
РЕСПУБЛИКИ
МАРИЙ ЭЛ** | **GIFT FOR THE 100TH
ANNIVERSARY
OF THE REPUBLIC
OF MARY EL**

Рецензия на книгу: Путь национального самоопределения народа мари. 100-летию образования Республики Марий Эл посвящается / авт.-сост.: Е. П. Кузьмин, Р. И. Чузаев. – М.: РК «Галерея», 2019. – 112 с.: ил.

Book review: Kuzmin Ye. P., Chuzaev R. I. The path of national self-determination of the Mari people. Dedicated to the 100th anniversary of the formation of the Republic of Mari El. – Moscow: AC “Galeria”, 2019. – 112 p.: ill.

В 2019 г., накануне 100-летия образования Республики Марий Эл, увидело свет научно-популярное издание «Путь национального самоопределения народа мари», подготовленное авторами-составителями кандидатами исторических наук Евгением Петровичем Кузьминым (директором Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева) и Родионом Ивановичем Чузаевым (директором института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета).

Книгу большого и нестандартного формата с высоким качеством полиграфического исполнения, ярким и привлекательным дизайном можно отнести к типу эксклюзивных подарочных изданий. Бесспорно, Республика Марий Эл получила еще один прекрасный подарок к юбилею. Вместе с тем издание представляет большую ценность и в сво-

ей содержательной части – прежде всего как работа, знакомящая широкий круг читателей с результатами новейших исследований, посвященных истории формирования национального сознания мари и образования автономии марийского народа. Несомненный интерес работа вызовет и у научных специалистов, так как она богато снабжена фотокопиями подлинных архивных документов, печатных изданий и уникальных фотографий из фондов Государственного архива Республики Марий Эл, Государственного архива аудиовизуальной документации Республики Марий Эл, Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева, Центрального исторического архива Республики Башкортостан. Также книга может широко и эффективно использоваться в работе образовательных организаций и

культурно-просветительных учреждений.

Первый тематический раздел книги представляет собой исторический очерк о становлении и развитии пути национального самоопределения народа мари, увенчанного созданием национально-территориальной автономии в 1920–1921 гг. Непосредственным автором этой части издания является Р. И. Чузаев. Используя материалы своей монографии, посвященной зарождению марийского национального движения¹, основное внимание он уделит судьбоносным событиям 1917–1918 гг.

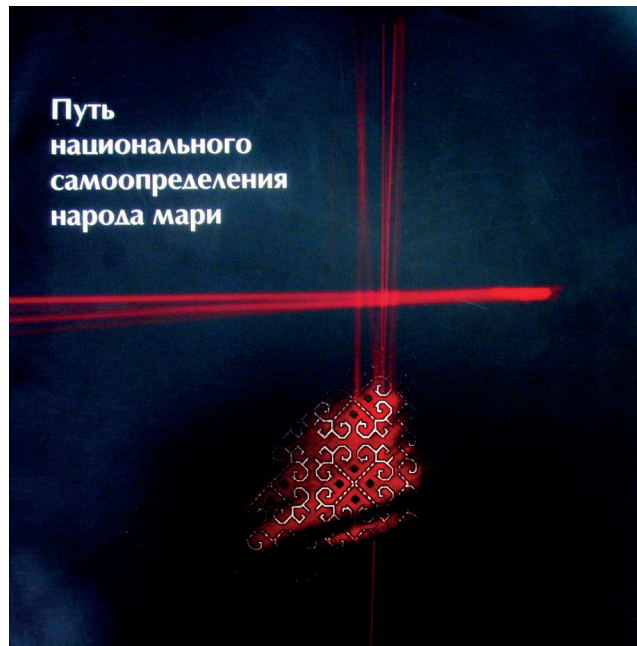
Читателям, интересующимся историей марийского народа и Марийского края, хорошо известны публикации и выступления Р. И. Чузаева. Но все же, не ограничиваясь повторением собственных взглядов и выводов, на страницах настоящего научно-популярного издания исследователь впервые публично высказал свои идеи, которые ранее им не излагались. В част-

¹ См.: Чузаев Р. И. Марийское национальное движение в 1917–1918 гг. Йошкар-Ола, 2008.

ности, рассматривая предпосылки возникновения национальной мысли, он поделился с читателями оригинальными суждениями по поводу периодизации формирования национального сознания марийского народа.

Как отмечает автор, «практически на всех исторических этапах народ вынужден был отвечать или, по крайней мере, задумываться о своем самоопределении». В Средние века и в начале Нового времени (до вхождения в состав России во второй половине XVI в.) идея самоопределения народа мари находилась в плоскости государственной самоорганизации и была связана «с оформлением и усилением собственной княжеской власти, опирающейся на преданную военизированную структуру (дружину, рать)» (с. 4). В последующем – до XIX в. – формирование национальной идеи происходило в плоскости религиозного, языкового и культурного самосохранения (с. 4–5). Особо ученый выделяет период второй половины XIX – начала XX в., когда была создана ресурсная база «для будущей, качественно новой, волны самоопределения мари»: возникла сеть школ на территориях проживания мари, сформировалось первое поколение марийской интеллигенции, зародилась марийская художественная литература, появилась марийская периодическая печать (с. 5–7).

Новый этап в формировании национального сознания мари, как считает Р. И. Чузаев, начался в 1917 г. Это был этап «интенсивной генерации идей, их широкого, массового обсуждения и протоколирования, институционализации национального движения» (с. 8). Верхняя граница данного

этапа историком четко не очерчена. По всей видимости, она выходит за пределы хронологических рамок рассматриваемой темы. Во всяком случае в работе особо выделен период с февраля 1920 г. до лета 1921 г., когда происходила «стремительная по историческим меркам и сложнейшая в плане тактической неопределенности “гонка” по созданию национально-территориальной автономии марийского народа» (с. 55).

Предложенные Р. И. Чузаевым контуры периодизации формирования национального сознания марийского народа, несмотря на некоторый умозрительный характер, не лишены надежных на то оснований. Очевидно, чтобы окончательно обосновать (или опровергнуть) данную периодизацию, следует провести монографическое исследование по междисциплинарной проблеме формирования и развития национального сознания народа мари на протяжении всей его этнической истории.

Главное внимание в историческом очерке, как указывалось выше, уделено периоду, непосредственно предшествовавшему образованию марийской национально-территориальной автономии (1917–1919 гг.). Вместе с тем значительное место отведено и анализу исторической обстановки, сложившейся в Марийском крае и в стране до событий 1917 г. В книге достаточно глубоко и всесторонне рассмотрены подготовка, ход, итоги I Всероссийского съезда мари, состоявшегося в июле 1917 г. в г. Бирске Уфимской губернии, развитие марийского национального движения в рамках претворения в жизнь решений данного съезда, процесс трансформации и фактической ликвидации марийского национального движения под воздействием органов советской власти в 1918 г., ход и результаты проходившего в июне 1918 г. в г. Казани II Всероссийского съезда мари. Процесс создания автономии марийского народа показан в тесной связи с со-

бытиями российского масштаба и судьбами других народов Волго-Камья.

Автор не склонен поддерживать расхожий тезис о «подаренной большевиками автономии», отмечая, что «естественный процесс протекания нациестроительства, тем более строительства государственности мари, мог занять более длительные сроки», однако в условиях проводимой большевиками политики решать вопрос о создании автономии приходилось в срочном порядке, «здесь и сейчас» (с. 54). Он также отвергает утверждение ряда исследователей, что в 1919 г. в связи с Гражданской войной в процессе строительства марийской государственности наступила пауза, на конкретных примерах показывая, как в это время «события развивались, словно разогнавшаяся машина» (с. 54–55). Сам ход создания марийской автономии в 1920–1921 гг. Р. И. Чузаев излагает тезисно, предлагая читателям, желающим получить более подробную информацию с глубокой аналитикой, обратиться к работам профессора К. Н. Санукова.

Необходимо подчеркнуть, что К. Н. Сануков является автором 13 из 26 биографических очерков второго раздела рассматриваемой книги; остальные 13 биографий

написаны Ю. В. Ерошкиным, Н. А. Федосеевой, В. Д. Шаровым, другими научными сотрудниками Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, ученым-историком из Марийского государственного университета А. Г. Ошаевым. Авторы-составители скомпоновали данный раздел из ранее опубликованных биографий исторических деятелей², внесших, по их мнению, наибольший вклад в дело развития просвещения и культуры марийского народа, строительства Марийской автономной области.

Во-первых, в раздел включены биографии тех, кто просветительской деятельностью прививал марийскому народу осознание этнической идентичности, поднимал интерес к своей истории и культуре: А. Д. Альбинского, П. П. Глезденева, П. Г. Григорьева (Эмяша), Ф. Е. Егорова, Т. Е. Ефремова, Н. И. Ильминского, И. Н. Смирнова, Г. Я. Яковлева, М. Н. Янтемира. Во-вторых, сюда вошли биографии тех, кто закладывал основы марийской литературы и гражданской культуры: В. М. Васильева, Г. Г. Кармазина, И. С. Ключникова-Палантая, Л. Я. Мендиярова, С. Г. Чавайна. В-третьих, здесь представлены жизнеописания

деятелей, сыгравших ключевую роль в создании автономии марийского народа: Н. А. Алексеева, Н. Ф. Бутенина, С. Г. Гаврилова (Эпина), А. В. Григорьева, И. Н. Коведяева, В. А. Мухина (Сави), И. П. Петрова, И. Н. Смирнова, М. М. Товашова, С. А. Чернякова, И. А. Шигаева, А. К. Эшкинина.

Как указывают авторы-составители, «третий раздел содержит подлинные исторические документы, наглядно отражающие путь национального самоопределения народа мари» (с. 3). Следует отметить, что данный раздел в издании особо не выделен и на самом деле распределен по первым двум разделам, следуя логике и очередности изложения материала. Однако опубликованные документы, во всем многообразии передающие содержание эпохи, действительно имеют большую научную ценность, некоторые из них впервые вводятся в научный оборот.

В целом научно-популярное издание «Путь национального самоопределения народа мари» написано на высоком научном уровне, живым языком, читается легко и с большим интересом. Несомненно, оно является ценным вкладом в изучение истории Марийского края, Поволжья и России.

² См.: История Марийского края в лицах. XIV – начало XX веков. Йошкар-Ола, 2012; История Марийского края в лицах. 1917–1940 гг. Йошкар-Ола, 2017.

Сергей Константинович Свечников –

*кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник направления «Этнология»
Марийского научно-исследовательского института языка,
литературы и истории им. В. М. Васильева,
Йошкар-Ола, Россия, svechnikov-sk@mail.ru*

Sergei K. Svechnikov –

*Candidate Sc. {History}, Leading Researcher, Direction "Ethnology",
Mari Research Institute of Language, Literature and History named
after V. M. Vasiliev, Yoshkar-Ola, Russia, svechnikov-sk@mail.ru*

МАРИЙСКАЯ УЧЕБНАЯ КНИГА КАК ФЕНОМЕН НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ*

MARI COURSE BOOK AS A PHENOMENON OF NATIONAL CULTURE

Рецензия на книги: Михайлов В. Т. Марийская национальная учебная книга: история, теория, практика / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет». – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2020. – 356 с.; Его же. Марийская национальная учебная книга: библиогр. указ. / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет». – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2020. – 408 с.

Book review: Mikhailov V. T. Mari national course book: history, theory, practice / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation; Mari State University. – Yoshkar-Ola: Mari State University, 2020. – 356 p.; Mari national study book: bibliographic index / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation; Mari State University. – Yoshkar-Ola: Mari State University, 2020. – 408 p.

Изучение и теоретическое осмысление истории становления и развития учебной книги народов России является важнейшим направлением в современной науке, позволяющим изучать структурные компоненты национальной культуры: эволюцию национальной системы образования в Российском государстве, ее роль в формировании этнического и общероссийского самосознания, функции национального учебника как историко-педагогического явления.

Исследование данного явления возможно и актуально в силу того, что в учебной книге отражаются многовековой опыт народа, его история, уклад жизни, традиции, социальные нормы поведения, духовные ценности с учетом языковых, социокультурных, этнопсихологических и других особенностей.

Монографическое исследование кандидата педагогических наук заведующего лабораторией «Марийская школа» Марийского государственного университета Виталия Тимраевича Михайлова, посвященное всестороннему изучению, обобщению и анализу эволюции марийской учебной книги как феномена национальной культуры, имеет исключительную актуальность, научно-теоретическую и практическую значимость. Кроме того, ценность исследования определяется и его вкладом в дальнейшую разработку проблем сохранения и развития единого образовательного пространства в Российской Федерации, формируемого на основе единства этнического и общероссийского самосознания.

Перед нами научный труд, базирующийся на внушительной источниковой

базе. Автором монографии осуществлен тщательный сравнительно-исторический, историко-культурный, ретроспективный анализ разнообразных архивных, нормативных, государственных документов об образовании, материалов государственной и ведомственной статистики, документации и отчетности общеобразовательных организаций, марийской национальной учебной литературы, изданной в разные годы, рецензий на учебную литературу, трудов классиков педагогики, советских и современных педагогов по обозначенной проблеме.

Хронологические рамки исследования охватывают исторический период становления и развития марийской национальной школы и марийской учебной литературы начиная со второй половины XVIII в. до настоящего времени. В монографии рас-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-013-00404.

крыта историческая роль Российского государства в формировании национальной образовательной политики, проведен сравнительный анализ нормативно-правовой базы федерального и регионального уровня по национальному образованию и современного состояния этнокультурного образования в субъектах Российской Федерации, определены теоретические основы содержания современного этнокультурного образования и разработана концепция марийской национальной учебной книги.

В четырех главах монографии последовательно рассматриваются теоретико-методологические и прикладные основы исследуемой проблемы.

Глава «Теоретико-методологические основы национальной учебной книги» содержит анализ становления и развития теории учебника в период классической педагогики (XVII–XIX вв.), теоретико-методологических подходов к разработке учебной книги в советской педагогике 1920–1930-х гг., развития теории учебника в современной отечественной педагогической науке.

В главе «Зарождение и становление марийской национальной учебной книги в эпоху царской России» выявлены социально-исторические предпосылки зарождения и становления марийского учебника. Освещена образовательная политика царского самодержавия по просвещению инородческого населения Казанской губернии в XVIII – начале XX в., выявлены вклад марийских просветителей в становление и развитие марийской учебной книги и их концептуальные подходы к ее разработке. Автор монографии убежден, что основой педагогической системы марийских просветителей, воплощенной в учебные по-

собия в те годы, стали опора на народный опыт воспитания, использование этнопедагогического потенциала марийского народа.

Глава «Советский период эволюции марийской национальной учебной книги» отслеживает поступательное развитие марийской национальной учебной книги в годы советской власти (1917 – конец 1980-х гг.), выявляет его концептуальные основы и доказывает необходимость преемственного использования позитивного опыта при разработке современных учебников для национальной школы. В монографии отмечается, что марийская учебная книга этого периода представляет интерес как историческое и культурное наследие и в то же время как ценнейший опыт создания учебников для национальной школы.

В главе «Современное развитие марийской национальной учебной книги» всесторонне рассматриваются тенденции национальной образовательной политики Российской Федерации и Республики Марий Эл. В контексте исследуемой проблемы характеризуется языковая ситуация, сложившаяся в начале XXI в. в Марий Эл. В соответствии с современными требованиями, определяемыми ФГОС общего образования и социальным заказом общества на подготовку конкурентоспособного молодого поколения, дается авторская оценка программ, учебной литературы, реализующих содержание этнокультурного образования в республике. Автор считает, что в основу содержания этнокультурного образования должны быть положены учет особенностей восприятия мира и мышления этноса (ментальность), строй языка, его изменившийся статус. Содержание современных учебников, по мнению В. Т. Михайлова,

должно преследовать двоякую цель: 1) способствовать сохранению и развитию родного языка и культуры, формированию этнического самосознания; 2) содействовать сохранению единого образовательного пространства, воспитанию общероссийской идентичности, толерантной личности и одновременно патриота своей Родины.

Основная цель монографического исследования, состоящая во всестороннем изучении, обобщении и анализе эволюции национальной учебной книги в Марийском крае (от издания первой марийской грамматики по настоящее время) как феномена национальной культуры марийского народа, на наш взгляд, достигнута.

Комплексное изучение истории национального образования в России становится возможным лишь при широком использовании в научных исследованиях всех видов источников, их объективного и тщательного анализа. В связи с этим В. Т. Михайловым систематизирован комплекс изданной на марийском языке учебной литературы для национальной школы начиная с 1775 г. (год издания первой марийской грамматики) до сегодняшнего дня с последующей классификацией по видам в библиографическом указателе. Библиографический указатель «Марийская национальная учебная книга» должен удовлетворить давно назревшую потребность в научной библиографии марийской национальной учебной книги.

Основная цель библиографического указателя – представление максимально полной информации о марийской учебной литературе, изданной в указанный хронологический период, со справедливой претензией на ее роль как значимой составля-

ющей культурного наследия марийского народа.

Указатель выполняет прикладную научно-образовательную задачу: по его содержанию (количеству и ассортименту изданной учебной литературы) можно судить о национальной и образовательной политике Российского государства в разные исторические периоды, этапах развития и особенностях марийского языка, эволюции марийской национальной школы. В то же время указатель является важным источником по сохранению и введению в научный оборот редких (редких, дооктябрьского периода) изданий, неизвестных широкому кругу читателей. Большой интерес он представляет и для изучения истории книгоиздания в России: развития издательского дела, типографского искусства и мастерства оформления книги в связи с общим развитием русской и национальной художественной культуры.

Таким образом, по мнению Виталия Тимраевича, марийскую национальную учебную книгу за 250-летнюю историю ее существования можно определить как историко-педагогический феномен, отразивший образовательно-просветительную составляющую этнической культуры и обусловивший современное цивилизационное развитие марийского народа, пути его приобщения к достижениям всемирного культурного наследия.

Автор монографии приходит к выводу, что стоявшие перед марийским народом в начале XX столетия задачи сохранения и развития языка, культуры, традиций, последующие культурные трансформации, повлиявшие на ментальные характеристики народа, не потеряли своей актуальности. Это является одним из основных аргументов, во-первых, для

преемственного использования имеющегося позитивного исторического опыта по созданию марийской национальной учебной литературы, во-вторых, для обеспечения ориентированности содержания образования, реализуемого в учебнике, на решение социально значимых задач, стоящих сегодня перед народом, с учетом изменившейся социокультурной и этноязыковой ситуации, особенностей восприятия мира и мышления этнической общности, этнопсихологических характеристик детей.

В целом проблема создания учебной литературы требует дальнейшей разработки. Необходимы непрерывное изучение и обобщение практики создания национальной учебной литературы народов РФ с целью дальнейшего совершенствования учебной книги.

Полученные результаты исследования В. Т. Михайлов успешно реализует на практике, выступая автором и соавтором учебных пособий и программ для общеобразовательных и высших учебных заведений¹.

Востребованность монографии и библиографического указателя В. Т. Михайлова бесспорна. Сформулиро-

¹См.: Литература народов России: учеб. пособие / под ред. Р. З. Хайруллина, Т. И. Зайцевой. М., 2016; Устное народное творчество мари: учеб. пособие. Йошкар-Ола, 2011; Устное народное творчество мари: хрестоматия. Йошкар-Ола, 2011; История марийской литературы: учеб. пособие. Йошкар-Ола, 2019 и др.

Родион Иванович Чузаев – кандидат исторических наук, директор института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета, Йошкар-Ола, Россия, chuzaevr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0709-2166>

Rodion I. Chuzaev – Candidate Sc. {History}, Director of the Institute of National Culture and Intercultural Communication, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, chuzaevr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0709-2166>

ванные в них выводы и положения могут быть использованы при формировании национальной культурно-образовательной политики и содержания этнокультурного образования на федеральном и региональном уровне, при разработке концептуальных основ создания учебной литературы нового поколения для национальной школы. Результаты исследования представляют практическую ценность для авторов при создании нового поколения учебной литературы для национальной школы.

Вне сомнения, издания внесут серьезный вклад в изучение и осмысление истории марийской школы в целом и марийской учебной литературы в частности. Фактический материал и выводы автора помогут ответить на многие вопросы при изучении аналогичных научных и методических проблем родственных финно-угорских народов.

Рецензируемый научный журнал «**Финно-угорский мир Finno-Ugric World**» основан в 2008 г. и считает своей миссией всемерное распространение знаний о финно-угорских народах, популяризацию языков, литературы, народной культуры и искусств, истории родного края.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников согласно Номенклатуре специальностей научных работников. Проводится научное рецензирование поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки.

К рассмотрению принимаются оригинальные работы (научные статьи, обзоры, рецензии и отзывы), тематически связанные с проблемами финно-угорского мира. Набор материалов осуществляется по следующим научным направлениям:

«Филологические науки» – **10.02.00 Языкознание;**

«Исторические науки» – **07.00.00 История и археология;**

«Культурология» – **24.00.00 Культурология.**

Учредителем и издателем журнала является федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».

С 2012 г. журнал входит в утвержденный Министерством образования и науки Российской Федерации Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор:

Макаркин Николай Петрович, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения.

Научные редакторы:

Мосина Наталья Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Филологические науки»;

Корнишина Галина Альбертовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Исторические науки»;

Бояркин Николай Иванович, доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Культурология».

В состав редакционного и экспертного советов входят ученые, организаторы науки, представители государственной власти, национальных общественных объединений, деятели культуры и искусств финно-угорских регионов Российской Федерации, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Франции и Литвы.

Журнал индексируется и архивируется в следующих базах данных:

Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ERIH PLUS

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich's Global Serials Directory

The peer-reviewed academic journal “**Finno-Ugric World**” was founded in 2008. It seeks to develop Finno-Ugric studies, Finno-Ugric languages, literature, folk culture and arts, and the history of the native land.

The names and content of the journal’s sections correspond to the groups of specialties of academic staff in accordance with the Nomenclature of Specialties of Academic Personnel. The journal follows a double-blind peer review process to maintain its high standard of the editorial expert assessment.

The journal seeks papers and book reviews on various aspects of Finno-Ugric Studies. It covers the following research areas:

“Philology” – **10.02.00 Linguistics**;

“History” – **07.00.00 History and Archeology**;

“Cultural Studies” – **24.00.00 Cultural Studies**.

The founder and publisher of the journal is Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Ogarev Mordovia State University”.

Since 2012, the journal is included in the “List of Russian peer-reviewed academic journals approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to publish research results of Dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences”.

Editor in Chief:

Nikolay P. Makarkin, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies

Editorial Board:

Natalya M. Mosina, Doctor of Philology, Professor, Department of Finno-Ugric Philology, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Philology”;

Galina A. Kornishina, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, National Research Ogarev Mordovia State University, section “History”;

Nikolay I. Boyarkin, Doctor of Art History, Professor, Leading Researcher of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Cultural Studies”.

The editorial board includes scholars, academics, representatives of State Bodies, National Public Associations, and representatives of culture and arts of the Finno-Ugric regions of the Russian Federation, Finland, Hungary, Estonia, France and Lithuania.

The journal is indexed and archived:

Russian Science Citation Index (RSCI) on the Web of Science platform

Russian Science Citation Index (RISC)

European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS)

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich’s Global Serials Directory

Главный редактор *Н. П. Макаркин*

Заместитель главного редактора *А. В. Родняков*

Научные редакторы:

Н. И. Бояркин, Н. М. Мосина, Г. А. Корнишина

Редактор *Е. С. Руськина*

Верстка и дизайн *Л. В. Калачина*

Корректор *Т. И. Кильдюшкина*

Перевод *О. С. Сафонкина*

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Рукописи не возвращаются.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, размещенных в журнале, допускается только с разрешения редакции

*На обложке: 1-я стр. – рисунок «Самоедка»
из книги «Этнографическое описание народов России», 1803, ч. 1;
4-я стр. – творческая работа П. Миничкина «Оправдание Варды», 2020, бумага, акварель*

Editor in Chief *N. P. Makarkin*

Assistant Editor *A. V. Rodniakov*

Editorial Board:

N. I. Boyarkin, N. M. Mosina, G. A. Kornishina

Editor *E. S. Ruskina*

Layout design *L. V. Kalachina*

Correction by *T. I. Kildiushkina*

Translation by *O. S. Safonkina*

The journal is included in the list of Russian peer-reviewed journals to publish research results of the dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences

The Editorial board reserves the right not to return manuscripts.

Editorial opinion may not coincide with the views of the authors of articles

Articles reprinting is allowed only with the permission of the Editors

On the cover: page 1 – drawing “*Samoyedic Woman*”
from the book “*Ethnographic Description of the Peoples of Russia*”, 1803, part 1;
page 4 – work of P. Minichkin “*Warda’s explanation*”, 2020, paper, watercolor